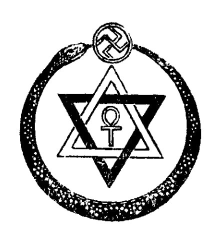


ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

7 іюля — 7 августа.

№ 7—8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

Религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ".

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской*, при участіи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, А. В. Борніо, Н. К. Боянуса, А. Ф. Вельцъ. А. С. Гралевской, С. Н. Даль, Н. Г., М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, М. Летрэ, Н. Лихачевой, А. Минцловой, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ. Б. Ф., А. В. Унковской* и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ іюнь и августъ) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія крупныя статьи: „Законы высшей жизни" **А. Безантъ;** „Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ", **Т. Паскаль;** „Древняя мудрость", **А. Безантъ** (продолженіе); „Какъ достигается познаніе сверхчувственныхъ міровъ", **Р. Штейнера** (продолженіе); „Братство", **Т. Паскаля;** „Смерть и за гробомъ", **А. Безантъ;** „Звукъ-созидатель", *Дайна;* **Б'хагаватъ-Гита;** „Великіе посвященные", *Э. Шюре* (продолженіе).

Цѣна **4** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за $1/2$ года—**2** р. **20** к., за 3 мѣсяца—**1** р. **10** к. Отдѣльный №—**50** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**40** к. Цѣна за границу **7** руб. Разсрочка не допускается.

Лица, желающія получить вышедшіе листы „Древней мудрости" **А. Безантъ,** и „Великихъ посвященныхъ" *Э. Шюре*, вносятъ при подпискѣ дополнительно еще одинъ рубль.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 12—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1909 г.**

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по вторникамъ и пятницамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.



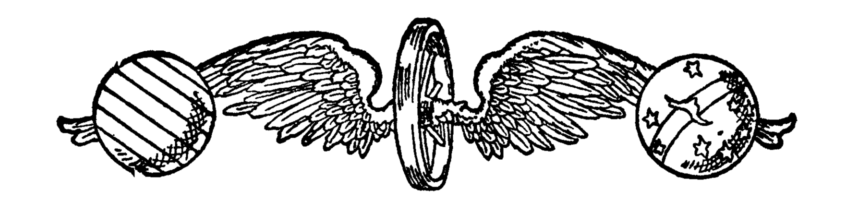
Спб. Городская Типографія. Садовая, 55, уг. Вознесенскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

іюльской—августовской книжки „Вѣстника Теософіи“.

Отъ Редакціи.

По недосмотру Редакціи, статья А. Безантъ „Законы Высшей Жизни“ („Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г. №№ 3, 4 и 5—6) какъ подъ статьей, такъ и въ оглавленіи, показана переведенною М. А. Эртелемъ. Въ дѣйствительности, переводъ этотъ принадлежитъ Наталіи Александровнѣ Эртель.



Царство мира

(The Place of peace).

Annie Besant.

Вездѣ раздаются жалобы на спѣшку, суету и лихорадочность нашей жизни. „Мнѣ некогда“ самое обыкновенное изъ извиненій. Книги замѣняются журналами, политическіе трактаты передовыми статьями, изслѣдованіе—чтеніемъ. Вниманіе женщинъ и мужчинъ все больше и больше захватывается пустяками; ничтожные успѣхи въ дѣловыхъ предпріятіяхъ, маленькія награды, минутная слава въ политической или литературной дѣятельности—вотъ цѣль человѣческихъ стремленій и борьбы.

Трудъ долженъ немедленно увѣнчаться успѣхомъ, чтобы не быть признаннымъ заблужденіемъ, призовой столбъ долженъ стоять на видномъ мѣстѣ, чтобы послѣ небольшого усилія достичь его при громкомъ рукоплесканіи и привѣтственномъ кликѣ народа. Репутація, заслуженная долгими годами серьезнаго труда, терпѣливое усиліе, посредствомъ котораго обработывается въ теченіи цѣлой жизни поле, жатва котораго зрѣетъ тогда, когда сѣятель уже исчезъ; выборъ идеала, слишкомъ высоко стоящаго, чтобы плѣнить средняго человѣка, слишкомъ обширнаго, чтобы быть вмѣщеннымъ въ кругъ одной жизни—на все это смотрится съ добродушнымъ презрѣніемъ, или съ презрительнымъ недовольствомъ. Духъ нашего времени можетъ выразиться въ ѣдкихъ словахъ стариннаго китайскаго мудреца: „Онъ смотритъ на яйцо и надѣется услышать звонкое кукуреку“. Природа для насъ слишкомъ медлительна, мы забываемъ что то, что выигрываемъ въ скорости, мы теряемъ въ глубинѣ. Но для нѣкоторыхъ эта головокружительная пляска мошекъ на солнцѣ не есть смыслъ и конецъ человѣческой жизни. Нѣкоторые слышатъ въ сердцахъ своихъ тихій

шепотъ, который говоритъ имъ, что это кажущееся оживленіе, эта суета, ничто иное, какъ борьба китайскихъ тѣней на экранѣ, что успѣхъ въ частныхъ и общественныхъ дѣлахъ, восхищеніе публики—въ лучшемъ случаѣ лишь пустяки, пузыри, плывущіе внизъ быстрой рѣченки, не достойные ни соперничества, ни ревности, ни страданій, причиняемыхъ ихъ погоней другъ за другомъ. Развѣ у жизни нѣтъ тайнъ, не лежащихъ на поверхности? Задачъ не разрѣшенныхъ сразу? Богатствъ не разбросанныхъ по большимъ дорогамъ?

Отвѣтъ можетъ быть найденъ въ кругу опыта каждаго изъ насъ и этотъ отвѣтъ содержитъ въ себѣ указаніе и на болѣе глубокую таящуюся въ немъ правду.

Послѣ недѣли или мѣсяца хлопотливой городской жизни съ ея мелкой суетой, интригами изъ за ничтожныхъ побѣдъ, разочарованіемъ, страданіемъ отъ неосуществленныхъ желаній, со столкновеніями эгоистическихъ „я“ съ другими такими же эгоистическими „я“; послѣ всего этого, удалимся отъ шума и крика въ тишину молчаливыхъ горъ, гдѣ слышится только гармонія природы. Эта гармонія не только не нарушаетъ покоя, а какъ бы растворяется въ немъ. Слышится шумъ водопада, ставшаго богаче водой послѣ ночного дождя, шелестъ сухихъ листьевъ подъ лапками зайчика, лепетъ волнъ, въ которыхъ плаваетъ водяная курочка, клокотаніе водоворота, жужжаніе насѣкомыхъ въ высокой травѣ, сопѣніе рыбъ въ тѣнистомъ прудѣ. Здѣсь, вдали отъ людей, съ успокоенными мыслями отъ общенія съ природой, какой видъ принимаютъ тѣ безумія, тѣ крайности свѣтской работы, и удовольствій, когда смотришь на нихъ черезъ призму атмосферы, насыщенной миромъ? Какое значеніе имѣетъ то, что мы выиграли или проиграли ту или другую маленькую битву? Какое значеніе имѣетъ, что тотъ или другой насъ хвалилъ, или бранилъ? Удалившись отъ центра вихря, отъ кружащихся водъ, мы пріобрѣли перспективу и видимъ, какое незначительное мѣсто въ жизни должны бы занимать эти внѣшнія явленія. Разстояніе во времени и пространствѣ позволяютъ намъ правильно судить о радостяхъ и горестяхъ жизни. Вспоминая наши волненія, радости, надежды и разочарованія по истеченіи 10 лѣтъ, мы удивляемся, что тратили столько жизненной энергіи на такія незначительныя вещи. Даже самыя острыя страданія кажутся людямъ сильно измѣнившимися, странно нереальными: вся жизнь наша была посвящена другой дорогой жизни и вся ея цѣнность, казалось, въ этомъ и состояла. Когда вѣра эта была обманута, наша жизнь была раз-

бита, но время проходило, рана заживала и новые цвѣты распускались на краю нашей дороги. Теперь же мы въ состояніи оглянуться безъ содраганія и вспоминать тѣ муки, которыя почти опустошили жизнь. То мы разстались изъ за обиднаго слова съ другомъ; какимъ безуміемъ кажется намъ теперь наше горе и наша злоба. То мы безумно радовались достигнутому успѣху; какимъ пустымъ онъ кажется намъ теперь, когда мы въ состояніи судить о его настоящемъ размѣрѣ; тогда радость наша занимала весь горизонтъ, теперь стала лишь точкой. Но наше философское спокойствіе, съ которымъ мы смотримъ на побѣды и пораженія, происшедшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, значительно нарушается, когда мы возвращаемся къ нашей ежедневной жизни. Всѣ эти старые пустяки въ новыхъ платьяхъ занимаютъ насъ снова, старыя радости и горести въ новомъ видѣ плѣняютъ насъ: „Бурныя чувства натискомъ завладѣваютъ сердцемъ“ и разомъ больше мы начинаемъ тратить жизнь на мелкія хлопоты, мелкія пререканія, мелкія желанія, мелкія разочарованія.

Должно ли это всегда быть таковымъ?

Должны ли мы зависѣть отъ всѣхъ внѣшнихъ мелочей, съ тѣхъ поръ какъ обязаны играть роль въ жизненной драмѣ?

Или же мы можемъ, будучи ими окружены во времени и пространствѣ, всетаки найти царство мира, какъ будто удалившись отъ всего?

Да, мы въ состояніи это сдѣлать, и это то и есть та правда, которая содержится въ найденномъ нами поверхностномъ отвѣтѣ.

Человѣкъ безсмертное существо, облаченное въ тѣлесное одѣяніе, которое движется и оживляется страстями и желаніями, и которое соединяется нитью съ безсмертнымъ началомъ его. Эта нить—его умъ! неукрощенный, непостоянный, который странствуетъ по землѣ, движимый желаніями, страстями, надеждами и страхомъ, который старается прильнуть ко всѣмъ чашамъ наслажденія и который оглушенъ и ослѣпленъ блескомъ и шумомъ окружающаго. Арджуна жалуется что: „умъ наполненъ тревогой, онъ неукротимъ, силенъ и упрямъ!„

Надъ этимъ волнующимся умомъ витаетъ „настоящее Я“, духовное Ego человѣка, безстрастнымъ свидѣтелемъ. Внизу можетъ бушевать буря, наверху господствуетъ тишина, здѣсь царство мира. Это „Я“ вѣчно, и что значатъ для него событія времени? Для него они служатъ только опытомъ и обогащаютъ его знаніе добра и зла. Оно, это вѣчное „Я“, такъ часто мѣняло глиняное жилище и узнавало рожденіе и смерть, убыль и прибыль, радость

и горесть, наслажденіе и страданіе. что все это ему кажется лишь фантасмагоріей и ни одно волненіе не въ состояніи нарушить его безстрастнаго покоя. Когда страданіе касается его внѣшней оболочки, оно является лишь доказательствомъ, признакомъ нарушенной гармоніи и можетъ послужить урокомъ во избѣжаніе новой ошибки. Настоящее „Я“ должно покорить себѣ физическій міръ, очистить его, одухотворить и только страданіе научаетъ его исполненію этой задачи.

Секретъ, какъ достичь царства мира, состоитъ въ умѣньи переносить центръ нашего сознанія не въ кажущееся „Я“, а въ настоящее. Мы отождествляемся то съ нашими мыслями, мозговымъ аппаратомъ, дѣйствующимъ въ физическомъ тѣлѣ, то съ нашими желаніями и страстями, говоря „*мы*“ надѣемся, „*мы*“ боимся; то съ нашимъ тѣломъ, простой машиной, воспринимающей лишь впечатлѣнія внѣшняго міра. Такимъ образомъ, когда всѣ части нашего организма приведены въ движеніе соприкосновеніемъ внѣшнихъ предметовъ и чувствуютъ вихрь физической жизни, „мы“ также поддаемся этому движенію и „неукротимое сердце, слѣдуя приказамъ непостоянныхъ чувствъ, уноситъ въ даль нашу духовную мудрость, какъ буря уноситъ ладью въ бушующій океанъ“. Тогда царятъ волненія, раздраженность, злобныя чувства, злопамятность, страданіе, безуміе и все, что такъ далеко отъ мира, покоя и силы духа. Какъ найти тропу, которая ведетъ въ царство мира? Отождествляться съ настоящимъ „Я“, смотрѣть на все его очами, судить его сужденіями. Мы сразу этого сдѣлать не можемъ, это само собою разумѣется, но мы можемъ попытаться начать слѣдующими способами: освобожденіемъ отъ внѣшнихъ предметовъ, равнодушіемъ къ плодамъ нашихъ дѣйствій, и постоянно повторяемой медитаціей надъ настоящимъ „Я“. Разсмотримъ въ отдѣльности каждый изъ этихъ способовъ.

Овладѣть первымъ можно только посредствомъ строгой дисциплины. Не такъ уже трудно развить равнодушное отношеніе къ неудобствамъ, къ ѣдѣ, къ физическимъ наслажденіямъ, пріучить себя переносить спокойно всѣ событія, не добиваясь и не отталкивая отъ себя ни маленькихъ радостей, ни заботъ. Постепенно, не впадая ни въ меланхолію, ни въ излишнее самодовольство, мы и на самомъ дѣлѣ станемъ равнодушными, и мелочи, которыя волнуютъ каждый день другихъ, станутъ незамѣтными для насъ. Такимъ образомъ, мы будемъ въ состояніи помогать нашимъ ближнимъ, которые страдаютъ, ограждая ихъ незамѣтнымъ образомъ и сглаживая жизненный путь для ногъ нѣжнѣе нашихъ.

При этомъ „умѣренность“ самое главное. „Эта божественная дисциплина, Арджуна, не достигается тѣмъ, кто ѣстъ слишкомъ много, или слишкомъ мало, или тѣмъ, кто пересыпаетъ, или недосыпаетъ. Медитація, которая уничтожаетъ страданіе, является въ томъ, кто умѣренъ въ ѣдѣ и отдыхѣ, умѣренъ въ исправленіи своихъ должностей, кто умѣренно отдыхаетъ и умѣренно бодрствуетъ. Тѣло не должно быть увѣченнымъ, оно должно быть дисциплинированнымъ“.

Второй способъ: равнодушіе къ плодамъ своихъ дѣйствій.

Это не значитъ, что мы не должны замѣчать результатовъ и такимъ образомъ лишаться путеводителей. Нѣтъ, изучая результаты, мы пріобрѣтаемъ опытъ и такимъ образомъ мудрость. Это только должно означать, что поступая согласно нашимъ убѣжденіямъ и нашему разуму, безъ всякихъ заднихъ мыслей, результатъ долженъ быть предоставленъ судьбѣ. То что сдѣлано, того не вернешь; мучась и терзаясь, мы ничего не выигрываемъ. Когда являются результаты, мы просто должны констатировать ихъ, ради науки, не печалясь, не радуясь. Угрызеніе совѣсти, ликованіе, только разсѣиваютъ наше вниманіе и отнимаютъ силы отъ исполненія настоящаго долга, а на это не слѣдуетъ терять времени. Если результаты плохи, мудрецъ говорить: „Я ошибся и долженъ избѣгнуть повторенія такой же ошибки, но сожалѣніе только ослабитъ мои теперешнія усилія и не измѣнитъ результатовъ неправильныхъ поступковъ. Чѣмъ терять время на сожалѣніе, я лучше примусь за работу и передѣлаю ее“. Цѣнность этого „отдѣленія себя отъ плодовъ своихъ дѣйствій“ заключается въ спокойствіи духа, достигнутомъ такимъ образомъ, и во вниманіи, внесенномъ въ нашъ трудъ.

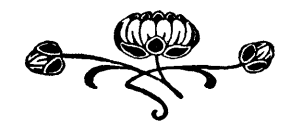
Каждый, кто дѣйствуетъ и посвящаетъ свои дѣянія Высшему Духу (Единому Я), отстраняя всякій личный интересъ въ ихъ результатѣ, не запятнанъ грѣхомъ, подобно лепестку лотоса, не впитывающему воды. Искренно преданные чистотѣ сердца дѣйствуютъ, думаютъ, чувствуютъ, размышляютъ, отстраняя отъ себя всякій личный интересъ. Тотъ, кто преданъ и не думаетъ о плодѣ своихъ дѣйствій, достигаетъ спокойствія, тотъ же, кто своими желаніями связанъ съ результатомъ, отъ него же и зависитъ.

Третій способъ—медитація—самый трудный, но и самый плодотворный. Онъ состоитъ въ постоянномъ усиліи постичь нашу тождественность съ настоящимъ „Я“ и стать въ немъ сознательнымъ“. Къ какому предмету непостоянный духъ ни направлялся бы, онъ долженъ покорить его, принести обратно и помѣстить въ настоящее

„Я“. Усиліе это займетъ цѣлую жизнь, но оно приведетъ насъ къ царству мира. Оно должно быть постоянно повтореннымъ и поддерживаемымъ. Выборомъ извѣстнаго времени, въ теченіи котораго мы, освобождаясь какъ черепаха отъ своей брони, вспоминаемъ о нашемъ безсмертіи и о томъ, что внѣшнія явленія не имѣютъ надъ нами власти, облегчаетъ нашъ трудъ. Съ развитіемъ способности предаваться настоящему „Я“, мы достигаемъ не только спокойствія и мира, но и мудрости: отсутствіе эгоистическихъ желаній и познаніе нашего безсмертія даетъ возможность свободно судить безъ предвзятыхъ мнѣній и предразсудковъ. Когда достигнутъ этотъ покой, скоро достигается и исчезновеніе волненій и страданій; успокоенный духъ, созерцая единый предметъ, окружается знаніемъ и мудростью. „Человѣкъ, сердце и духъ котораго неспокойны, остается безъ знаній“. Затѣмъ: „владѣя терпѣніемъ, понемногу находишь покой“ и „высшее благословеніе неизмѣннымъ образомъ доходитъ до мудреца, духъ котораго спокоенъ, желанія и страсти котораго покорены, мудреца, кто сознаніемъ постигъ настоящее „Я“ и освободился отъ грѣха“.

Вотъ тотъ тройственный путь, который ведетъ къ царству покоя. Найти его, значитъ навѣки покорить себѣ время и смерть. Путь круто поднимается въ гору, но крылья голубицы мира обвѣваютъ чело утомленнаго путника и въ концѣ концовъ онъ найдетъ тотъ покой, который ничѣмъ не можетъ быть нарушенъ.

Перев. **И. Манціарли.**



ИЗРЕЧЕНІЯ РАМАКРИШНЫ *).

Какъ скорлупа, мякоть и зерно плода произошли изъ одного сѣмени, такъ и всѣ творенія произошли отъ Бога.

---

*) Предлагаемыя изреченія индусскаго святого нашего времени (онъ скончался 16 августа 1886 г.) были собраны извѣстнымъ оріенталистомъ профессоромъ Максъ Мюллеромъ и переведены имъ на англійскій языкъ съ помощью Swami Vivekananda и другихъ учениковъ великаго мудреца.

Примѣч. переводчика.



Древняя Мудрость.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

Глава X.

Законъ жертвы.

За изученіемъ закона Кармы слѣдуетъ естественнымъ образомъ изученіе закона Жертвы, и, какъ выразился одинъ изъ учителей мудрости, для міра также необходимо пониманіе послѣдняго, какъ и пониманіе перваго. Актомъ самопожертвованія Логосъ проявилъ себя, чтобы могла возникнуть вселенная, жертвой поддерживается вселенная, и жертвой же достигаетъ человѣкъ совершенства **). Поэтому, каждая религія, берущая свое начало въ Древней Мудрости, имѣетъ своимъ центральнымъ ученіемъ идею жертвы, и нѣкоторыя изъ глубочайшихъ истинъ оккультизма коренятся въ томъ же законѣ жертвы.

Попытка понять, хотя бы сколько-нибудь, природу жертвы Логоса можетъ оградить насъ отъ невѣрнаго представленія, что жертва—есть нѣчто по существу тяжелое; тогда какъ на самомъ дѣлѣ самая суть жертвы есть добровольное и радостное изліяніе жизни, чтобы и другіе могли раздѣлить ее. И страданіе возникаетъ лишь тамъ, гдѣ въ природѣ жертвующаго возникаетъ разладъ между высшимъ, которое находитъ радость въ отдаваніи, и низшимъ, интересъ котораго состоитъ въ захватѣ и удержаніи захваченнаго. Лишь въ этомъ разладѣ кроется элементъ страданія;

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г., № 5—6.

**) Для индуса вступительныя слова въ Brihadâranyakopanishad говорятъ, что разсвѣтъ вселенной загорается отъ жертвы; послѣдователь Зороастра читаетъ, что Ahura-Mazdâo начинаетъ также съ акта жертвы; христіанину знакома идея Агнца—символъ Логоса—закланнаго отъ начала міра.

въ верховномъ же Совершенствѣ, въ Логосѣ, не можетъ быть разлада. Единый есть совершенная гармонія Бытія, построенная на единомъ основномъ созвучіи, въ которомъ стройно сливается Жизнь, Мудрость и Блаженство.

Жертва Логоса состоитъ въ добровольномъ ограниченіи Своей безконечной Жизни съ цѣлью проявить себя. Символически, въ безконечномъ океанѣ свѣта. центръ котораго—всюду, а окружность—нигдѣ, возникаетъ свѣтовая сфера, Логосъ, и поверхность этой сферы есть Его воля ограничить Себя, дабы проявиться, Его покровъ *), въ который Онъ заключаетъ Себя, дабы внутри его могла возникнуть вселенная.

Та вселенная, во имя которой жертва принесена, еще не существуетъ; ея будущее бытіе заключено еще въ „мысли" Логоса; Ему она обязана своимъ зачатіемъ и Ему она будетъ обязана своей многообразной жизнью. Различіе въ „нераздѣльномъ Единомъ" могло возникнуть лишь благодаря этой добровольной жертвѣ Бога, ограничившаго себя формой, дабы дать жизнь миріадамъ формъ, дабы одарить каждую изъ нихъ искрой Своей жизни, а слѣдовательно, и силой доразвиться до Его образа.

„Первичная жертва, которая вызываетъ рожденіе существъ, называется *Дѣйствіе* (Карма)",—говоритъ Бхагавадъ Гита (VIII, 3); и этотъ переходъ изъ блаженства, совершеннаго покоя Само-Сущаго въ состояніе дѣятельности, признавался всегда за жертву Логоса. Эта жертва продолжается на протяженіи всей жизни Вселенной, ибо жизнь Логоса есть единственная поддержка каждой единой „жизни"; Онъ самъ ограничиваетъ свою жизнь въ каждой изъ миріады формъ, которыя Онъ зарождаетъ, внося всѣ стѣсненія и всѣ ограниченія, присущія всѣмъ отдѣльнымъ формамъ. Изъ каждой формы Онъ могъ бы освободить себя во всякое время, и наполнить всю вселенную Своей славой; но лишь благодаря божественному терпѣнію и медленному и постепенному расширенію можетъ каждая форма подвигаться къ совершенству, пока не станетъ, наконецъ, независимымъ центромъ безграничнаго могущества, подобнымъ Ему Самому. Вотъ для чего заключаетъ Онъ Себя въ формы, перенося всѣ ихъ несовершенства, пока не достигнется совершенство, пока Его созданіе не сдѣлается подобнымъ Ему и единымъ съ Нимъ, сохраняя при этомъ свою соб-

*) Это и есть самоограничивающая сила Логоса, Его Майа, ограничивающее Начало, посредствомъ котораго возникли всѣ формы. Его Жизнь является какъ „Духъ"; Его Майа—какъ „Матерія", и оба нераздѣлимы въ теченіе проявленнаго Бытія.

ственную индивидуальную нить памяти. Такимъ образомъ, это изліяніе Его жизни въ формы есть часть изначальной жертвы, и оно несетъ въ себѣ блаженство вѣчнаго Отца, высылающаго своихъ дѣтей, какъ отдѣльныя жизни, чтобы каждая могла развиться до тождества съ Нимъ, и дать въ то же время свою собственную ноту, сливающуюся со всѣми остальными, дабы все болѣе ширилась и обогащалась вѣчная гармонія блаженства, разума и жизни. Въ этомъ состоитъ сущность жертвы, каковы бы ни были остальные элементы, которые могли присоединиться къ центральной идеѣ.

Это—добровольное изліяніе своей жизни, чтобы другіе также могли жить и становиться независимыми, и лишь въ этомъ одномъ можетъ выразиться божественная радость. Есть всегда элементъ радости въ проявленной дѣятельности, выражающей собой способности дѣятеля: птица радуется, заливаясь пѣсней, и трепещетъ отъ упоенія своими собственными звуками; художникъ радуется творчеству своего генія, олицетворенію своей идеи. Самая суть божественной жизни заключается въ отдаваніи, и поэтому она должна изливать себя наружу. Отсюда—*признакъ духа состоитъ въ отдаваніи, ибо духъ и есть дѣятельная божественная жизнь въ каждой формѣ.*

Наоборотъ, существенный признакъ матеріи заключается въ *принятіи.* Принимая жизненные импульсы, матерія организуется въ формы; пока импульсы жизни продолжаются, формы сохраняются; когда же они прекращаются—формы распадаются. Вся дѣятельность матеріи состоитъ въ воспріятіи, и лишь воспринимая она можетъ сохраниться какъ форма; поэтому природа ея — въ хватаніи, въ обладаніи, въ удерживаніи, въ исканіи захватить для себя какъ можно больше; прочность формы зависитъ отъ ея способности усвоенія и поэтому она стремится втянуть въ себя все, что можетъ, и неохотно разстанется даже съ малѣйшей частицей себя. Ея радость состоитъ въ захватѣ и обладаніи; поэтому для нея—отдаваніе равносильно умиранію.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, нетрудно убѣдиться, откуда появилось понятіе, что жертва—есть страданіе. Тогда какъ божественная жизнь находитъ свою радость въ отдаваніи себя, и даже, воплощенная въ форму, не боится, что форма можетъ благодаря этому погибнуть, ибо знаетъ, что форма—лишь преходящее выраженіе жизни и средство для ея отдѣльнаго роста; въ это время форма, чувствуя, какъ ея жизненныя силы изливаются изъ нея, кричитъ въ тоскѣ и ищетъ задержать, воспрепятствовать этому

изліянію. Жертва взяла часть жизненной энергіи, на которую форма претендовала, какъ на свою собственную; возможно, что и совсѣмъ исчерпала ее, предоставивъ формѣ погибнуть. Низшее сознаніе постигаетъ лишь *эту* сторону жертвы, и вотъ почему для него жертва—страданіе, вызывающее протестъ и ужасъ. Неудивительно, что люди, ослѣпленные формой, не умѣютъ еще отождествлять себя съ жизнью, которая одна способна радостно воскликнуть: „да свершится воля Твоя, Господи, я готовъ!"...

Неудивительно и то, что сознавая въ себѣ высшую и низшую природу и отождествляя свое самосознаніе болѣе съ низшей природой,—люди принимаютъ борьбу послѣдней за свою собственную борьбу, и думаютъ, что это *они* подвергаются страданію когда подчиняются высшей волѣ, и начинаютъ смотрѣть на жертву какъ на покорное принятіе страданія.

И пока человѣкъ не перестанетъ отождествлять себя съ формой, до тѣхъ поръ неизбѣженъ и элементъ страданія въ жертвѣ. Въ существѣ, вполнѣ гармоничномъ, страданіе не можетъ быть, ибо тогда форма становится совершеннымъ проводникомъ жизни, и получающимъ, и отдающимъ, съ одинаковой охотой. Съ окончаніемъ борьбы оканчиваются и страданія, ибо страданія происходятъ отъ разлада, отъ тренія, отъ антагонизма, и тамъ, гдѣ вся природа работаетъ съ совершенной гармоніей, тамъ условія, вызывающія страданія, отсутствуютъ.

Такъ какъ законъ жертвы есть законъ эволюціи жизни вселенной—мы видимъ, что каждая ступень на лѣстницѣ развитія достигается благодаря жертвѣ: изливающаяся жизнь рождается въ высшей формѣ, тогда какъ прежняя ея форма погибаетъ. Смотрящіе только съ точки зрѣнія погибающей формы видятъ въ природѣ обширное поле битвы; тогда какъ видящіе какъ безсмертная душа освобождается, чтобы принимать все новыя и высшія формы,—слышатъ радостную пѣснь возрожденія, исходящую изъ вѣчно бьющаго источника жизни.

Монада минеральнаго царства развивается тѣмъ, что разрушаетъ минеральныя формы для возникновенія и поддержанія растительнаго царства. Минералы распадаются, чтобы растительныя формы могли построиться изъ ихъ матеріаловъ; растеніе вытягиваетъ изъ почвы ея питательныя вещества, разрушаетъ ихъ и воплощаетъ въ свою собственную субстанцію. Минеральныя формы погибаютъ, чтобы могли вырастать растительныя формы, и этотъ законъ жертвы, запечатлѣнный на минеральномъ царствѣ, и есть законъ эволюціи жизни и формы. Жизнь переходитъ выше и

Монада развивается, чтобы произвести растительное царство, причемъ гибель низшихъ формъ составляетъ условіе проявленія и поддержанія высшихъ.

Та же исторія повторяется и въ растительномъ царствѣ, ибо его формы въ свою очередь жертвуются, чтобы могли возникнуть и расти животныя формы; повсюду травы, зерна, деревья погибаютъ для поддержанія животныхъ формъ; ихъ ткани разрушаются, чтобы составлявшее ихъ вещество могло быть воспринято животнымъ и изъ него могло построиться его тѣло. И снова въ мірѣ появляется печать жертвы, на этотъ разъ на царствѣ растительномъ; *жизнь* его развивается, тогда какъ его формы погибаютъ. Монада развивается, чтобы произвести животное царство, и низшія формы отдаются для поддержанія животныхъ формъ.

До сихъ поръ мысль о страданіи еще не связывается съ понятіемъ жертвы, ибо, какъ мы видѣли еще раньше, астральныя тѣла растеній недостаточно организованы для того, чтобы испытывать ясныя ощущенія наслажденія или страданія. Но когда мы начинаемъ наблюдать проявленіе закона жертвы въ животномъ царствѣ, мы не можемъ не признать, что здѣсь разрушеніе формы сопровождается страданіемъ. Правда, что размѣръ страданія, причиняемый въ „естественномъ состояніи“ однимъ животнымъ другому, сравнительно невеликъ; правда и то, что человѣкъ, насколько онъ содѣйствовалъ развитію животныхъ, сильно увеличилъ размѣръ ихъ страданія, и скорѣе увеличилъ, чѣмъ уменьшилъ хищные инстинкты плотоядныхъ животныхъ; тѣмъ не менѣе, не онъ внушалъ имъ эти инстинкты, хотя онъ и воспользовался ими для своихъ личныхъ цѣлей, и безчисленныя разновидности животныхъ, до эволюціи которыхъ человѣкъ совсѣмъ не касается, уничтожаютъ другъ друга, причемъ однѣ формы жертвуются для того, чтобы поддерживались другія, такъ же, какъ въ минеральномъ и растительномъ царствахъ. Борьба за существованіе происходила задолго до того, какъ человѣкъ, какимъ мы его знаемъ, появился на сцену, и борьба эта ускорила эволюцію какъ жизни, такъ и формы, тогда какъ страданія, сопровождавшія разрушеніе формъ, выполняли важную задачу внѣдренія въ развивающуюся Монаду сознанія непрочности всѣхъ формъ и различія между формой, которая погибаетъ, и жизнью, которая пребываетъ.

Низшая природа человѣка развивалась подъ вліяніемъ того же закона жертвы, который управляетъ низшими царствами. Но, одновременно съ изліяніемъ Божественной Жизни, давшей чело-

вѣческую Монаду, явилась перемѣна и въ способѣ проявленія закона жертвы. Въ человѣкѣ должна была развиться *воля*, самодѣятельная и самопроизвольная энергія; вслѣдствіе этого, принудительная сила, заставлявшая низшія царства подвигаться по линіямъ эволюціи, для человѣка оказалась непригодной, такъ какъ она могла парализовать ростъ этой новой существенной силы. Ни минералу, ни растенію, ни животному, не предлагалось принять законъ жертвы, какъ добровольно избранный законъ жизни. Онъ былъ возложенъ на нихъ извнѣ и онъ же содѣйствовалъ ихъ росту въ силу необходимости, которой они не могли избѣжать. Человѣкъ долженъ былъ имѣть свободу выбора, необходимую для роста распознающаго и самосознающаго разума, и тогда возникъ вопросъ: „Какимъ образомъ, оставляя человѣку свободу выбора, научить его слѣдовать закону жертвы, въ то время, какъ его чувствующій организмъ долженъ естественно избѣгать страданія, а страданіе неизбѣжно при разрушеніи чувствующей формы?"

Несомнѣнно, что безчисленные вѣка опыта, воспринятаго сознательнымъ существомъ, въ которомъ развивается разумъ, привели бы въ концѣ-концовъ къ открытію, что законъ жертвы есть основной законъ жизни; но человѣкъ и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, не былъ предоставленъ однимъ собственнымъ усиліямъ. Божественные Учителя руководили человѣкомъ въ его младенчествѣ и Они авторитетно провозглашали законъ жертвы, вложивъ эту идею въ ея элементарномъ смыслѣ въ религіи, посредствомъ которыхъ Они воспитывали пробуждающееся сознаніе человѣка. Было бы безполезно требовать отъ младенческихъ душъ, чтобы онѣ охотно отдавали то, что для нихъ является наиболѣе желаннымъ, тѣми объектами, отъ которыхъ зависитъ самое существованіе ихъ во плоти. Медленно и постепенно должны онѣ итти по тому пути, который приведетъ ихъ подъ-конецъ къ вершинамъ добровольнаго самопожертвованія. Ради этой цѣли юному человѣчеству внушалось, что человѣкъ не есть нѣчто отдѣльное, а часть обширнаго цѣлаго, и что жизнь каждаго связана съ жизнью остальныхъ, какъ находящихся вверху, такъ и находящихся внизу. Физическая жизнь человѣка поддерживалась низшими жизнями, землей и растеніями; человѣкъ питался ими и, благодаря этому, принялъ на себя долгъ, который обязанъ уплатить. Живя на счетъ принесенныхъ въ жертву чужихъ жизней, онъ долженъ пожертвовать—въ свою очередь—чѣмъ-либо своимъ для поддержанія другихъ жизней; онъ долженъ питать другихъ

также, какъ питался самъ; принимая въ свою пользу плоды дѣятельности астральныхъ сущностей, которыя управляютъ физической природой, онъ долженъ пополнять затраченныя силы соотвѣтствующими приношеніями. Отсюда возникли всѣ жертвоприношенія „силамъ природы“, какъ называетъ ихъ наука, разумнымъ духамъ, управляющимъ физическимъ строемъ вселенной, какъ это учили всѣ древнія религіи.

Огонь быстро разрушаетъ плотную физическую матерію и быстро возвращаетъ эфиру эфирныя частицы сжигаемой жертвы; такимъ образомъ астральныя частицы легко освобождаются и могутъ быть свободно поглощены астральными сущностями, отъ которыхъ зависитъ плодородіе земли и ростъ растеній. Такъ поддерживался круговоротъ произростанія и человѣкъ признавалъ, что онъ не переставая создаетъ обязательства по отношенію природы, которыя и долженъ постоянно погашать. Такимъ образомъ внѣдрялось въ сознаніе юнаго человѣчества чувство обязанности, и все, чѣмъ онъ обязанъ цѣлому, питающей Матери-Природѣ, начинало отпечатлѣваться въ его мысли. Правда, это чувство было связано съ мыслью, что погашеніе долга необходимо для его же собственнаго благоденствія, и какъ-разъ эта мысль и толкала его къ уплатѣ своего долга.

Но для младенческой души, проходящей свои первые уроки, и этотъ урокъ о взаимной зависимости жизней, о томъ, что каждая жизнь возникаетъ благодаря пожертвованію другихъ жизней— представлялъ величайшее значеніе и содѣйствовалъ ея росту. Она еще не могла испытывать божественную радость самопожертвованія: прежде всего нужно было преодолѣть нежеланіе формы уступать какую-либо часть изъ питающаго ее, и отсюда—жертвоприношенія всегда отождествлялись съ приношеніемъ чего-либо цѣннаго, съ отреченіемъ отъ этого цѣннаго изъ чувства долга; другая сторона жертвоприношенія состояла въ желаніи снова пользоваться дарами природы. Позднѣе, когда настала очередь другимъ задачамъ, награда за жертву отодвигалась уже въ область сверхфизическую. Въ началѣ пожертвованіе матеріальными благами должно было обезпечить матеріальное благосостояніе; а затѣмъ, это пожертвованіе должно было вызвать блаженство по ту сторону смерти. Награда за принесенную жертву поднималась такимъ образомъ на высшую ступень, и человѣкъ узнавалъ, что, жертвуя преходящимъ, онъ обезпечиваетъ за собой пребывающее благо— урокъ, который былъ необходимъ для умѣнья отличать важное отъ неважнаго. Влеченіе формы къ физическимъ предметамъ замѣ-

нялось влеченіемъ къ небеснымъ радостямъ. Во всѣхъ эзотерическихъ религіяхъ мы видимъ этотъ пріемъ воспитанія, употребляемый Руководителями человѣчества: слишкомъ мудрые, чтобы ожидать отъ младенческихъ душъ безкорыстнаго героизма, съ божественнымъ терпѣніемъ ободряли Они порученныхъ Имъ дѣтей на долгомъ пути, столь тернистомъ для низшей человѣческой природы. Постепенно пріучались люди подчинять свое тѣло, преодолѣвать инерцію, ежедневно въ опредѣленное время отправляя религіозные обряды, нерѣдко очень тягостные для низшей природы, и регулировать ея дѣятельности по опредѣленнымъ направленіямъ. Такъ воспитывалась въ людяхъ способность побѣждать форму и держать ее въ подчиненіи у жизни, такъ пріучалось тѣло слушаться голоса воли и осуществлять дѣла милосердія, хотя бы стимуломъ для воли и служило желаніе награды на небесахъ. Мы видимъ, какъ среди Индусовъ, Персовъ и Китайцевъ люди начинаютъ постепенно узнавать свои разнообразныя обязательства; какъ они считаютъ своимъ долгомъ почитать предковъ, родителей и старшихъ; проявлять милосердіе съ великодушной вѣжливостью и относиться съ добротою ко всѣмъ. Постепенно людей научали проявлять и героизмъ, и самопожертвованіе уже на высшей ступени, о чемъ свидѣтельствуютъ мученики, радостно отдававшіе свое тѣло на смертныя муки, предпочитая смерть отреченію отъ своей вѣры. Правда, они также надѣялись пріобрѣсти „вѣнецъ славы“ на небесахъ, какъ награду за свою жертву, но и то уже важно, что они преодолѣли привязанность къ физической своей формѣ и познали невидимый міръ настолько реально, что онъ привлекалъ ихъ болѣе, чѣмъ міръ видимый.

Слѣдующая ступень была достигнута тогда, когда чувство долга было окончательно установлено; когда пожертвованіе низшимъ ради высшаго считалось „добромъ“, независимо отъ награды, получаемой на томъ свѣтѣ; когда выяснилось, что каждая *часть* имѣетъ обязательство по отношенію *цѣлаго*, и наконецъ, когда человѣкъ началъ понимать, что форма, существующая на счетъ другихъ формъ, должна по справедливости служить въ свою очередь, не требуя за это никакого вознагражденія. И тогда человѣкъ началъ признавать законъ жертвы истиннымъ закономъ жизни и добровольно подчиняться ему; одновременно онъ сталъ отличать себя отъ формы, въ которой обитаетъ, и отождествлять себя съ развивающейся жизнью. Благодаря этому онъ могъ относиться ко всѣмъ дѣятельностямъ формы съ точки зрѣнія „выполненія долга“ и смотрѣть на нихъ какъ на простые проводники жизне-

дѣятельности, которую онъ обязанъ выполнять для пользы міра, а не для полученія тѣхъ или другихъ плодовъ.

Такимъ образомъ, человѣкъ достигаетъ конечной ступени, о которой мы уже упоминали, когда онъ перестаетъ производить Карму, связывающую его съ тремя мірами, и продолжаетъ оборачивать колесо жизни лишь потому, что это нужно для міра, для Цѣлаго, а не потому, чтобы его обороты приносили ему лично нѣчто желанное.

Полное признаніе закона жертвы поднимаетъ человѣка даже выше ментальной сферы—гдѣ долгъ признается какъ „то, что *должно* быть сдѣлано какъ обязанность"—въ ту высшую духовную сферу (Будхи), гдѣ всѣ единичныя *Я* чувствуютъ себя какъ одно, и гдѣ всѣ дѣятельности совершаются на пользу всѣхъ, а не для выгоды отдѣльнаго я. Лишь въ этой сферѣ законъ жертвы *чувствуется* какъ радостное преимущество, тогда какъ до этого законъ жертвы признавался лишь интеллектуально, какъ истинный и справедливый. Въ этой духовной сферѣ человѣкъ видитъ ясно, что жизнь едина, что она постоянно изливается какъ свободный даръ любви Логоса, и что жизнь, стремящаяся къ разобщенію, есть нѣчто чрезвычайно бѣдное, скудное, и до глубины неблагодарное. Тамъ все сердце устремляется къ Логосу въ единомъ порывѣ любви и благоговѣнія и радостно отдаетъ себя, чтобы послужить проводникомъ Его жизни и любви, изливающейся на міръ. Быть глашатаемъ Его свѣта, посланникомъ Его состраданія, работникомъ въ Его царствѣ—вотъ что является единственной цѣлью, достойной жизни; ускорить человѣческую эволюцію, послужить Доброму Закону, облегчить часть тяжкаго бремени міра — это является радостью, раздѣляемой сердцемъ съ самимъ Господомъ. Только отсюда, съ этой высшей духовной ступени можетъ человѣкъ дѣйствовать какъ одинъ изъ Спасителей міра, ибо только здѣсь онъ сливается со всѣми остальными душами. Отождествленныя со всѣмъ человѣчествомъ, которое здѣсь — едино, его силы, его любовь, его жизнь могутъ изливаться въ любое отдѣльное „Я" или во всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Онъ сталъ духовной силой, и цѣнная духовная энергія всей міровой системы увеличивается благодаря изліянію въ нее *его* жизни. Силы, которыя онъ расходовалъ въ физической, астральной и ментальной сферахъ, ища удовлетворенія для своего отдѣльнаго Я, теперь собраны всѣ въ единомъ актѣ жертвы и, преобразившись такимъ образомъ въ духовную энергію, онѣ изливаются на человѣчество какъ жизнь духа. Это превращеніе происходитъ единственно благодаря *мотиву дѣятель-*

ности, который одинъ опредѣляетъ сферу, гдѣ проявится энергія человѣка. Если онъ желаетъ астральныхъ объектовъ, онъ освобождаетъ энергію на астральномъ планѣ; если онъ ищетъ небесныхъ радостей, его энергія дѣйствуетъ въ небесной (ментальной) сферѣ; но если онъ жертвуетъ собой, желая стать проводникомъ жизни Логоса, онъ освобождаетъ энергію въ сферѣ духовной, и тогда она способна дѣйствовать всюду съ могуществомъ и съ проникновеніемъ духовной силы. Для такого человѣка безразлично, дѣйствуетъ ли онъ или не дѣйствуетъ въ земномъ смыслѣ, ибо высочайшая степень дѣятельности можетъ совпадать съ видимымъ бездѣйствіемъ и наоборотъ. Для него высшее и низшее, великое и малое—одно; онъ готовъ дѣйствовать всегда и вездѣ, ибо Логосъ присутствуетъ одинаково въ каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ дѣйствіи. Онъ можетъ проявляться въ любой формѣ, работать въ любомъ направленіи—для него нѣтъ уже болѣе выбора и различія; благодаря самопожертвованію жизнь его стала единой съ жизнью Логоса—онъ видитъ Бога во всемъ и все—въ Богѣ. Какое же значеніе можетъ имѣть для него форма и мѣсто, разъ онъ отождествляетъ себя лишь съ единой самосознающей Жизнью? „Не имѣя ничего, онъ владѣетъ всѣмъ"; не прося ничего, онъ имѣетъ весь міръ къ своимъ услугамъ. Его жизнь полна свѣта, ибо онъ слился съ Господомъ, который есть Блаженство; и, пользуясь формой для служенія безъ привязанности къ ней, „онъ положилъ конецъ страданіямъ". Тотъ, кто понялъ сколько-нибудь тѣ чудныя возможности, которыя открываются передъ нами, когда мы добровольно дѣлаемъ руководящимъ для своей жизни законъ жертвы, тотъ навѣрное почувствуетъ потребность осуществить ихъ, хотя бы достиженіе тѣхъ высотъ, на которыя мы старались дать намекъ, было еще очень далеко отъ него. Какъ всякая глубокая духовная истина, законъ этотъ вполнѣ примѣнимъ къ ежедневной жизни, и каждый, кто чувствуетъ его красоту, долженъ бы безъ колебанія приниматься за осуществленіе его. Когда рѣшеніе принято, слѣдуетъ начинать новую жизнь ежедневно съ акта жертвы, просыпаясь отдавать себя въ распоряженіе Тому, Кому отнынѣ посвящена вся жизнь. А затѣмъ, каждая мысль, каждое слово, каждый поступокъ въ ежедневной жизни долженъ быть жертвой — не во имя долга, но ради того, чтобы въ каждую данную минуту наилучшимъ образомъ служить Господу. Все слѣдуетъ встрѣчать какъ выраженіе Его воли; радости, горести, тревоги, успѣхи и неудачи, все должно быть привѣтствуемо какъ указанія на путь служенія. Нужно принимать радостно все, что предлагается, и ничего не

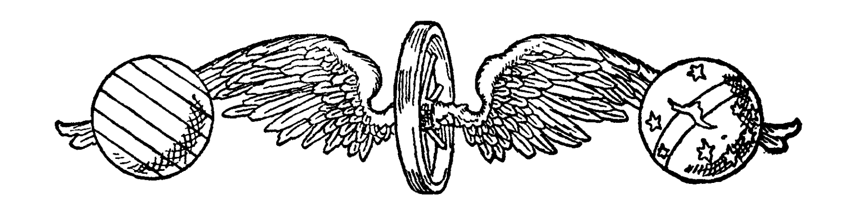
считать своимъ; и также радостно отказываться отъ всего, что отнимается. Всѣ силы, которыми вступившій на путь жертвы обладаетъ, онъ отдастъ на служеніе; когда же силы измѣнятъ ему, онъ отнесется и къ этому съ свѣтлымъ спокойствіемъ: разъ ихъ нѣтъ, отъ него не потребуется и работа этихъ сихъ. Даже и страданія, которыя идутъ изъ прошлаго, еще не погашеннаго, могутъ быть превращены въ добровольную жертву, если ихъ привѣтствовать какъ должное; принимая страданія охотно, человѣкъ можетъ превратить ихъ въ добровольный даръ и преобразить въ духовную силу. Каждая человѣческая жизнь представляетъ безконечныя возможности для примѣненія закона жертвы, и каждая человѣческая жизнь становится *духовной силой* по мѣрѣ того, какъ эти возможности осуществляются.

При этомъ человѣкъ становится полезнымъ дѣятелемъ въ духовномъ мірѣ даже и безъ расширенія его бодрствующаго земного сознанія, потому что, живя такъ, онъ освобождаетъ духовную энергію, которая неизбѣжно распространяется и на низшіе міры. Его самопожертвованіе здѣсь, въ низшемъ сознаніи, заключенномъ въ тѣлесную оболочку, вызываетъ отвѣтныя вибраціи жизни въ высшемъ аспектѣ (Будхи) его Монады, которая и есть его истинное *Я*, и ускоряетъ срокъ, когда его Монада достигнетъ состоянія духовнаго *Ego*, господствующаго надъ всѣми своими проводниками, которыми оно по волѣ своей и пользуется сообразно съ предстоящими задачами.

Нѣтъ другого способа, который обезпечивалъ бы въ такой же степени быстрое движеніе впередъ и проявленіе всѣхъ скрытыхъ въ Монадѣ силъ, какъ сознаніе и примѣненіе закона жертвы. Вотъ почему этотъ путь былъ названъ однимъ изъ Учителей Мудрости: „законъ Эволюціи для человѣка". Въ дѣйствительности онъ обладаетъ еще болѣе глубокими и еще болѣе мистическими сторонами, чѣмъ затронутыя здѣсь, и онъ раскроется безъ словъ для терпѣливаго и любящаго сердца, вся жизнь котораго—добровольное жертвоприношеніе. Есть вещи, которыя слышны только въ тишинѣ; есть указанія, которыя могутъ быть произнесены лишь „Голосомъ Безмолвія"; къ ихъ числу принадлежатъ и болѣе глубокія истины, коренящіяся въ Законѣ Жертвы.

Перев. **Е. П.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра Р. Штейнеръ.

(*Продолженіе* *).

Глава XII.

Стражъ порога.

Важныя переживанія, при восхожденіи въ высшіе міры, представляютъ собою встрѣчи со „Стражемъ порога". Ихъ въ сущности два: „малый" и „большой Стражъ". Съ первымъ человѣкъ встрѣчается тогда, когда соединительныя нити между волей, мышленіемъ и чувствованіемъ внутри астральнаго и эфирнаго тѣлъ начинаютъ расторгаться тѣмъ путемъ, который былъ описанъ въ предыдущей главѣ. Съ „большимъ же Стражемъ порога" человѣкъ встрѣчается лишь тогда, когда расторженіе связей переносится также и на физическія части тѣла (прежде всего на мозгъ).

— „Малый Стражъ порога"—самостоятельное существо, но самъ по себѣ онъ не существовалъ прежде, чѣмъ человѣкъ не достигъ соотвѣтствующей ступени развитія. Это—созданіе человѣка. Лишь нѣкоторыя изъ существенныхъ особенностей „Стража" могутъ быть описаны здѣсь; полное описаніе чрезвычайно затруднительно.

— Попытаемся представить встрѣчу ученика со „Стражемъ порога" въ повѣствовательной формѣ. Лишь благодаря этой встрѣчѣ ученикъ узнаетъ впервые, что мышленіе, чувствованіе и воля его выступили изъ той прирожденной связи, въ которой они находились ранѣе.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1909 г., № 5—6.

— Передъ ученикомъ стоитъ несомнѣнно страшное призрачное существо. Необходимо все присутствіе духа и все довѣріе къ избранному пути,—довѣріе, которое ученикъ имѣлъ время пріобрѣсти въ совершенно достаточной мѣрѣ во время своего ученичества,—чтобы сохранилось спокойствіе при этомъ явленіи. Все значеніе „Стража“ можно было бы вложить въ такую рѣчь, обращенную къ ученику: „До сихъ поръ надъ тобой бодрствовали Силы, бывшія для тебя невидимыми. Благодаря имъ, во время твоей прежней жизни, каждое изъ твоихъ добрыхъ дѣлъ давало хорошіе плоды и каждое изъ дурныхъ влекло за собой плохія послѣдствія. Благодаря ихъ вліянію строился твой характеръ изъ твоихъ же жизненныхъ опытовъ и изъ твоихъ мыслей. Онѣ опредѣляли твою судьбу, онѣ отмѣряли ту мѣру радости и страданія, которая опредѣлялась для каждаго изъ твоихъ воплощеній, сообразно твоимъ проявленіямъ въ прежнихъ твоихъ жизняхъ на землѣ. Онѣ царствовали надъ тобою въ видѣ всеобъемлющаго закона кармы. Теперь же эти силы освободили тебя отчасти отъ своихъ узъ. И нѣкоторую долю той работы, которую онѣ совершали надъ тобой, ты долженъ теперь производить самъ.—Случалось, что тебя постигалъ тотъ или иной тяжелый ударъ судьбы и ты не зналъ: за что? Это было послѣдствіе злого дѣянія въ одной изъ твоихъ предшествовавшихъ жизней. Въ другой разъ ты встрѣчалъ счастье и радость и принималъ ихъ не думая: откуда они? Но и они были послѣдствіемъ прежнихъ твоихъ дѣлъ. Въ твоемъ характерѣ имѣются и прекрасныя стороны, но есть и безобразныя пятна. Ты самъ вызвалъ и тѣ и другія твоими предыдущими переживаніями и мыслями. До сихъ поръ ты не зналъ ихъ, и дѣйствія ихъ были сокрыты для тебя. Но онѣ, тѣ кармическія Силы, видѣли всѣ твои прежнія дѣла, знали самыя твои сокровенныя мысли и чувства. И по нимъ онѣ опредѣляли тебя, каковъ ты есть и какъ ты живешь. Но теперь для тебя самого должны быть открыты всѣ хорошія и всѣ дурныя стороны твоихъ прошедшихъ жизненныхъ путей. До сихъ поръ онѣ были вплетены въ твою собственную сущность, онѣ были въ тебѣ и ты не могъ видѣть ихъ, какъ ты не можешь физически видѣть свой собственный мозгъ. Теперь же онѣ отдѣлились отъ тебя, онѣ выступили изъ твоей личности наружу. Онѣ приняли самостоятельную форму, которую ты можешь видѣть, какъ ты видишь камни и растенія физическаго міра. И я—то существо, которое образовало себѣ тѣло изъ твоихъ благородныхъ и дурныхъ проявленій, моя чудовищная фигура соткана изъ итоговъ твоей собственной жизни.

„Невидимымъ носилъ ты меня въ себѣ самомъ до сихъ поръ. И это было благодѣтельно для тебя; ибо мудрость твоей сокровенной для тебя судьбы работала въ моемъ образѣ надъ очищеніемъ безобразныхъ пятенъ внутри тебя. Теперь же, когда я выступилъ изъ тебя, и та сокровенная мудрость покинула тебя. Отнынѣ она уже не будетъ болѣе заботиться о тебѣ. Она передастъ работу въ твои собственныя руки. И я долженъ стать совершенной въ себѣ самой, прекрасной сущностью, или же—погибнуть. И если бы случилось послѣднее, и тебя самого я увлекъ бы въ темный погибельный міръ.—Чтобы не случилось этого, твоя собственная мудрость должна быть настолько велика, чтобы взять на себя задачи той, отступившей отъ тебя, сокровенной мудрости.—Съ той минуты, какъ ты переступишь мой порогъ, мой видимый образъ не отступитъ отъ тебя уже ни на шагъ. И если ты впредь сотворишь или помыслишь неправое, немедленно воспримешь ты свою вину по безобразному, демоническому искаженію моего образа. И лишь когда ты все свое прошедшее грѣховное обратишь въ добро и очистишь себя въ такой мѣрѣ, чтобы дальнѣйшее зло стало невозможнымъ для тебя,—тогда только превращусь я въ сіяющую красоту. И тогда—для блага твоей дальнѣйшей дѣятельности—я вновь соединюсь съ тобой въ одно бытіе.

„Но мой порогъ построенъ изъ чувства страха, еще существующаго въ тебѣ, изъ боязни передъ необходимостью принять на самого себя всю отвѣтственность за всѣ свои дѣянія и мышленіе. Пока въ тебѣ остается еще какой-либо страхъ передъ самостоятельнымъ управленіемъ своей собственной судьбой, до тѣхъ поръ этотъ порогъ еще не достроенъ. И пока въ немъ не достаетъ хотя бы единаго кирпича, до тѣхъ поръ ты долженъ или оставаться неподвижно у порога, или же спотыкаться о него. Не пробуй перешагнуть его прежде, чѣмъ ты не почувствуешь себя совершенно свободнымъ отъ страха и совершенно готовымъ къ высочайшей отвѣтственности.

„До сихъ поръ я выходилъ изъ твоей собственной личности лишь когда смерть отзывала тебя изъ земного существованія. Но и тогда мой образъ былъ сокрытъ отъ тебя. Лишь силы судьбы, бодрствующія надъ тобою, видѣли меня и могли по моему виду, въ промежуткахъ между смертью и новымъ рожденіемъ, содѣйствовать развитію въ тебѣ тѣхъ силъ и способностей, благодаря которымъ—въ новой земной жизни—ты могъ бы работать надъ преображеніемъ моего образа на благо свое. И это я былъ причиной, почему силы судьбы, видѣвшія мои несовершенства,

снова и снова принуждали тебя къ новому воплощенію на землѣ. Если ты умиралъ, немедленно появлялся и я, и по моему виду Руководители Кармы опредѣляли твое новое воплощеніе. И лишь когда ты—благодаря снова и снова возобновляющимся жизнямъ—преобразилъ бы меня безсознательно въ совершенную сущность, тогда освободился бы ты изъ-подъ власти смерти, и, соединившись со мною въ полное единство, могъ бы перейти въ безсмертіе.

„И я стою нынѣ передъ тобой видимый, какъ нѣкогда стоялъ я невидимый въ твой смертный часъ. Если ты перешагнешь мой порогъ, ты вступишь въ царства, въ которыя ты иначе вступаешь только послѣ физической смерти. Ты вступишь въ нихъ съ полнымъ знаніемъ, и впредь, продолжая внѣшнимъ образомъ странствовать по землѣ, ты будешь въ то же время странствовать въ царствѣ смерти, которое и есть царство вѣчной жизни.

„Воистину я также и ангелъ смерти, но въ то же время я и носитель никогда не изсякающей высшей жизни. Продолжая пребывать въ живомъ тѣлѣ, ты умрешь черезъ меня, чтобы, родившись вновь, перейти въ непреходящее бытіе.

„Царство, въ которое ты отнынѣ вступаешь, приведетъ тебя въ сношеніе съ существами сверхчувственнаго порядка. Блаженство будетъ твоимъ удѣломъ въ этомъ царствѣ. Но первымъ знакомствомъ съ этимъ міромъ долженъ быть я самъ, я—твое собственное твореніе. Ранѣе жилъ я твоей собственной жизнью; но теперь я пробужденъ тобою къ собственному бытію и стою передъ тобой какъ видимое мѣрило твоихъ будущихъ дѣяній, можетъ быть и какъ твой непреходящій укоръ. Ты могъ меня сотворить; но въ то же время ты взялъ на себя и обязанность преобразить меня“.

Облеченное здѣсь—для ясности—въ форму разсказа не слѣдуетъ представлять себѣ какъ нѣчто символическое; наоборотъ, это—переживаніе ученика вполнѣ реальное, вполнѣ дѣйствительное. *)

„Стражъ“ долженъ предупредить его, чтобы ни въ какомъ случаѣ не шелъ онъ далѣе, пока не почувствуетъ въ себѣ доста-

---

*) Изъ вышеприведеннаго ясно, что описанный „Стражъ порога“ есть такой (астральный) образъ, который открывается пробуждающемуся высшему зрѣнію ученика. И къ этой *сверхчувственной* встрѣчѣ приводитъ оккультное обученіе. Путемъ низшей магіи возможно сдѣлать „Стража порога“ видимымъ и для чувственнаго зрѣнія. Для этого образуютъ облако изъ тонкихъ куреній, составленныхъ изъ ряда веществъ, перемѣшанныхъ въ опредѣленной пропорціи. Развитая сила Мага въ состояніи дѣйствовать на эти куренія такимъ образомъ, чтобы непога-

точно силы, чтобы удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя изложены въ вышеприведенномъ обращеніи къ ученику. Какъ бы ужасна ни была фигура этого стража, она не болѣе, какъ отраженіе собственной жизни ученика, не болѣе какъ его собственный характеръ, пробужденный къ самостоятельной жизни внѣ его. И это пробужденіе совершается благодаря распаденію связи между волей, мышленіемъ и чувствованіемъ.

Уже одно то обстоятельство, что человѣкъ впервые сознаетъ себя творцомъ духовной сущности, представляетъ переживаніе глубокаго значенія. Съ этихъ поръ усилія ученика должны быть направлены къ тому, чтобы безъ боязни встрѣтить устрашающее явленіе и въ моментъ встрѣчи съ нимъ почувствовать свою силу настолько выросшей, чтобы совершенно сознательно взять на себя преображеніе „Стража порога“.

Пер. **В. Лалетинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



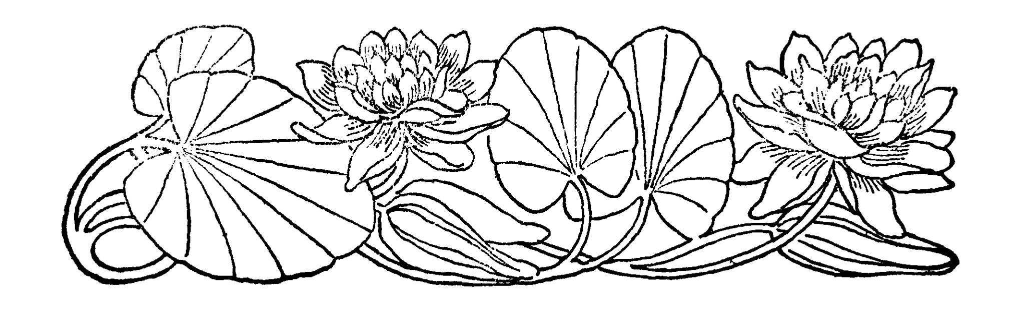
ИЗРЕЧЕНІЯ РАМАКРИШНЫ.

Если ты серьезно желаешь стать добрымъ и совершеннымъ, то Богъ пошлетъ тебѣ настоящаго Гуру *). Только серьезный человѣкъ имѣетъ необходимость въ немъ.

шенная еще карма человѣка могла облекаться въ ихъ тонкую субстанцію, какъ бы оживлять послѣднюю. Кто достаточно подготовленъ для высшаго зрѣнія, тотъ не нуждается болѣе въ такомъ чувственномъ созерцаніи; кромѣ того, если бы неизжитая карма появилась въ такомъ чувственно-видимомъ образѣ передъ человѣкомъ, недостаточно подготовленнымъ, послѣдній подвергся бы опасности вступить на дурной, нежелательный путь. У Бульвера въ его романѣ „Занони“ въ романической формѣ дается изображеніе этого „Стража порога“.

*) Гуру—учитель, духовный руководитель;

Прим. ред.



Апостолъ Павелъ какъ мистикъ *).

(Ж. Моннье).

Милостивыя Государыни, милостивые Государи—позвольте мнѣ, согласно вашему столь трогательному обычаю, сказать: Братья и Сестры! Я не принадлежу къ Теософическому Обществу и меня крайне тронуло полученное мною приглашенiе говорить въ вашемъ присутствiи; съ глубокимъ сочувствiемъ въ сердцѣ являюсь я сегодня передъ вами, сознавая всю цѣнность обмѣна общихъ намъ мыслей и стремленiй.

Предметомъ моего сегодняшняго сообщенiя является Апостолъ Павелъ какъ мистикъ.

Меня немного смущала мысль приступить къ мистицизму Апостола Павла, не освѣтивъ предварительно теософическiя, такъ сказать, черты его личности, но я узналъ, что г. Ревель уже подробно остановился на этой сторонѣ дѣятельности Апостола, такъ что предлагаемая тема составляетъ естественное дополненiе къ лекцiямъ, прочитаннымъ вамъ какъ по данному вопросу, такъ и по другимъ, соприкасающимся съ нимъ.

Прежде чѣмъ приступить къ психологическому анализу личности Св. Павла, я изложу нѣсколько мыслей, которыя помогутъ намъ уяснить себѣ и правильно опредѣлить сущность мистицизма; тогда только мы ясно поймемъ, въ какомъ кругѣ понятiй вращался

---

*) Лекцiя, прочитанная въ Теософическомъ Обществѣ въ Парижѣ, 5, Avenue de la Bourdonnais, въ январѣ 1908 г. Въ устахъ протестантскаго священника чрезвычайно интересенъ для теософа психологическiй анализъ того особаго состоянiя сознанiя, которое именуется „мистическимъ".

Примѣч. Ред.

Апостолъ, и наша тема будетъ пріобрѣтать все большій интересъ по мѣрѣ приближенія къ личности этого великаго человѣка и изученія нами поразительныхъ чертъ, останавливающихъ на себѣ вниманіе наблюдателя.

Не касаясь еще мистицизма Апостола Павла, мнѣ хотѣлось бы вкратцѣ выяснить, что я вообще подразумѣваю подъ мистицизмомъ. Слова: мистикъ и мистицизмъ понимаются весьма неопредѣленно. Въ литературѣ мистикъ—это мечтатель; въ философіи Кузена—это вообще человѣкъ вѣрующій. Существуетъ кромѣ того весьма строгое, какъ бы техническое толкованіе этихъ понятій; оно встрѣчается въ весьма интересной книгѣ о. Пулена: „Les grâces d'oraison", являющейся замѣчателымъ изслѣьндованіемъ чисто созерцательной мистики монастырей.

Среди этихъ, то слишкомъ строгихъ, то слишкомъ расплывчатыхъ толкованій слова „мистицизмъ" я уловилъ настоящій смыслъ его, заключающійся въ способности каждаго человѣка познавать, предугадывать божественное внутреннимъ органомъ души и входить въ общеніе съ Богомъ—общеніе, дающее результаты въ различной мѣрѣ, начиная съ элементарныхъ фактовъ религіозной жизни и кончая высшими проявленіями мистицизма, взятаго въ строгомъ его смыслѣ.

Не стану вдаваться въ подробности.

Теперь намъ необходимо отвести для мистицизма Апостола Павла соотвѣтствующее ему мѣсто въ совокупности мистическихъ теорій и школъ.

Мы не относимъ ее къ разряду созерцательной мистики.

Слово „мистицизмъ", дѣйствительно, чаще всего мысленно переноситъ насъ къ созерцательнымъ школамъ, возникшимъ въ древности въ Индіи и перешедшимъ къ намъ черезъ Александрію. Это направленіе развивается въ нео-платонизмѣ, наполняя собой всю исторію этой школы.

Оно проникаетъ въ христіанскій міръ путемъ столь любопытныхъ писаній псевдо Деонисія, появившихся въ началѣ VI столѣтія. Это теченіе мимоходомъ заимствуетъ кое-что и у философіи Оригена; оно переживаетъ средніе вѣка и пріобрѣтаетъ широкое развитіе въ XIV столѣтіи, имѣя представителями своими Рюкаброка и Экгардта. Вы знаете, какъ затѣмъ это движеніе переродилось въ квіэтизмъ и продолжаетъ существовать въ монастыряхъ, воплощаясь самымъ законченнымъ образомъ въ лицѣ кармелитки. Отецъ Равиньякъ говоритъ: „Кармелитка—это олицетвореніе молитвы".

Св. Апостолъ Павелъ гораздо ближе стоитъ къ мистикамъ-практикамъ.

Хотѣлось бы мнѣ прослѣдить направленіе и этого теченія.

Оно точно также зародилось въ древней Индіи. Бхагавадъ Гита учитъ насъ, что послѣ того какъ мудрый человѣкъ сознать Бога, живущаго въ немъ, то должны проявиться и видимые плоды работы его души. Эта практическая сторона мистицизма обнаруживается сразу и вполнѣ опредѣленно въ первобытной христіанской церкви; впослѣдствіи Св. Августинъ явился блистательнымъ его воплощеніемъ, Св. Бернардъ развилъ то, что нѣмцы называютъ „мистикой Христа, die Christus mystik". Въ XV столѣтіи возникаетъ обширная мистическая литература; назовемъ для примѣра „Подражаніе Христу". Затѣмъ Св. Терезія, Игнатій Лойола сливаютъ во-едино созерцательный и практическій элементы. Наконецъ, въ болѣе близкое намъ время мы встрѣчаемъ въ протестантскомъ мірѣ въ лицѣ Оберлина типъ созерцательнаго и практическаго мистика.

Ограничусь этими немногими словами и извиняюсь за чрезвычайно общія опредѣленія, данныя мною, вѣроятно, вызвавшія возраженія, въ виду того, что трудно дать спѣшный и сжатый обзоръ этого обширнаго вопроса, не освѣтивъ, можетъ быть, и ложно нѣкоторые оттѣнки его. Несомнѣнно лишь то, что Апостолъ Павелъ занимаетъ совершенно опредѣленное мѣсто въ практической мистикѣ; его нельзя назвать практическимъ созерцателемъ, а именно практическимъ мистикомъ.

Безусловно, въ немъ, какъ и во всѣхъ мистикахъ, существуетъ эквивалентъ тѣхъ степеней, что являются средствомъ къ очищенію, просвѣтленію и единенію и занимаютъ такое выдающееся мѣсто въ нео-платонизмѣ. Мистика неизбѣжно влечетъ за собой извѣстнаго рода ритмъ. Но, помимо этого, Апостолъ Павелъ обладалъ совершенно своеобразными особенностями.

Что же это за отпечатокъ, придающій мистицизму Апостола совершенно особый характеръ?

Его можно, пожалуй, назвать „мистикой Духа".

Установимъ прежде всего, что мы подразумѣваемъ подъ этимъ выраженіемъ.

Для Апостола Духъ — это внутренній Богъ, Его вліяніе на душу, — это дѣйствіе живого Христа; онъ говоритъ, что „Богъ есть Духъ" и подъ этими различными наименованіями: Духа Святаго, Духа Божьяго, Духа Христова кроется все та же мысль; а

именно, что новая жизнь христіанина имѣетъ душой своей и неизсякаемымъ источникомъ внутреннее присутствіе Духа.

Это позволяетъ намъ сдѣлать еще шагъ впередъ и точнѣе опредѣлить своеобразный характеръ этой мистики: ее можно назвать динамической, въ виду того, что дѣйствіе Духа всегда соединяется въ представленіи Апостола съ дѣятельной, движущей силой, съ искупительной энергіей. Его писанія полны терминовъ, указывающихъ на дѣятельность, на ростъ, на изліяніе жизни; все направлено въ сторону мощи, ничто не остается неподвижнымъ; наоборотъ, все находится въ состояніи дѣятельной силы; въ тѣ минуты, когда этотъ мистикъ созерцаетъ, нельзя, собственно говоря, назвать состояніе его созерцательнымъ; если я смѣю такъ выразиться, онъ внутренно трудится, нося Бога въ себѣ; такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собой столь рѣдкій и чудесный примѣръ мистики, сотканной изъ силы и стремящейся къ жизни, къ дѣятельности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы все же имѣемъ дѣло съ мистическими явленіями, такъ какъ видимъ человѣка, всего ушедшаго въ Бога, живущаго въ немъ, безпрестанно все тѣснѣе съ нимъ соединяющагося и посвящающаго возможно больше времени общенію съ Богомъ.

Вотъ какова была въ главныхъ чертахъ мистика Апостола Павла.

Теперь намъ предстоитъ изучить зарожденіе ея—что я сдѣлаю лишь вкратцѣ, въ виду того, что болѣе подробный анализъ этого вопроса завелъ бы насъ слишкомъ далеко.

Передъ нами здѣсь древне-іудейское вѣрованіе въ Духа. Вспомните вѣчное противопоставленіе духа и плоти, существовавшее у Израильтянъ, причемъ плоть олицетворяла жизнь человѣческую во всей ея слабости, ея ограниченіяхъ и немощи, а Духъ являлся силой, исходящей отъ Бога.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ іудействѣ дѣйствіе Духа носитъ всегда исключительный характеръ. Онъ нисходитъ, когда пророкъ нуждается въ вдохновеніи, точно божественный смычекъ въ извѣстныя минуты скользящій по струнамъ души. Когда пророкъ чувствуетъ въ себѣ приливъ высокихъ мыслей, онъ говоритъ: „Духъ Всевышняго на мнѣ“. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что это пониманіе Духа было выработано іудейскимъ богословіемъ съ одной стороны—въ Александріи—въ болѣе греческомъ духѣ, съ другой въ Палестинѣ—въ болѣе іудейской формѣ. Его природа, его методы были изучены. Слѣдовательно, Апостолъ

обладалъ цѣлымъ запасомъ понятій, придававшихъ слову „Духъ“ первенствующее значеніе, когда дѣло шло о воздѣйствіи Бога на человѣка.

Неоспоримо то, что основнымъ источникомъ мистицизма св. Павла является его личный опытъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить его умственный складъ, столь тонкій, возвышенный, по всей вѣроятности развившій въ немъ съ самаго начала его религіозной жизни въ іудаизмѣ душу, какъ струна звенѣвшую отъ прикосновенія къ божественному.

Есть души, въ которыхъ религіозныя мысли, стремленіе къ Богу рождаютъ еще до наступленія положительнаго убѣжденія, а тѣмъ болѣе при наличности его, внутреннюю ревность, что-то такое глубокое и таинственное, что словами передать невозможно. Апостолъ и былъ одною изъ этихъ личностей, способныхъ достигнуть безконечныхъ высотъ въ этомъ таинственномъ соприкосновеніи всего существа съ Божествомъ.

Эту особенность его слѣдуетъ запомнить, въ виду того, что она освѣтитъ намъ впослѣдствіи многія явленія.

Апостолъ Павелъ черпаетъ все новыя мистическія силы главнымъ образомъ въ переживаніяхъ своей христіанской жизни, въ живомъ, просвѣтляющемъ, искупляющемъ дѣйствіи Христа на него. Христосъ во всякую минуту какъ бы раскрываетъ передъ нимъ небеса, безпрестанно влечетъ его впередъ по лучезарному пути святости и любви.

Не будемъ дольше останавливаться на этомъ пунктѣ, несмотря на все его значеніе, и, закончивъ это можетъ быть слишкомъ длинное вступленіе, разсмотримъ въ подробностяхъ мистическія міровоззрѣніе и дѣйствія Апостола.

Установимъ прежде всего, что это міровоззрѣніе и эта жизнь отличаются изумительной гармоніей, равновѣсіемъ и здоровьемъ.

Поясню свою мысль подробнѣе: Апостолъ Павелъ не ставитъ жизнь мистическую внѣ обыденной, духовной жизни; онъ кладетъ Духъ въ основу всей своей нравственной и религіозной жизни, онъ видитъ въ немъ коренной источникъ какъ простѣйшихъ, такъ и самыхъ высокихъ проявленій духовной жизни.

Возьмемъ посланіе къ Римлянамъ: вы увидите, что Духъ и есть та сфера, въ которой живетъ этотъ великій христіанинъ:

„Итакъ нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ живутъ не по плоти, а по духу... законъ духа жизни во Христѣ Іисусѣ освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти“ (VIII, 1 и 2).

„Ибо живущіе по плоти о плотскомъ помышляютъ, а живущіе по духу—о духовномъ“ (VIII, 5).

Итакъ Духъ является здѣсь сферой—извиняюсь за постоянныя повторенія, но они необходимы—гдѣ вращается христіанская душа, атмосфера, которою она дышетъ, источникомъ всякой жизни; та же мысль встрѣчается и въ Евангеліи отъ Іоанна, въ особенности въ III главѣ, гдѣ само зарожденіе духовной жизни приписывается дѣйствію Духа.

„Если это не родится отъ воды и Духа...“

Желая выпукло изобразить свою мысль, Апостолъ Павелъ употребляетъ сильныя и разнообразныя выраженія. Ему въ особенности свойственна формула: „во Христѣ Іисусѣ“. Предлогъ „во“ — это то, что въ греческомъ текстѣ Новаго Завѣта называется мистическимъ ἐν, индивидуальность каждаго будучи какъ бы погруженной въ духовное сіяніе Христа.

Слѣдовательно, существуетъ обширная область божественнаго, область Духа, отъ котораго все исходитъ, отъ самыхъ элементарныхъ проявленій его вплоть до чудеснаго развитія, нашедшаго себѣ выраженіе въ Посланіяхъ.

Замѣтьте, что даже въ христіанской Церкви первыхъ временъ это составляетъ совершенно особое свойство, присущее Апостолу Павлу. Эта Церковь, отчетливо отразившаяся въ нѣкоторыхъ страницахъ Дѣяній Апостоловъ, держалась общихъ воззрѣній на Духа, какъ на нѣчто приходящее извнѣ, таинственно, подобно поднимающемуся вѣтру. Духъ представлялся ей, какъ божественная сила, внезапно охватывающая душу; слѣды этого пониманія сохранились во II и X гл. Дѣяній, въ повѣствованіяхъ о сошествіи Св. Духа и о сотникѣ Корниліи. Обратите вниманіе на конецъ X главы:

„Когда Петръ еще продолжалъ эту рѣчь, Духъ Святый сошелъ на всѣхъ, слушавшихъ слово. И вѣрующіе изъ обрѣзанныхъ, пришедшіе съ Петромъ, изумились, что даръ Святаго Духа излился и на язычниковъ, ибо слышали ихъ говорящихъ языками и величающихъ Бога“ (Дѣянія X, 44—46).

Я полагаю, что все такъ и произошло, какъ сказано; но мы видимъ, что въ этой палестинской средѣ готовились къ сверхъестественному и чисто внѣшнему сошествію Духа; между тѣмъ какъ Апостолъ Павелъ видитъ лишь внутреннюю жизнь, водворяющуюся въ человѣка еще до проявленія какихъ бы то ни было внѣшнихъ признаковъ.

Теперь приступимъ къ изученію мистическихъ фактовъ, игравшихъ такую большую роль въ жизни Апостола и являющихся слѣдствіемъ вышеустановленныхъ положеній.

Отмѣтимъ ихъ таковыми, какими они представляются намъ въ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ.

Само собою разумѣется, что главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній являются Посланія. Но и Дѣянія имѣютъ въ этомъ отношеніи огромное значеніе.

Вспомнимъ, во-первыхъ, что до наступленія его мистической жизни, Св. Павелъ имѣлъ уже въ Антіохіи совершенно особую дѣятельность. Онъ былъ какъ бы пророкомъ этой Церкви.

Въ Антіохіи (Дѣянія XIII, I и сл.) были нѣкоторые пророки и учители; они отправляли богослуженіе, постились; Св. Духъ сказалъ имъ:

„Отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому я призвалъ ихъ“.

Какъ живыя, изображены эти души пророковъ, въ которыхъ зарождается внутреннее вдохновеніе.

Прослѣдимъ Апостола въ его путешествіяхъ; мы видимъ въ иныя минуты внутреннее внезапное проникновеніе, какъ бы ясновидѣніе.

Сократъ обладалъ внутреннимъ геніемъ, предупреждавшимъ его и вкладывавшимъ въ его великую душу непреоборимое убѣжденіе въ томъ, что извѣстныя дѣянія не должны были быть совершены; Ап. Павлу свойственно было то же чувство.

„... Прошедши чрезъ Фригію и Галатійскую страну, они не были допущены Духомъ Святымъ проповѣдывать слово въ Асіи.

Дошедши до Мисіи, предпринимали итти въ Виѳинію, но Духъ не допустилъ ихъ (Дѣянія XVI, 6—7)“.

Изъ этого разсказа ясно видно, что Духъ ведетъ Павла въ Европу, до которой онъ первымъ коснулся своею проповѣдью; этотъ внутренній геній предупреждаетъ его, отстраняетъ съ его пути намѣренія, которыя могли бы помѣшать исполненію высшаго призванія.

Попытаемся, однако, проникнуть съ помощью документовъ глубже въ самую душу Апостола. Подойдемъ прямо къ нѣкоторымъ исключительнымъ явленіямъ, рѣдкимъ по его собственному признанію, но глубоко запавшимъ въ его память.

Вспомнимъ то восхищеніе, о которомъ онъ пишетъ въ посланіи къ Коринѳянамъ.:

„Не полезно хвалиться мнѣ; ибо я приду къ видѣніямъ и откровеніямъ Господнимъ.

Знаю человѣка во Христѣ, который назадъ четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли—не знаю, внѣ ли тѣла—не знаю: Богъ знаетъ) восхищенъ былъ до третьяго неба.

И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю — въ тѣлѣ или внѣ тѣла: Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизрѣченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать.

Такимъ человѣкомъ могу хвалиться"... (2 Коринѳ. XII, 1—6).

Мы знаемъ, что духовное восхищеніе можетъ наступать черезъ болѣе или менѣе долгіе промежутки времени въ великихъ мистическихъ жизняхъ.

Мнѣ извѣстны два случая, когда оно создалось подъ вліяніемъ двухъ силъ: страданія, сопряженнаго съ полнымъ смиреніемъ, и общенія съ Богомъ, достигшаго крайняго напряженія и восторга. При наличности кромѣ этихъ двухъ данныхъ еще индивидуальныхъ качествъ, особыхъ обстоятельствъ, сосредоточенности, совершенной преданности Богу, нѣкоторыя избранныя души могутъ достичь того состоянія души, что Апостолъ называетъ неизрѣченнымъ, когда нѣтъ отчетливыхъ мыслей, но есть мощныя чувства, когда душа озарена духовнымъ сіяніемъ, внезапно придающимъ необычайную ясность уже усвоеннымъ истинамъ и необыкновенную сладость утѣшеніямъ вѣры.

Когда, по истеченіи этихъ минутъ, длительность которыхъ трудно опредѣлить тому, кто ихъ переживаетъ, человѣкъ приходитъ въ себя, то ему трудно вернуться къ тяготамъ жизни, но, съ другой стороны, является сознаніе безусловной, отнынѣ неоспоримой реальности существованія высшей сферы, съ которой онъ пришелъ въ соприкосновеніе.

Кромѣ этихъ случаевъ чистѣйшаго экстаза существуютъ еще другія степени менѣе интенсивнаго восхищенія, сопровождающіяся болѣе полнымъ умственнымъ ясновидѣніемъ, и, такъ сказать, внутренней бесѣдой.

Я усматриваю этотъ діалогъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ: когда Ап. Павелъ проситъ избавленія отъ того жала, отъ страданія, относительно котораго мы не обладаемъ, къ сожалѣнію, никакими свѣдѣніями.

„И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровеній дано мнѣ жало въ плоть, ангелъ сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился.

Трижды молилъ я Господа о томъ, чтобы удалилъ его отъ меня.

Но Господь сказалъ мнѣ: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается въ немощи" (II Коринѳ., XII, 7—9).

Этотъ случай внутренней бесѣды не единиченъ въ жизни Апостола.

Попытаемся объяснить его психологически.

Когда человѣкъ бываетъ чувствомъ тѣсно соединенъ съ божественнымъ, употребляя наиболѣе общіе термины — бываетъ, что подсознательное чувство выражается нерѣдко въ словахъ. Тогда въ тишинѣ души раздаются внутреннія слова. Каждая глубокая и тонкая душа, водворивъ въ себѣ внутреннюю тишину, когда-нибудь да слышала эти слова, иногда даже почти явственно; но они не поражаютъ слухъ и не принадлежатъ къ области галлюцинацій: я говорю о внутреннемъ голосѣ, о томъ, какъ въ тишинѣ души мысли говорятъ между собой.

У Апостола не разъ происходитъ совершенно ясная бесѣда; я предложу вашему вниманію текстъ, полный значенія. Апостола только что схватили въ храмѣ и поставили передъ Іудеями. Онъ; говоритъ:

„Когда же я возвратился въ Іерусалимъ и молился въ храмѣ, пришелъ я въ изступленіе. И увидѣлъ Его и Онъ сказалъ мнѣ: „поспѣши и выйди скорѣе изъ Іерусалима, потому что здѣсь не примутъ твоего свидѣтельства о Мнѣ.“

Я сказалъ: Господи, имъ извѣстно, что я вѣрующихъ въ Тебя заключалъ въ темницы и билъ въ синагогахъ;

И когда проливалась кровь Стефана, свидѣтеля Твоего, я тамъ стоялъ, одобрялъ убіеніе его и стерегъ одежды побивавшихъ его.

И онъ сказалъ мнѣ: „иди; Я пошлю тебя далеко къ язычникамъ.“

До этого слова слушали его, а за симъ подняли крикъ....“ (Дѣянія XXII, 17—22).

Обстоятельства, когда были произнесены эти слова, торжественны и Апостолъ передаетъ ихъ точно: въ этого рода восхищеніи слѣдуетъ отмѣтить не неизрѣченность его, а внутреннее откровеніе, внутренній разговоръ, повидимому возникавшій не разъ въ душѣ Апостола.

Въ частности поднимается вопросъ, не отнести-ли разговоръ съ Христомъ на пути въ Дамаскъ къ числу мистическихъ бесѣдъ. Изъ приведенной выше рѣчи, Св. Павелъ передаетъ сперва другой разговоръ:

„Когда же я былъ въ пути и приближаясь къ Дамаску, около полудня вдругъ осіялъ меня великій свѣтъ съ неба.

Я упалъ на землю и услышалъ голосъ, говорившій мнѣ: Савлъ! Савлъ! что ты гонишь Меня?

Я отвѣчалъ: кто ты, Господи? Онъ сказалъ мнѣ: Я Іисусъ Назарей, Котораго ты гонишь.

Бывшіе же со мною свѣтъ видѣли и пришли въ страхъ; но голоса Говорившаго мнѣ не слышали.

Тогда я сказалъ: Господи! что мнѣ дѣлать? Господь же сказалъ мнѣ: встань и иди въ Дамаскъ и тамъ тебѣ сказано будетъ все, что назначено тебѣ дѣлать". (Дѣянія XXII, 6—10).

Такимъ образомъ, вѣруя совершенно твердо въ объективное явленіе живого Христа, возникаетъ вопросъ, не относится-ли эта бесѣда, сопровождавшаяся точными отвѣтами, такъ глубоко запечатлѣвшаяся въ душѣ Апостола и не услышанная присутствовавшими при ней лицами (по крайней мѣрѣ согласно раннему документу), къ области сверхъестественной физической жизни.

Тогда сцена на пути въ Дамаскъ получаетъ совершенно особый оттѣнокъ. Это уже не исключительное чудо, совершенное для души, которую надо было плѣнить: это отвѣтъ, данный исключительной душѣ—исключительной въ силу своихъ дарованій, своей жажды справедливости, своей потребности въ истинѣ, своего желанія служить Богу.

Но жизнь Апостола изобилуетъ еще и другими явленіями, подлежащими изученію.

Возьмемъ, напримѣръ, молитву. Собственно говоря, съ нея слѣдовало начать, такъ какъ молитва является главнымъ религіознымъ фактомъ и черезъ молитву все остальное становится возможнымъ.

Мы видимъ, что у этого великаго мистика молитва пріобрѣтаетъ необычайную реальность и мощь.

Въ одномъ изъ Посланій есть на этотъ счетъ очень интересное указаніе. Мимоходомъ будь сказано, это посланіе къ Колоссянамъ является однимъ изъ самыхъ теософическихъ писемъ Апостола Павла.

Точно также въ главѣ XV перваго посланія къ Коринѳянамъ онъ совершенно особымъ образомъ освѣщаетъ различныя области жизни духовныхъ существъ и ихъ отношеній ко Христу, къ Его личности и Его дѣяніямъ. Апостолъ Павелъ, въ посланіи къ Колоссянамъ изображаетъ свои молитвы какъ настоящую борьбу, какъ мощную силу.

„Желаю, чтобы вы знали, какой подвигъ имѣю я ради васъ и ради тѣхъ, которые въ Лаодикіи и Іераполѣ, и ради всѣхъ,

кто не видѣлъ лица моего въ плоти, дабы утѣшились сердца ихъ, соединенныя въ любви для всякаго богатства совершеннаго разумѣнія, для познанія тайны Бога. (Колос. II, 1—3).

Въ томъ же Посланіи онъ поясняетъ, чтó именно онъ подразумѣваетъ подъ этимъ подвигомъ: это духовная борьба за тѣхъ, кто порученъ ему Богомъ, все равно, знаетъ-ли онъ ихъ лично или нѣтъ.

Въ жизни Павла есть такимъ образомъ два высящіяся другъ надъ другомъ служенія, взаимно другъ друга пополняющія.

Подобно той чудесной двойной церкви въ Ассизѣ: нижней—полной тѣни и умиленной сосредоточенности, верхней—залитой лучезарнымъ свѣтомъ,—въ жизни Апостола есть сокровенный міръ молитвы, активнаго заступничества; это какъ бы нижняя церковь, гдѣ онъ окружаетъ вдохновеннымъ попеченіемъ тяготы, сомнѣнія, усилія тѣхъ, кого онъ любитъ, обезпечиваетъ за ними цѣлую сокровищницу духовныхъ силъ и достигаетъ той степени напряженія во внутренней жизни, которая позволяла ему входить въ общеніе съ тѣми, кто былъ далеко и кому онъ хотѣлъ помочь. Затѣмъ есть видимое, апостольское служеніе, которое и объясняется лишь той другой сокровенной жизнью, поддерживавшей и обновлявшей его.

Отмѣтимъ по поводу духовнаго значенія, соединявшаго Апостола съ церквами, что онъ совершенно подобнымъ образомъ чувствовалъ себя въ извѣстныя минуты вблизи вѣрныхъ.

„Хотя я и отсутствую тѣломъ, но духомъ нахожусь съ вами, радуясь и видя ваше благоустройство и твердость вѣры вашей во Христа“. (Колос. II, 5).

Говоря: „духомъ нахожусь съ вами“, онъ вовсе не хочетъ сказать: „Я буду съ вами душой“, какъ мы то говоримъ, когда мы въ дѣйствительности должны отсутствовать.

Онъ подразумѣваетъ подъ этимъ особое присутствіе и намекаетъ на эту особенность еще въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ.

„А я, отсутствуя тѣломъ, но присутствуя у васъ духомъ, уже рѣшилъ“... (V, 3).

Этотъ послѣдній текстъ имѣетъ очень вѣское значеніе, въ виду того, что здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ дисциплинарномъ фактѣ, о сужденіи, которое должно быть принято и сопряжено съ принятіемъ важнаго рѣшенія.

Св. Павелъ какъ бы кладетъ грань между присутствіемъ своего тѣла въ одномъ мѣстѣ и присутствіемъ своего духа въ другомъ:

„Уже рѣшилъ,—добавляетъ онъ,—какъ бы находясь у васъ... Въ собраніи вашемъ во имя Господа Іисуса Христа, обще съ моимъ духомъ“ (I Коринѳ. V, 3—4).

Вернемся къ молитвѣ; кромѣ сообщаемой ею силы, мы видимъ и утѣшеніе и безграничную мощь, даруемыя ею при достиженіи того состоянія, что можно назвать непосредственной молитвой Духа.

Въ VIII гл. посланія къ Римлянамъ раскрывается то молитвенное напряженіе, что св. Терезія впослѣдствіи развиваетъ какъ четвертую и высшую степень молитвы.

Припомните эти четыре степени: сначала молишься съ трудомъ, будто поливаешь садъ изъ лейки подъ палящимъ солнцемъ; потомъ какъ бы орошаешь его посредствомъ насоса, дающаго больше воды съ меньшимъ трудомъ. Затѣмъ каналы, прорытые въ землѣ, и, наконецъ, дождь съ неба сами собой поливаютъ садъ.

О. Геккеръ разсказываетъ намъ о точно такихъ же переживаніяхъ.

Въ посланіи къ Римлянамъ замѣчается эта послѣдняя степень: Самъ Богъ въ милосердіи Своемъ, зарождаетъ въ душѣ воздыханія, которымъ суждено быть услышанными.

„Также и Духъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ; ибо мы не знаемъ, о чемъ молиться, какъ должно, но Самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизрѣченными.

Испытующій же сердца знаетъ, какая мысль у Духа, потому что Онъ ходатайствуетъ за святыхъ по волѣ Божіей“ (Римл. VIII, 26—27).

Выше подняться нельзя. Закончимъ на этомъ нашу бесѣду; мнѣ не хотѣлось бы продлить ее дольше обыденнаго часа.

Добавлю лишь нѣсколько словъ. Остается указать, какимъ образомъ эти элементы внутренней жизни приводятъ Апостола къ служенію, отличающемуся несравненнымъ напряженіемъ и производительностью и изобилующему энергіей и творческой силой.

Какъ Апостолъ, какъ человѣкъ дѣятельный, этотъ мистикъ былъ несравненъ; онъ вполнѣ сознавалъ тѣ дары, что развиваются въ душахъ, преисполненныхъ Духомъ. И онъ зналъ, что работаетъ лучше и плодотворнѣе другихъ.

Въ изученіи подобной жизни можно черпать огромную силу. Мы какъ будто стоимъ передъ большимъ костромъ, изъ котораго брызжутъ искры, способныя зажечь и насъ.

Закончу пожеланіемъ, чтобы каждый изъ насъ, какова бы ни была его вѣра, старался жить Духомъ и для Духа, вдохновляясь основной мыслью, свойственной одновременно Апостолу Павлу и самой высокой книгѣ древней Индіи, что чѣмъ болѣе преуспѣваешь въ духовной жизни, тѣмъ болѣе добра надо изливать на другихъ людей.

Перев. **В. Пушкина.**



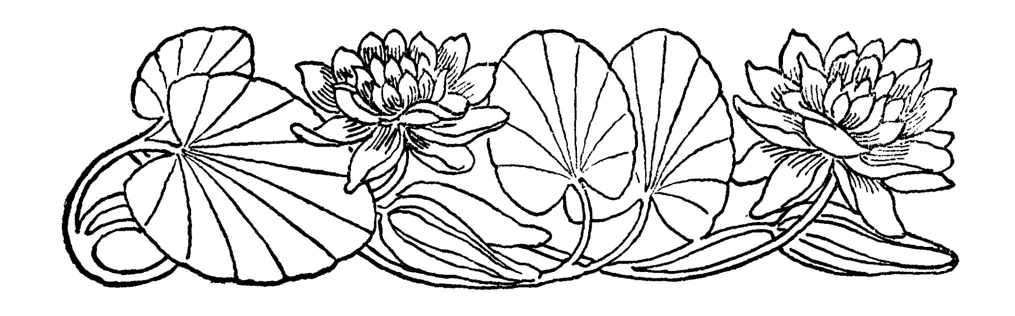
ИЗРѢЧЕНІЯ РАМАКРИШНЫ.

Богъ пребываетъ во всѣхъ людяхъ, но не люди въ Богѣ; это и есть причина страданія.

Солнечный свѣтъ одинъ, куда бы онъ ни упалъ; но только блестящая поверхность воды, зеркала и отполированнаго металла можетъ его отражать. То же происходитъ и съ Божественнымъ свѣтомъ. Онъ одинаково льется во всѣ сердца, но лишь одно только чистое сердце добраго и святого можетъ отражать его во всей полнотѣ.

Однажды святой лежалъ около дороги въ глубокомъ экстазѣ (Samadhi); проходившій мимо воръ подумалъ: „Это вѣроятно воръ, совершившій ночью кражу и теперь высыпающійся". Прошелъ мимо пьяница и подумалъ, увидя спящаго мудреца: „Ты вѣроятно хватилъ черезъ край и вотъ теперь валяешься въ канавѣ". Наконецъ подошелъ мудрецъ, который понялъ, что великій мудрецъ покоится въ глубокомъ состояніи Samadhi, и опустился возлѣ него на колѣни.

Только мудрецъ можетъ понимать мудреца.



„Ночные призраки“.

(Музыкальная картина *).

Есть дальній край,
Безбрежное пространство......
Вода и небо, все слилось въ туманѣ....
Едва, едва темнѣетъ между ними старинный городъ.
Когда-то ужъ давно онъ выросъ изъ воды,
Онъ утвердился тамъ, застывъ громадами высокихъ замковъ и дворцовъ
И закрывая ихъ туманомъ, онъ стоитъ какъ очарованный какой-то тайной.

То улыбнется,
То заплачетъ,
А то загадочно смѣется,
Или блеснетъ, сверкая солнцемъ,
А то нахмурится, какъ будто чуетъ смерть.....
Въ немъ чудятся и радости, и скорби,
Далекія надежды и борьба......
По городу бредутъ толпами тѣни, при свѣтѣ сумрачнаго дня, а вечеромъ при тусклыхъ фонаряхъ.

---

*) Назвавъ эту работу *музыкальной картиной*, я имѣла въ виду расположеніе стиховъ, форму періодовъ и предложеній, соотвѣтствующихъ правиламъ музыкальныхъ формъ; многоточія соотвѣтствуютъ паузамъ и фермато, во время которыхъ идетъ оркестровое тремоло и совершаются музыкальные эфекты пьесы.

А. Унковская.

Когда же къ полночи онѣ всѣ засыпаютъ, измученныя души,
однѣ трудомъ, другія праздностью разгула,
Тогда-то начинается таинственная жизнь.....
Старинный городъ замираетъ..........
Онъ видитъ прошлое,
Онъ думаетъ о немъ,
Оно его томитъ.
И повторяется рядъ мрачныхъ сновидѣній, жизнь въ мірѣ ужасовъ
и страховъ.
И еслибъ въ этотъ часъ, бродя по городу какъ призракъ
запоздалый,
Пришлось услышать дальній звонъ на башнѣ, гдѣ бьетъ полночный часъ, часъ привидѣній,
То, чтобы видѣть все и все узнать,
Скорѣе надобно спѣшить къ рѣкѣ,
Взойти на старый мостъ
И, обратясь лицомъ туда, куда бѣжитъ вода,
Къ ней наклониться, внимательно смотря ей прямо въ глубь...
....
Шумитъ она, а все кругомъ молчитъ,
Все ждетъ...... И страшный призракъ возстаетъ.....
Старинный замокъ
Таинственный и мрачный;
Онъ отражается въ водѣ,
Тамъ ясно видѣнъ онъ...........
Вотъ волны освѣтились,
Въ водѣ купается луна,
Она взошла надъ башней угловой, пугливо кутаясь въ туманъ,
Она глядитъ въ окно и замираетъ.....
Тамъ видѣнъ свѣтъ,
Сверкаетъ онъ въ рѣкѣ, онъ въ ней дрожитъ тревогой......
Кругомъ все тихо........
И тишина какъ будто крадется къ водѣ туда, гдѣ красный свѣтъ
окна мерцаетъ въ волнахъ.
Въ окнѣ мелькаютъ тѣни,
Онѣ тамъ мечутся,
Онѣ дрожатъ въ волнахъ, онѣ въ нихъ будто тонутъ....
Тамъ слышны стоны.........
Ужасные, протяжные....
Опять..... все глуше.......
Замолкли..... тихо все.......

Въ испугѣ тишина дрожитъ и прячется въ водѣ......
Въ окнѣ огонь погасъ..........
И темный ужасъ, кровавымъ паромъ поднимаясь, плыветъ по воздуху къ лунѣ....
Окрасился туманъ, окрасилась вода,
Померкла въ небѣ и въ рѣкѣ луна;
Она темнѣетъ, небо плачетъ,
Слезами падаетъ роса на крыши желѣзныя, холодныя и разливается по нимъ....
Блестятъ бездушно крыши,
Скрываютъ ужасъ и молчатъ........
Томится воздухъ и тоскуетъ,
На небѣ прячется луна..
....
А издали ужъ слышенъ громъ,
Гроза близка, чернѣютъ тучи,
Онѣ сбираются толпой и мечутъ стрѣлы;
И стрѣлы множатся въ водѣ
Онѣ зловѣще тамъ блестятъ и замку угрожаютъ....
Дрожатъ въ немъ окна, двери, крыши,
Дрожитъ въ испугѣ все кругомъ,
И вотъ является на старой башнѣ высокій призракъ въ старинномъ, темномъ одѣяньи.
Онъ злобно смотритъ прямо въ небо,
Онъ властно грому говоритъ:
„Молчи гроза и расходитесь тучи....
Пусть снова свѣтитъ мнѣ луна.....
Здѣсь я владыка,
Власть моя"........
....
Въ отвѣтъ ему ударилъ громъ
И мрачный замокъ загорѣлся....
Огнями вспыхнула вода
И вмѣстѣ съ замкомъ запылала.....
Горѣли башни, двери, окна, и крыши рушились кругомъ,
Но темный призракъ все стоялъ,...
Онъ злобно небу угрожалъ, пока не занялась заря,
Тогда въ испугѣ онъ бѣжалъ..................................
....
Утихли грозы, громъ молчалъ
И тучи съ неба уползали.........

Надъ ними блѣдная луна плыла на чистомъ, звѣздномъ небѣ,
И въ рѣку заглянувъ, она задумалась.....
Въ водѣ прозрачной отразились думы лунныя,...
Ихъ волны повторяли и шептали:
„Сильна во тьмѣ власть зла и мрака,
Но близокъ свѣтъ и тьма пройдетъ,
Исчезнутъ призраки ночные,
Востокъ алѣетъ.... Свѣтъ идетъ!"...

А. Унковская.



ИЗРѢЧЕНІЯ РАМАКРИШНЫ.

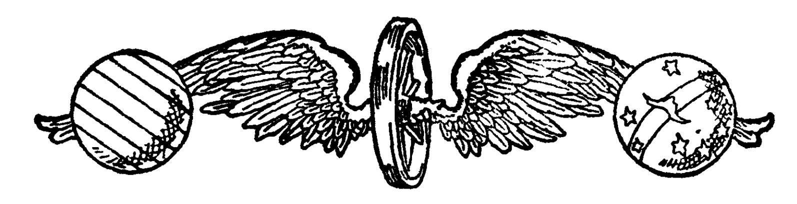
Пламя газа горитъ съ разной силой въ различной средѣ, но жизнь свѣта—газъ истекаетъ изъ одного хранилища. Учителей религіи всѣхъ странъ и временъ можно уподобить лампамъ, въ которыхъ свѣтитъ свѣтъ духа, исходящій всегда изъ одного источника—отъ Всемогущаго.

Какъ на крышу дома или бамбуковаго дерева можно забраться при помощи лѣстницы или веревки, такъ и къ Богу есть много путей: каждая изъ религіозныхъ системъ міра указываетъ такой путь.

Различныя вѣрованія, это только различные пути къ Всевышнему: ханжа, считающій единственно правильной только свою вѣру, подобенъ сидящей въ колодцѣ лягушкѣ, которая не знаетъ ничего великаго и возвышеннаго кромѣ воды въ колодцѣ, въ которомъ она живетъ.

Будь твердъ и постояненъ въ своей собственной религіи, но берегись ханжества и нетерпимости.

Жемчужница, заключающая въ себѣ драгоцѣнные перлы, сама по себѣ малоцѣнна, но она необходима для роста жемчуга. Нашедшій жемчугъ уже не нуждается больше въ раковинѣ.



„... если Я хочу, чтобы онъ пребылъ,
пока пріиду, что тебѣ до того?“
Іоанн. 21, 22.

Легенда.

На вершинахъ Гималая,
Гдѣ лучи въ снѣгахъ сверкая,
Волны синія эфира отражаютъ, догорая,
Въ мірѣ скрытъ свѣтильникъ міра.

Силой высшаго велѣнья
Неизмѣнный и чудесный, онъ хранитъ огонь небесный,
И съ любовью въ міръ сомнѣнья
Сыплетъ искры озаренья.

Тайнъ земли свидѣтель вѣчный,
Направляя жизнь земную къ цѣли высшей и конечной,
Онъ ведетъ семью родную
Свѣтомъ истины предвѣчной.

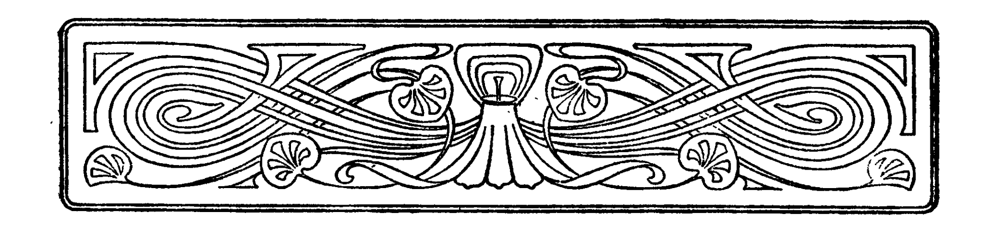
Всѣмъ, кто стонетъ и страдаетъ,
Другъ Господень посылаетъ лучъ божественнаго дàра
И, какъ солнце, освѣщаетъ
Съ высоты Гауризанкàра.

И разсвѣтъ земного края съ высоты подготовляя,
У небеснаго порога
Съ нимъ другой свидѣтель Бога
Скрытъ въ вершинахъ Гималая.

Но борьбою предразсвѣтной
Отуманенный сомнѣньемъ, міръ возстанетъ единеньемъ,
И послѣдній бой всесвѣтный
Завершится возрожденьемъ.

Вспыхнутъ бѣдствія земныя
И, какъ пламенемъ пожара, дни охватятъ роковые...
Въ эти дни сойдутъ святые
Съ высоты Гауризанкàра.

М.



Международный Теософическій конгрессъ въ Будапештѣ.

V международный Теософическій конгрессъ состоялся въ этомъ году въ Венгріи, въ Будапештѣ *). Венгерское Теософическое Общество родилось всего 4 года тому назадъ, но теософическое движеніе давно уже зачалось въ Венгріи и въ настоящее время оно пустило глубокіе корни въ землю мадьяровъ. Не смотря на свою юность, Венгерское Теософическое Общество не побоялось взять на себя сложную и отвѣтственную задачу организаціи международнаго съѣзда и выполнила ее блестяще.

На берегахъ Дуная, въ столицѣ мадьяровъ, красивомъ городѣ, окаймленномъ горами, тонущими въ голубой дымкѣ, подъ яркимъ небомъ и яркимъ солнцемъ юга, собрался V международный конгрессъ теософовъ. На него пріѣхали представители и члены со всѣхъ концовъ міра, изъ всѣхъ частей свѣта.

Наканунѣ открытія конгресса, венгерскіе теософы встрѣчали и чествовали своихъ гостей. На этомъ вечерѣ были Mrs. Анни Безантъ, президентъ всеміpнаго Теософическаго Общества, и представители различныхъ теософическихъ обществъ и секцій. Члены непринужденно знакомились между собой. А. Безантъ обходила собраніе и здоровалась со всѣми. Ея присутствіе сразу какъ то электризовало присутствующихъ. А. Безантъ удивительный ораторъ, но и тогда, когда она молчитъ, она приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе очарованіемъ своей личности. Отъ ея нѣжной

*) I конгресъ былъ въ Амстердамѣ (1904 г.), II въ Лондонѣ (1905 г.), III— въ Парижѣ (1906 г.), IV — въ Мюнхенѣ (1907 г.), V въ Будапештѣ (1909 г.). Слѣдующій назначенъ въ Туринѣ, на 1911 г., на Пасхальной недѣлѣ (н. ст).

улыбки и пламеннаго взора вѣетъ такой неподдѣльной силой и такой небесной добротой, что трудно оторвать глаза отъ этого вдохновеннаго лица, которое съ каждымъ годомъ дѣляется все болѣе и болѣе прекраснымъ, не смотря на преклонные годы (ей въ сентябрѣ минетъ 62 года). И каждому, кто заглянулъ въ лицо этой удивительной женщины, проявившей столько огня и столько любви въ своей жизни, дѣлается свѣтлѣе на душѣ и вѣрится, что человѣку предстоитъ еще подняться на какую-то высшую ступень эволюціи.

Въ день Св. Троицы состоялось открытіе конгресса. Въ красивомъ залѣ Pestir Soyd, изящно убранномъ растеніями и украшенномъ картинами художниковъ-теософовъ, собралось около 300 теософовъ. На эстраду вошли А. Безантъ и представители-делегаты различныхъ обществъ. Конгрессъ былъ открытъ пѣніемъ венгерскаго мужского хора, пропѣвшаго молитву и гимнъ. Затѣмъ, представители поочередно привѣтствовали Собраніе, каждый на своемъ языкѣ. Говорили представители Венгерскаго, Британскаго, Россійскаго, Французскаго, Германскаго, Итальянскаго, Скандинавскаго, Финляндскаго Обществъ и делегаты Болгаріи и Чехіи. Былъ прочитанъ рядъ привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ, а затѣмъ Анни Безантъ сказала рѣчь, въ которой она указала на то, что человѣчество переживаетъ кризисъ и готовится подняться на высшую ступень сознанія. Всюду, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ, въ религіи, явно чувствуется переломъ: что-то отходитъ въ прошлое; что-то нарождается новое и міръ полонъ ожиданія. Это новое, что должно родиться, есть духовность, Христосъ, Которому суждено выpoсти „до полнаго возраста Христова“ въ душѣ всего человѣчества. Особыя свойства содѣйствуютъ рожденію этого новаго начала, свойства, которыя мы должны бережно воспитывать въ себѣ: смиреніе и благоговѣніе къ высшему и полнѣйшая терпимость къ равнымъ намъ. Такая терпимость неизбѣжно рождается въ томъ, кто понимаетъ и признаетъ безграничную свободу духовнаго творчества и безграничное разнообразіе человѣческихъ темпераментовъ и характеровъ. Раса слѣдуетъ за расой и культура—за культурой. Каждая приноситъ съ собой нѣчто новое и нужное человѣчеству. Настоящая культура (тевтонская), играющая преобладающую роль въ жизни современнаго міра, довела до расцвѣта интеллектуальное начало въ человѣчествѣ. Конкретный, критическій разумъ царствуетъ всюду и съ нимъ царитъ самоутверждающееся „я“ человѣка, начало личное и эгоистичное. Всюду конфликтъ, борьба, антагонизмъ, ибо этому началу въ

высшей степени свойственъ духъ обособленности и соревнованія; этотъ духъ проникаетъ всюду, даже въ самыя благородныя духовныя теченія. Оттого высшая добродѣтель современной культуры—альтруизмъ, любовь къ другому, а не къ себѣ. Міръ противопоставляется „я“, и „я“, жертвуя собой, служитъ міру. Отсюда понятіе о жертвѣ, какъ о скорби, о терновомъ вѣнцѣ. Но культура будущей расы будетъ расцвѣтомъ иного начала, начала духовнаго, и съ нимъ прозвучитъ нота единства. Тогда міръ и „я“ будетъ одно; не будетъ ты, вы и я, а будетъ признаніе единой божественной жизни, скрывающейся за разнообразіемъ формъ. И потому добродѣтель новаго человѣчества будетъ не альтруизмъ, въ которомъ кроется еще противопоставленіе, а единство, какъ выраженіе полнаго сліянія со всѣмъ живущимъ. Если мы хотимъ идти съ эволюціей, хотимъ строить будущее, то мы должны развивать въ себѣ способность этого единенія, безъ котораго нѣтъ истинной духовной жизни. Поэтому намъ надо особенно тщательно оберегать себя и свое движеніе отъ всякой тѣни антагонизма. Намъ, піонерамъ великаго будущаго, суждено быть провозвѣстниками новой культуры, которая будетъ построена на братствѣ и любви, и намъ, если мы хотимъ исполнить свою миссію, надо развить въ себѣ свойства Христа, Христоподобныя качества. Тогда наше Общество исполнитъ свою миссію, оно будетъ воистину „Іоанномъ Крестителемъ Грядущаго Христа“.

Таково было вкратцѣ содержаніе этой удивительной рѣчи, длившейся $1^1/_2$ часа. Затѣмъ былъ объявленъ обѣденный перерывъ. На этомъ первомъ собраніи говорили три славянскихъ представителя: болгаринъ, чехъ и русская. Глубоко прочувствованно лилась рѣчь представителя Болгаріи, Сафронія Никова; страстью и огнемъ дышала рѣчь чеха, представителя Богеміи, и рѣчи эти внесли особую, пламенную и яркую ноту въ привѣтствія конгресса. Онѣ говорили объ о борьбѣ съ матеріализмомъ и о торжествующемъ шествіи Теософіи въ мірѣ. Привѣтствіе представителя Россійскаго Теософическаго Общества мы приводимъ цѣликомъ:

„Дорогіе братья и сестры,

Отъ имени только что родившагося Россійскаго Теософическаго Общества привѣтствую Васъ. Работа Теософіи уже давно началась въ Россіи; давно духовныя сѣмена были брошены въ вспаханную скорбью и исканіемъ русскую почву, но нынѣ взошли первые молодые зеленые всходы. Осенью наше Общество было легализовано. Отнынѣ мы можемъ свободно собираться, говорить и работать, свободно поднимать свое знамя и съ глубокой ра-

достью и упованіемъ смотримъ мы на свои молодые всходы: надъ бушующимъ моремъ современныхъ трагическихъ русскихъ переживаній зажегся маякъ и въ лучахъ его, мы знаемъ, многіе найдутъ помощь и спасеніе. Многое еще не пришло въ гармонію, у насъ многое должно быть переработано и претворено, но всѣ мы идемъ къ единой великой цѣли, всѣ мы стремимся быть вѣрными завѣтамъ Е. П. Блаватской и осуществить въ жизни всемірное братство, свободное творчество и терпимость другъ къ другу. Съ сердцемъ полнымъ надежды наши взоры устремлены на Васъ, съ горячимъ желаніемъ, чтобы на этомъ съѣздѣ родился тотъ вихрь любви, который помогъ бы слиться во едино всѣмъ, кто ищетъ правды и свѣта!

Отъ имени Русскаго Теософическаго Общества, еще разъ привѣтствую Васъ, дорогіе братья и сестры!“. . . . .

. . . .

Вечеромъ, послѣ общаго чаепитія, докторъ Сейперсъ изъ Мюнхена сдѣлалъ докладъ „Объ оккультной анатоміи и медицинѣ“. Лекція была иллюстрирована волшебнымъ фонаремъ.

Слѣдующій день начался съ лекціи д-ра Р. Штейнера, главы движенія въ Германіи: „Отъ Будды къ Христу“. Нѣсколькими мощными штрихами лекторъ набросалъ картину духовнаго движенія человѣчества. Особенно ярко нарисовалъ онъ образъ великаго учителя Заратустры.

За нимъ былъ прочитанъ докладъ г. Фонтенэ, изъ Парижа: „нѣсколько словъ о примѣненіи фотографіи къ изученію психическихъ явленій“.

Послѣ обѣденнаго перерыва было обсужденіе новыхъ методовъ воспитанія въ свѣтѣ Теософіи.

Затѣмъ г-жа Вольфрамъ (изъ Лейпцига) прочитала докладъ о нѣмецкихъ миѳахъ, а г. Наги Дезчо, изъ Будапешта, докладъ о венгерскихъ миѳахъ.

Вечеромъ того же дня въ національномъ театрѣ была дана драма венгерскаго поэта Э. Мадаш'а: „Трагедія человѣка“. Эта драматическая поэма полна глубоко-теософическихъ мыслей. Она была выполнена венгерскими теософами изящно и талантливо. Вся исторія души съ ея странствованіями и воплощеніями величаво и образно проходила передъ очами очарованныхъ зрителей.

Третій день конгресса начался съ доклада др-а Шарля Унгар'а: „Теософскія жизненныя силы“. Лекторъ указывалъ на то, что къ Теософіи надо подходить съ открытой душой. Сами науки намъ бы мало что дали, еслибы мы не подходили съ довѣріемъ

къ произведеннымъ уже изслѣдованіямъ. Въ этомъ открытомъ настроеніи души зрѣютъ тѣ силы, которыя со временемъ дадутъ возможность каждому теософу собственнымъ опытомъ провѣрить данныя, которыя даются ему тѣми, кто опередилъ его.

Послѣ др-а Унгара говорила глава движенія въ Голландіи, Э. Виндустъ.

Ея тема была: „Символизмъ и мистеріи друидовъ".

Она указала на то, какъ мало мы еще знакомы съ друидизмомъ, и какъ поверхностно большинство выводовъ, дѣлаемыхъ учеными по этому вопросу. На основаніи остатковъ этой древней культуры, главнымъ образомъ знаменитыхъ камней въ Стоненхенжѣ, и изученіи оставшейся поэзіи бардовъ, г-жа Виндустъ нарисовала чрезвычайно интересную картину этой эпохи. Она указала на несомнѣнное существованіе друидическихъ мистерій, скрывавшихся за экзотерическимъ культомъ солнца, и на глубокій символизмъ ихъ обрядовъ и ритуаловъ.

Третій докладъ былъ докладъ нашей талантливой соотечественницы А. В. Унковской: „Метода Цвѣта — Звука — Числа" *). Работа А. В. Унковской, сопровождаемая интересными художественными и музыкальными иллюстраціями, произвела огромное впечатлѣніе. По желанію слушателей, она была повторена черезъ два дня въ помѣщеніи Теософическаго общества. Лекторъ указалъ на полное соотношеніе звуковъ, чиселъ и цвѣтовъ и демонстрировалъ построенную на этой теоріи оригинальную методу, которая несомнѣнно имѣетъ большое будущее. Интересу лекціи содѣйствовало чарующее исполненіе музыкальныхъ номеровъ, изъ которыхъ каждый — маленькій шедевръ. Послѣ обѣда, по общей просьбѣ, г-жа Унковская продолжила свой докладъ и на практикѣ показала примѣненіе своей теоріи. Къ общему восторгу она „сыграла" одну изъ картинъ, висѣвшихъ въ залѣ конгресса и изображавшую Ангела— Вѣстника. Картина была въ фіолетовыхъ тонахъ. Получился торжественный и нѣжный хоралъ глубокой красоты.

Въ 5 ч. г. Ж. Мигрэй, изъ Будапешта, прочелъ докладъ о современной теоріи познанія въ свѣтѣ Теософіи.

Вечеромъ была публичная лекція г-жи А. Безантъ: Раскрытіе высшаго сознанія.

---

*) Въ прошломъ 1908—9 году А. В. Унковская дѣлала нѣсколько докладовъ по этому вопросу въ Кіевѣ, Калугѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Петербургская консерваторія отнеслась съ большимъ вниманіемъ и интересомъ къ этой выдающейся работѣ.

Въ этой рѣчи А. Безантъ особенно подчеркнула необходимость углубленія сознанія до появленія новыхъ проводниковъ его. Прежде чѣмъ подступать къ оккультизму, открывающему новые пути изслѣдованія и наблюденія, „человѣкъ долженъ побѣдить себя". Въ огнѣ любви долженъ онъ сжечь все нечистое и темное, подвергая себя опредѣленной дисциплинѣ и пламенно стремясь сдѣлаться слугою человѣчества. Тогда путь оккультизма будетъ для него путемъ подвижника.

Въ четвертый день д-ръ Сейперсъ закончилъ свой докладъ объ оккультной анатоміи и медицинѣ.

Г-жа А. Безантъ сказала рѣчь о Христѣ, о необходимости глубже понимать это божественное явленіе, силясь уподобиться Ему, такъ, чтобы быть готовыми встрѣтить Его, когда Его свѣтъ снова засіяетъ на землѣ.

Послѣднимъ докладомъ была рѣчь А. А. Каменской *): „Русская философія и Теософія". Докладчица познакомила присутствующихъ съ личностью и дѣятельностью Влад. Соловьева и особенно остановилась на его работѣ: Лекціи о Богочеловѣчествѣ.

Въ заключеніе А. Безантъ сказала нѣсколько словъ о глубокомъ значеніи такихъ международныхъ съѣздовъ для всего Теософическаго движенія и объявила, что слѣдующій конгрессъ состоится черезъ два года въ Италіи (въ Туринѣ).

Послѣ закрытія конгресса, д-ръ Р. Штейнеръ прочиталъ публичную лекцію о законахъ высшей жизни, въ которой указывалъ на необходимость высшаго синтеза. Съ слѣдующаго дня онъ открылъ свой 14-ти дневный курсъ о міровоззрѣніи Розенкрейцеровъ въ свѣтѣ Теософіи.

Въ день закрытія конгресса Венгерская Секція устроила экскурсію на ближайшую гору (Геллертъ), гдѣ было устроено чаепитіе подъ звуки венгерской музыки. Съ горы видъ на Дунай и на городъ, освѣщенный огнями, представлялъ волшебную картину. Въ мягкомъ воздухѣ разливался запахъ акацій и жасмина. Молодой мѣсяцъ нѣжно сверкалъ на темно-голубомъ небѣ. Казалось, чудная природа Венгріи разсыпала свои чары на прощаніе съ теософами, уѣзжавшими изъ столицы мадьяровъ во всѣ концы міра.

. . . .

Послѣ конгресса, на другой день теософы—славяне провели нѣсколько часовъ вмѣстѣ въ дружеской бесѣдѣ, обмѣнялись впечатлѣніями, мыслями и планами и высказали твердую увѣрен-

---

*) Представителя Россійскаго Теософическаго Общества.

ность въ томъ, что славянамъ придется со временемъ сыграть важную роль въ Теософическомъ движенiи, и что единенiе ихъ имѣетъ важное значенiе для будущаго.

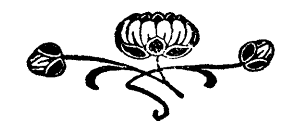
Ко всему сказанному необходимо прибавить нѣсколько словъ о выставкѣ картинъ при конгрессѣ, вышедшихъ изъ подъ кисти ходожниковъ —теософовъ. Большинство изъ нихъ носитъ характеръ мистическiй или символическiй. Ангелъ—вѣстникъ съ ликующимъ ликомъ говоритъ о грядущей радости; женщина склонилась передъ изображенiемъ Будды и плачетъ у Его ногъ. Картина озарена послѣдними лучами заката. Эта тема повторяется въ нѣсколькихъ модуляцiяхъ: усталая женщина у ногъ Будды окутана, то лучами восходящаго солнца, то дымкою голубого вечера, то тѣнями безмолвной ночи. На одной изъ нихъ женщина какъ бы заснула. Глубокимъ покоемъ вѣетъ отъ этой картины.

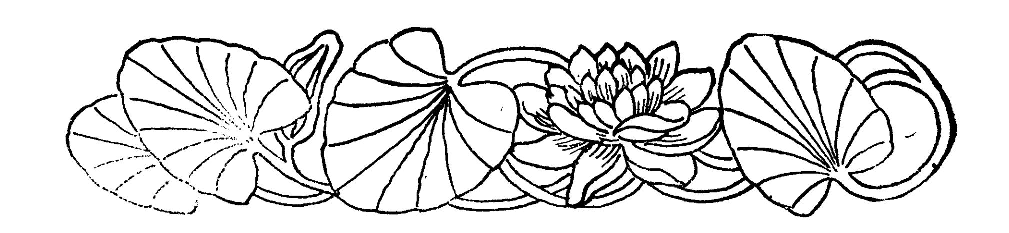
На нѣсколькихъ картинахъ изображена аура молящагося подвижника. Нѣсколько прелестныхъ пейзажей отражены, какъ будто, въ астральномъ свѣтѣ.

Среди многихъ другихъ интересныхъ набросковъ и этюдовъ выдаются четыре картины польскаго художника, К. Стабровскаго. Необыкновенной силой переживанiя вѣетъ отъ этихъ музыкальныхъ картинъ, въ которыхъ бушуютъ астральные вихри и раскрываются видѣнiя Девакхана. Особенной оригинальной и нѣжной красотой вѣетъ отъ картины: „Источникъ жизни", на которой Адамъ и Ева протягиваютъ черезъ вѣка другъ другу руку. Свѣтъ солнца, горящаго надъ ними въ небесахъ, отражается сiянiемъ въ ихъ сердцѣ. Дивной чистотой дышетъ эта удивительная картина, сотканная какъ бы въ лучахъ духовнаго солнца.

Много интереснаго на этой выставкѣ. Несомнѣнно искусство, подъ влiянiемъ Теософiи, вступаетъ въ новый перiодъ творчества, нота котораго—духовность и чистота.

Alba.





Письмо изъ Франціи.

Парижская ложа Т. О. „Sophia“ посвятила вечеръ 2 мая 1909 г. памяти д-ра Паскаль, причемъ были произнесены двѣ рѣчи, содержаніе которыхъ мы приводимъ здѣсь вкратцѣ:

„Преклоняться передъ героемъ, сказала Анни Безантъ, значитъ носить въ себѣ его свойства“. Такъ какъ мы всѣ преклоняемся передъ д-ромъ Паскаль, я полагаю намъ будетъ пріятно вспомнить нѣкоторые его поступки и слова.

„Вся жизнь зиждется на жертвѣ, все въ природѣ должно давать или умереть....

„Жертва можетъ быть причиной того, что мы называемъ смертью, но такая смерть есть лишь открытая дверь въ новую и болѣе возвышенную жизнь. Рожь должна погибнуть, чтобы изъ нея получился колосъ.

„Если мы будемъ стараться видѣть жертву во всемъ, если мы будемъ размышлять о безпрерывной, всемірной жертвѣ, то мы научимся различать и исполнять свой долгъ, который состоитъ въ томъ, чтобы платить жертвой же за всѣ жертвы, приносимыя намъ“.

Вся жизнь д-ра Паскаль заключена въ этихъ его словахъ. Онъ жилъ и умиралъ для всѣхъ, ибо можно сказать, что его существованіе было сплошной агоніей, скопленіемъ невѣроятныхъ страданій, озаренное единственною радостью давать и обнимать безъ конца, какъ бы съ цѣлью принять на себя всѣ муки своихъ братьевъ и тяжелое бремя Т. О. во Франціи, котораго онъ былъ какъ бы тѣло и душа.

Въ 1896 г., во время перваго посѣщенія Тулона А. Безантъ, казалось, что его жизнь висѣла на волоскѣ. Онъ страдалъ ревматизмомъ аорты и говорилъ намъ, что его дни сочтены, что ему

не придется довести свою работу до конца. Онъ былъ крайне худъ и блѣденъ, голосъ совсѣмъ пропалъ, силы были истощены; все заставляло предполагать близкую кончину. Между тѣмъ, послѣ отъѣзда Той, которую онъ называлъ тогда „возлюбленнымъ учителемъ" и которая является въ настоящее время почитаемымъ главой Теософіи, Первосвященникомъ въ двойномъ вѣнцѣ, онъ выздоровѣлъ отъ неизлечимой болѣзни и принялся вновь за работу съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ когда-либо.

Вы всѣ знакомы съ произведеніями д-ра Паскаль, написанными имъ послѣ его возвращенія изъ Индіи. „Законы судьбы", „Эволюція сознанія" — вотъ книги, изученію которыхъ можно съ пользой посвятить долгіе годы.

Но какими словами выразить всю нѣжность этого смиреннаго сердца, доброту этой любящей и сильной души, которая такъ синтетизировала чудную молитву Христіанскаго Учителя: „Господи, настрой мою лиру въ согласіи съ Твоей и сдѣлай меня тѣмъ совершеннымъ инструментомъ, которымъ Ты желаешь, чтобы я былъ".

Вотъ почему его лира, т. е. проводники его души были настроены какъ лира Орфея, и его присутствіе отгоняло страданіе, его слово умиротворяло сердца.

„Временная темнота не должна васъ пугать, говорилъ онъ; вы знаете, что для того, чтобы быть въ состояніи помогать міру, мы должны быть сильны, а для того, чтобы быть сильными, надо бороться со всѣми формами инерціи. Подавленность, называемая „духовной ночью", является однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ. Надо побѣждать всякую противную силу нашей твердой волей. Выростая, это божественное зерно все побѣдитъ, ибо въ немъ заложены въ зачаточномъ состояніи всѣ силы. Пока же оно не выростетъ, борьба сопряжена со страданіемъ, но человѣку дается помощь, та помощь, которую онъ всегда получаетъ при стремленіи къ Богу".

Д-ръ Паскаль придавалъ большое значеніе примѣру: „Завѣдомо или безсознательно, каждый человѣкъ постоянно даетъ хорошіе или дурные примѣры и несетъ такимъ образомъ большую отвѣтственность. Слова имѣютъ мало значенія въ сравненіи съ примѣромъ, а разъ они расходятся съ дѣйствіемъ, они теряютъ всякую цѣну".

То, что дѣлается для видимости, для привлеченія вниманія или пріобрѣтенія уваженія, есть лишь гордость и лицемѣріе. Примѣръ имѣетъ большое значеніе; важно внушить толпѣ, всегда жаждущей дѣятельности, уваженіе и любовь къ труду, который

у дикаря вызывается потребностью, а въ просвѣщенномъ человѣкѣ переживаетъ эту потребность и превращается въ достоинство человѣка, въ спасеніе общества, какова бы ни была задача, къ которой человѣкъ его примѣняетъ. Призывая насъ къ труду, къ развитію альтруистической интеллектуальной дѣятельности, д-ръ Паскаль отводилъ всегда первенствующее мѣсто любви.

„Для того, чтобы идти къ Богу, говорилъ онъ, нужно имѣть двѣ ноги; но лучше хромать умомъ, чѣмъ любовью, ибо первый раздѣляетъ, вторая соединяетъ".

Никогда онъ не осуждалъ и не упрекалъ никого. „Не забывайте никогда словъ великаго учителя Будды, писалъ онъ: любовь всегда побѣждаетъ ненависть".

Онъ опредѣлялъ любовь какъ теплое и лучистое чувство расширенія съ примѣсью желанія дѣлать другимъ то добро, которое мы желали бы самимъ себѣ. Любовь—сложное чувство, состоящее изъ большой дозы доброжелательства, совершенной симпатіи и единства; въ связи съ подобными же чувствами, исходящими иногда отъ любимаго существа, она вызываетъ возвышеннѣйшія радости чистой любви. Чувство единства уничтожаетъ отчужденность и дѣлаетъ отреченіе радостнымъ и полнымъ.

Не одними устами училъ онъ любви, а всѣми своими поступками; его домъ былъ постоянно полонъ бѣдняками, чающими получить выздоровленіе отъ его знанія и интуиціи, но это не удовлетворяло его. Онъ отдавалъ свой чистый магнетизмъ, т. е. свою жизненную энергію, свою силу всѣмъ нуждающимся въ помощи, и цѣною собственной крови помогалъ имъ встать на ноги. Сколько изъ насъ обязано ему тѣмъ, что не погибли подъ тяжестью прошлаго!

Таковъ былъ человѣкъ, котораго Учитель велъ въ одиночествѣ послѣ испытанія всѣхъ видовъ отреченія.

Онъ останется для насъ образцомъ преданности, чистѣйшей любви, самаго полнаго самопожертвованія, почти божественнаго милосердія, ибо я видѣла, какъ онъ просилъ прощенія у оскорбившихъ его.

Да будетъ намъ дано найти его вновь и служить съ нимъ, какъ онъ служилъ своему Учителю.

І. А.

Собраніе закончилось чтеніемъ извѣстной статьи д-ра Паскаль „О братствѣ“.

По предложенію предсѣдателя ложи „Sophia“, г-жи Патюрель, всѣми присутствующими было подписано письмо соболѣзнованія и сочувствія и отправлено женѣ и дочери д-ра Паскаль.

Въ томъ же собраніи V. P. произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Для нашего человѣческаго сознанія мысль о смерти является неотдѣлимой отъ мысли о разлукѣ, а слѣдовательно отъ страданія и скорби. Но этого не должно было бы быть. Я думаю, что намъ всѣмъ случалось не разъ—въ горѣ или болѣзни—испытать всю подавляющую тяжесть земной жизни.

Всѣмъ намъ случалось чувствовать себя какъ бы узниками какой-то мрачной темницы и всѣ мы вздыхали..... по чему-то иному.

Если бы мы были дѣйствительно заключены въ темницу и если-бы кто-нибудь изъ насъ вновь получилъ свободу, развѣ оставшіеся плакали бы объ освобожденномъ братѣ? Нѣтъ, они радовались бы и за него и за себя, зная, что онъ извнѣ поможетъ имъ пилить рѣшетку темницы.

Хотя д-ръ Паскаль покинулъ земную жизнь, онъ все же остается центромъ и душой французскаго Т. О. и не перестаетъ работать на благо Франціи.

Для Франціи онъ сдѣлалъ то же, что Е. П. Блаватская нѣкогда сдѣлала для міра. Эта великая ясновидящая, которая помогала Франціи взять „Братство“ за девизъ, эта посланница Учителей, которую мы называемъ Е. П. Блаватской, должна была испытать глубокую радость, когда Она подписывала вступительное заявленіе д-ра Паскаль, ибо онъ явился посланникомъ Учителей для Франціи.

Ничто чистое и хорошее не пропадаетъ въ этомъ мірѣ.

Если бы мы могли проникнуть взоромъ до источника многихъ добрыхъ и благородныхъ дѣяній, совершающихся вокругъ насъ, то мы увидѣли бы, что, подобно чудесному цвѣтку, возросшему на дальней и какъ бы забытой могилѣ, не одно изъ нихъ зародилось въ скорби.

Развѣ „усопшіе“ не продолжаютъ жить въ нашемъ сердцѣ, вліять на наши поступки, вдохновляемые ихъ примѣромъ или благочестивымъ воспоминаніемъ о нихъ? Развѣ даже умершее крошечное дитя не продолжаетъ жить и нести свою миссію въ мірѣ лучшими мыслями любившихъ его, черезъ которыя онъ принимаетъ участіе въ дѣлѣ возрожденія человѣчества?

Ни одна душа, уходя по „ту сторону“, не прерываетъ своей благословенной миссіи по отношенію къ тѣмъ, которые любили ее на землѣ.

И къ кому же тѣмъ изъ насъ, которымъ теософія во Франціи освѣтила душевную ночь, обратить свою горячую любовь и признательность, какъ не къ тому, кто явился піонеромъ Теософіи во Франціи? Теософическое Общество во Франціи создано д-ромъ Паскаль и карма этого Общества тѣсно переплетена съ кармой его творца.

Упроченіемъ Теософическаго Общества во Франціи, распространеніемъ того ученія, служенію котораго нашъ руководитель отдалъ свою жизнь, помощью, оказываемой каждому, попадающемуся намъ на пути, и въ особенности любовью, проникновеніемъ великими началами Единства и самоотреченія мы не только увеличимъ добрую карму нашего дорогого д-ра Паскаль, но и сами почувствуемъ, какъ его вліяніе и помощь незримо растутъ для насъ.....

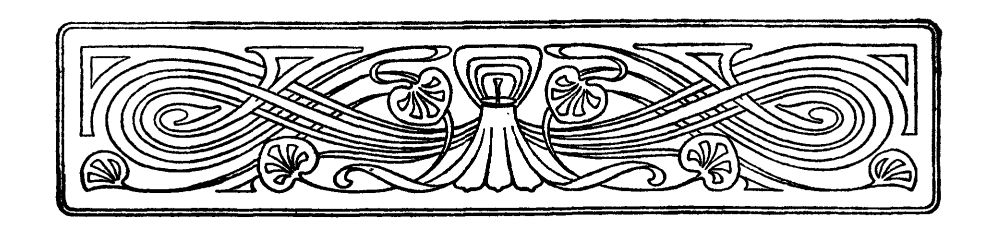
Хотя на землѣ онъ любилъ цвѣты, онъ не пожелалъ, чтобы они украшали его смертное ложе. Но каждая мысль уваженія и признательности, которую мы пошлемъ ему въ загробный міръ, каждое усиліе, сдѣланное нами для очищенія, сліянія, самоотреченія и жертвы, всякій поступокъ, внушаемый любовью, терпимостью и совершенный въ его память—явятся достойными приношеніями, тѣми безсмертными цвѣтами, которыми мы можемъ усѣять его путь въ таинственномъ, „по ту стороннемъ“ мірѣ....

V. P.



ИЗРЕЧЕНІЯ РАМАКРИШНЫ.

Солнце во много разъ больше земли, и только вслѣдствіе большого разстоянія оно кажется намъ маленькимъ кругомъ. Такъ и Господь безконечно великъ, но мы до тѣхъ поръ не можемъ постигнуть его истиннаго величія, пока находимся далеко отъ него.



Хроника теософическаго движенія.

---

21 апрѣля с. г. въ г. Калугѣ открылся Отдѣлъ Россійскаго Теософическаго Общества. Предсѣдателемъ Отдѣла избрана Е. Ф. Писарева.

Въ іюлѣ текущаго года состоялись три теософическихъ съѣзда въ Великобританіи: съѣздъ Сѣвернаго союза теософическихъ центровъ (въ Харрогэтѣ), съѣздъ Южнаго союза (въ Портсмутѣ) и съѣздъ всѣхъ центровъ Великобританіи въ Лондонѣ. Въ сентябрѣ назначенъ съѣздъ шотландскихъ центровъ въ Эдинбургѣ. Г-жа Эстеръ Виндустъ, глава движенія въ Голландіи, согласилась пріѣхать и взять на себя предсѣдательство на этомъ съѣздѣ.

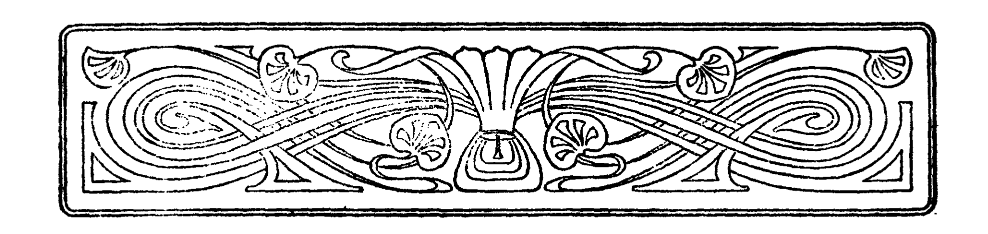
Въ августѣ (22 н. с.), въ Мюнхенѣ, состоится представленіе мистеріи — драмы Э. Шюре: „Дѣти Люцифера“. Послѣ этого начнется курсъ д-ра Р. Штейнера.

Президентъ Теософическаго Общества, г-жа Анни Безантъ, послѣ 6 недѣльнаго пребыванія въ Англіи, уѣхала на два мѣсяца въАмерику. Въ октябрѣ она вернется на мѣсяцъ въ Европу, послѣ чего уѣдетъ въ Индію.

Въ теченіе своего пребыванія въ Англіи, г-жа А. Безантъ успѣла посѣтить болѣе 20 городовъ и прочитать нѣсколько серій лекцій. Въ одномъ Лондонѣ она прочитала за это время 12 лекцій, не считая ряда рѣчей, произнесенныхъ ею въ теософическихъ собраніяхъ.

Неутомимый теософическій дѣятель, г. Фрике, бывшій генеральный секретарь Голландіи, продолжаетъ свою объединяющую работу въ Южной Африкѣ, гдѣ онъ надѣется скоро открыть новую секцію международнаго Теософическаго Общества.

Alba.



Александръ Ивановичъ Чупровъ.

Александръ Ивановичъ Чупровъ родился въ 1842 г. въ Масальскѣ, Калужской губерніи. Онъ былъ сыномъ священника. Учился въ семинаріи, духовной академіи и затѣмъ въ Московскомъ университетѣ. Былъ командированъ заграницу, а по возвращеніи оттуда съ 1874 г. сталъ читать лекціи въ Московскомъ университетѣ и занималъ тамъ каѳедру политической экономіи и статистики до 1899 г., когда тяжелая сердечная болѣзнь заставила его оставить университетъ и уѣхать заграницу. Тамъ онъ жилъ сперва въ Италіи и Швейцаріи, а послѣднія пять лѣтъ въ Германіи въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ, не переставая работать. 24-го февраля прошлаго года болѣзнь свела его въ могилу. Смерть послѣдовала внезапно.

Таковы несложные внѣшніе факты біографіи Чупрова.

Не длиненъ и списокъ ученыхъ трудовъ Александра Ивановича: двѣ, ставшія классическими, работы по желѣзнодорожному хозяйству, за первую изъ которыхъ онъ былъ удостоенъ званія магистра, а за вторую—званія доктора политической экономіи и статистики *); рядъ небольшихъ работъ отдѣльныхъ по формѣ, но объединенныхъ по внутреннему содержанію, въ области крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства; нѣсколько докладовъ, рѣчей и статей, печатавшихся главнымъ образомъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ по тѣмъ же и разнымъ другимъ вопросамъ, редактированіе изданія Министерства Финансовъ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“,—вотъ и весь „ученый формуляръ“ покойнаго.

*) „Желѣзнодорожное хозяйство. Его экономическія особенности и его отношенія къ интересамъ страны“ и „Условія, опредѣляющія движеніе и сборы по желѣзнымъ дорогамъ; валовой доходъ и его факторы; количество товарныхъ грузовъ“.

„И однако, Александръ Ивановичъ—одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ въ исторіи русской науки и русской общественности. И, однако, его имя не даромъ ставится на ряду съ именемъ Грановскаго. Его личная ученая работа не велика объемомъ, хотя и богата содержаніемъ. Но огромно было его вліяніе и значеніе, какъ *учителя*, въ самомъ широкомъ и самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова *).

Всѣ помнятъ слова Грановскаго „Мнѣ кажется, что я могу дѣйствовать именно словомъ. Что такое даръ слова, краснорѣчіе! У меня есть оно потому, что у меня есть теплая душа и убѣжденія. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты". Эти слова могъ бы примѣнить къ себѣ А. И. Чупровъ. И, подобно Грановскому, „говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ", подобно Грановскому былъ гордостью и украшеніемъ Московскаго университета.

Будучи крупной силой въ наукѣ и человѣкомъ громадной эрудиціи, онъ обладалъ въ то же время рѣдкимъ даромъ изложенія. Онъ излагалъ научно по содержанію, изящно по формѣ и съ необычайной простотой, ясностью и точностью. Его лекціи постоянно давали пищу уму слушателей, способствовали ихъ работѣ мысли. Онѣ привлекали въ аудиторію многочисленныхъ слушателей.

Его курсъ политической экономіи „студенческія изданія подъ редакціей профессора" остается незамѣнимымъ руководствомъ въ русской литературѣ до сихъ поръ.

Вся обаятельная личность А. И., его мягкій, задушевный голосъ, его горячая вѣра въ науку, его страстная любовь къ родинѣ, его проникновенное пониманіе запросовъ молодежи, его вдохновенное слово, все это захватывало аудиторію и создавало невидимыя, но крѣпкія нити между профессоромъ и студентами.

Многіе изъ учениковъ А. И. въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ разсказываютъ, какъ онъ умѣлъ пробуждать въ своихъ слушателяхъ сознаніе отвѣтственности передъ родиной; душу слушателей охватывало возвышенное настроеніе и неудержимый восторгъ овладѣвалъ всей аудиторіей по окончаніи лекціи. „Чупровъ былъ, быть можетъ, наиболѣе совершеннымъ русскимъ выразителемъ и носителемъ университетской корпоративной идеи. Университетъ для него былъ живымъ и безсмертнымъ организмомъ, исторической корпораціей съ началомъ, но безъ конца. Чупровъ искренно вѣровалъ въ свое товарищество и единство цивилизую-

*) Кауфманъ.

щей работы и назадъ—съ Грановскимъ, Рулье, Бабстомъ и Никитою Крыловымъ, похороненными Богъ знаетъ сколько лѣтъ назадъ, и впередъ—съ семнадцатилѣтнимъ первокурсникомъ, впервые пришедшимъ въ университетъ, вооружась карандашикомъ и тетрадкою для записи лекцій. Съ увлажненными глазами встрѣчалъ А. И. каждый новый курсъ своихъ слушателей, а на послѣднемъ—никогда не могъ удержаться отъ пылкаго, идеалистическаго напутствія молодежи, уходящей изъ университетскихъ стѣнъ въ гражданскую дѣятельность. И не разъ эти обмѣны напутствіями съ отвѣтными привѣтами кончались тѣмъ, что у профессора—лицо мокрое и борода высеребрена слезами, и студенты рыдаютъ, какъ малыя дѣти*).

Нерѣдко въ перерывахъ между лекціями А. И. бесѣдовалъ въ библіотечной залѣ со студентами. Кромѣ того онъ ввелъ у насъ экономическія семинаріи, въ которыхъ студенты подъ его непосредственнымъ руководствомъ учились самостоятельно разсуждать объ экономическихъ вопросахъ и научно работать. А. И. посвящалъ эти занятія преимущественно изученію классиковъ, выдвигая между ними на первое мѣсто Адама Смита и Рикардо. Сколько молодыхъ людей пріобрѣли въ этихъ семинаріяхъ интересъ къ серьезнымъ занятіямъ, приведшимъ впослѣдствіи къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Онъ умѣлъ разбудить таившіяся въ глубинѣ души силы, вызвать интересъ къ работѣ, научить и помочь сдѣлать *первые научные шаги*, столь важные и одновременно съ тѣмъ столь трудные. Онъ поистинѣ съ отеческой бережностью и заботливостью относился къ первымъ побѣгамъ молодой самостоятельной мысли. Онъ дорожилъ ими, заставляя и своихъ учениковъ съ серьезностью и полнымъ вниманіемъ разработать эти первыя мысли-догадки. Зналъ онъ, что изъ мыслей, зародившихся впервые на студенческой скамьѣ, впослѣдствіи сплошь и рядомъ выростаютъ и научныя работы, и творческіе планы практической дѣятельности. Зналъ и съ любовію и заботливостью растилъ эти первые побѣги. Со всѣмъ его знаніемъ юной души онъ подмѣчалъ, что сплошь и рядомъ новая самостоятельная мысль родится въ неувѣренномъ, колеблющемся обликѣ, окруженная сомнѣніями, порожденными самокритикой. Онъ цѣнилъ эти „вынашиванія“ (какъ онъ выражался) мысли и всячески старался придти на помощь въ трудномъ дѣлѣ первыхъ

---

*) Амфитеатровъ „А. И. Чупровъ“, Косинскій „Памяти учителя“ и пр., Мануиловъ „Памяти А. И. Чупрова“.

самостоятельныхъ шаговъ. Онъ обсуждалъ предположенія своихъ учениковъ, намѣчалъ темы, перечитывалъ ихъ первыя работы, давалъ имъ литературныя указанія, училъ писать. А. И. единственный изъ русскихъ экономистовъ создалъ школу, представители которой занимаютъ теперь кафедры въ Москвѣ, Одессѣ, Юрьевѣ, Томскѣ и т. д. Тѣ изъ многочисленныхъ учениковъ А. И., которые даже не имѣли счастья посвятить себя всецѣло наукѣ, памятуя завѣты Чупрова, не покидаютъ ея совсѣмъ.

Лицамъ, оставленнымъ при университетѣ для подготовки къ магистерскому экзамену, А. И. предоставлялъ значительную свободу. Онъ только указывалъ довольно обильную литературу (основныя произведенія) различныхъ направленій, стараясь ознакомить съ развитіемъ экономической мысли въ ея исторической послѣдовательности. Давая обильную литературу, онъ побуждалъ много работать и старался, чтобы учащійся, по возможности, въ подлинникахъ ознакомился со всѣми главнѣйшими направленіями экономической мысли. „Чѣмъ больше посидите вы надъ книгами теперь,—говорилъ онъ, предостерегая отъ слишкомъ ранняго выступленія на практическую арену общественной дѣятельности,—тѣмъ болѣе самостоятельно и прочно будете вы чувствовать себя впослѣдствіи при вашей научной и педагогической дѣятельности". Замѣчанія, которыми Александръ Ивановичъ сопровождалъ чужія диссертаціи, такъ же какъ и чужіе доклады въ разныхъ обществахъ, дѣлались имъ въ самой деликатной формѣ и въ то же время не оставляли безъ вниманія никакихъ серьезныхъ промаховъ докладчика.

Громадное значеніе имѣли для студентовъ и пріемы А. И. у себя на дому. Но объ этомъ подробнѣе я скажу послѣ. Теперь же остановлюсь на А. И. какъ общественномъ дѣятелѣ.

„Все, чѣмъ красна наша жизнь,—говаривалъ Ал. Ив.,—идетъ оттуда, изъ 60-хъ годовъ". И всю свою жизнь онъ шелъ неуклонно по пути, завѣщанному освободительной эпохой. Служеніе знанію, служеніе освободительнымъ идеямъ пріобрѣло для него характеръ истинной вѣры. Въ своемъ служеніи онъ проявлялъ *благодарное* отношеніе къ тому умственному движенію, которое вывело его, какъ и многихъ другихъ, на путь нравственнаго освобожденія.

Просвѣщеніе народа, вооруженіе его общеобразовательными и прикладными знаніями было всегда и неизмѣнно дѣломъ, которому А. И. всю свою жизнь былъ преданъ. Съ университетской

каѳедры въ качествѣ профессора политической экономіи онъ училъ, что „знаніе является основой промышленнаго прогресса“, и потому „*распространеніе его въ массѣ народа* служитъ самымъ могущественнымъ факторомъ къ увеличенію успѣшности народнаго труда“. „Мало того,—говорилъ онъ,—чтобы великія открытія и усовершенствованія были извѣстны спеціалистамъ, необходимо, чтобы они разошлись въ обширныхъ кругахъ“. „Чтобы ученый спеціалистъ могъ имѣть успѣхъ, для этого необходимымъ условіемъ служитъ широкій разливъ народнаго просвѣщенія. Выдресированный въ хорошей школѣ умъ простого человѣка становится воспріимчивѣе ко всему новому и способнѣе провести въ жизнь внушенія науки“. Пока знаніе широкимъ потокомъ не разольется по странѣ, большинство будетъ продолжать томиться въ нищетѣ, меньшинство, проникнутое желаніемъ улучшить его судьбу, будетъ безплодно тратить свои силы и средства. „Для того, чтобы благородныя усилія лучшихъ людей страны встрѣтили для себя подготовленную почву, образованіе, хотя бы въ самомъ элементарномъ его видѣ, должно нѣсколько встряхнуть природную косность ума и возбудить запросы лучшаго. Не нужно забывать, что единственный способъ для борьбы съ бѣдностью заключается въ увеличеніи производительности труда, для чего вѣрнѣйшій путь—знаніе и образованіе“.

Признавая такое важное значеніе образованія въ жизни страны, А. И. Чупровъ своимъ мощнымъ словомъ призывалъ къ бодрой работѣ на пользу угнетеннаго народа и своимъ примѣромъ дѣятельной любви указывалъ путь къ проведенію свѣта знанія въ темную народную массу. Самъ онъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ учрежденіяхъ, ставящихъ себѣ эту задачу. Онъ читалъ лекціи на женскихъ курсахъ. Онъ былъ также членомъ лиги образованія, московскаго общества народныхъ университетовъ. Комитетъ грамотности, постоянная комиссія по техническому образованію, учебный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній, комиссія домашняго чтенія, съѣзды дѣятелей образованія, выставки по народному образованію—всѣ они имѣли въ А. И. иниціатора, вдохновителя, дѣятельнаго участника.

Извѣстно, какъ велико было его участіе въ статистическомъ отдѣленіи московскаго юридическаго общества. Такъ, между прочимъ, ему принадлежала мысль ввести въ программы земскихъ статистическихъ отдѣленій изученіе вопроса объ отношеніи крестьянства къ книгамъ для чтенія.

То вниманіе, которое „Русскія Вѣдомости“ издавна удѣляютъ культурно-просвѣтительнымъ вопросамъ, зависѣло въ значительной степени отъ А. И. Чупрова. Онъ былъ не только издателемъ и ближайшимъ участникомъ газеты, но однимъ изъ создателей ея, творцомъ ея духовнаго облика.

Даже находясь за границей, онъ не покидалъ просвѣтительной дѣятельности, принимая участіе въ Парижской вольной высшей школѣ, возникшей по идеѣ М. М. Ковалевскаго. Тѣ, кто въ 1900 г. были на Парижской выставкѣ, можетъ быть еще помнятъ, какъ однажды вечеромъ на террасѣ дворца Musée de l'Economie sociale, высоко возвышающейся надъ Сеной, собралась группа русскихъ, и среди нихъ покойный А. И. Чупровъ, стоя на стулѣ, говорилъ рѣчь о задачахъ будущей школы, о свободномъ русскомъ словѣ, и пѣвучій, убѣдительный голосъ его разносился далеко надъ чужой рѣкой.

Можно представить себѣ, какъ при такомъ страстномъ отношеніи къ просвѣщенію больно отзывались на немъ факты разрушительной дѣятельности въ этой области. „Сердце раздирается при чтеніи ежедневныхъ извѣстій о сотняхъ учителей и учительницъ, изгоняемыхъ со своихъ мѣстъ, подвергаемыхъ аресту, высылаемыхъ въ отдаленныя окраины безъ всякаго суда и слѣдствія. Эти униженные, измученные, изломанные люди уносятъ съ собою въ тюрьмы и сибирскія пустыни милліоны рублей, которыхъ ежегодно будетъ недосчитываться страна только потому, что некому будетъ учить крестьянское молодое поколѣніе уму-разуму„. „Когда со всею яркостью представить себѣ тѣсную связь измывательствъ, творимыхъ надъ бѣдной русской интеллигенціей, съ настоящимъ и грядущимъ упадкомъ народнаго благосостоянія, то невольно вырывается изъ груди крикъ отчаянія за будущность нашей несчастной родины“. Такъ писалъ А. И. въ началѣ 1906 г. („Русскія Вѣдомости“, № 52). *)

Всякій общественный вызовъ на помощь, не говоря уже объ общественномъ бѣдствіи, находилъ немедленно сочувственный откликъ въ впечатлительномъ сердцѣ А. И. и велъ за собой самыя энергичныя старанія дѣломъ, совѣтомъ или знаніемъ, а иногда и продолжительной работой доставить эту желанную по-

---

*) „Ванновскій, повидимому, воображаетъ, что все дѣло въ недовольствѣ студентовъ и гимназистовъ своими порядками“, писалъ А. И. въ 1901 г. „Между тѣмъ, дѣло гораздо глубже: вся страна недовольна, и молодежь только является выраженіемъ накопившагося горя, какъ болѣе нервная и впечатлительная часть общества“.

мощь“. Городская московская или государственная перепись никогда не проходила безъ руководства А. И., хотя оффиціально руководителями считались совсѣмъ другія лица, получавшія за то соотвѣтственное содержаніе.

Первый огромный голодъ въ Россіи въ 1891 году нашелъ въ А. И. энергичнаго дѣятеля, съ усердіемъ собиравшаго средства для прокормленія голодающихъ и устраивавшаго для этой цѣли разные сборы. Сверхъ того каждый годъ, иногда даже два раза, А. И. напоминалъ московской задремавшей публикѣ изъ капиталистовъ о множествѣ несчастныхъ студентовъ, изгоняемыхъ за невзносъ платы, и каждый разъ, къ чести Москвы, широко раскрывались мошны.

А. И. широко понималъ нужды народа и всегда шелъ на встрѣчу имъ. Сердце его болѣло за свою великую родину и кто знаетъ, которая изъ двухъ болѣзней сердца—физическая или духовная—свела его въ могилу.

„А хотѣлось бы умереть гражданиномъ свободной Россіи“, писалъ онъ.

Къ Ал. Ив. Чупрову „обращались и изъ оффиціальныхъ, и изъ общественныхъ сферъ; онъ пользовался широкой извѣстностью и у насъ, и въ кругахъ дѣятелей по политической экономіи, статистикѣ, сельскому хозяйству заграницей. Массы людей обращались къ нему за указаніями, совѣтомъ, помощью, посылали ему свои печатные труды, искали съ нимъ бесѣды, и никому онъ не отказывалъ“. „Не надо было принадлежать къ извѣстному кружку, партіи, направленію, чтобы пользоваться его любезнымъ вниманіемъ, добротой и готовностью всегда оказать посильную услугу. Для этого достаточно было быть человѣкомъ, нуждающимся въ помощи“.

Въ чемъ бы кто ни нуждался: въ деньгахъ, въ протекціи, въ книгахъ, въ указаніяхъ, въ поддержкѣ,—всѣ шли къ нему и никто не находилъ отказа. Надо было видѣть, какъ онъ выходилъ изъ своего кабинета „сконфуженный, съ зажатымъ кулакомъ, и неловкимъ движеніемъ всовывалъ монету въ руки просителя, сейчасъ же отступая отъ него, чтобы не услышать благодарности“. Лицамъ, обращавшимся за работой, онъ писалъ на своей машинкѣ рекомендательныя письма. При всемъ томъ, какъ онъ ни былъ занятъ, онъ всегда отвѣчалъ на письма, отсылая ихъ до 500 въ годъ. Всегда у него было нѣсколько человѣкъ, которыхъ надо было устроить, найти имъ работу, хлопотать о разрѣшеніи жительства

въ Москвѣ, объ освобожденіи отъ репрессій всякаго рода и т. д. Припомнимъ разсказъ профессора Кауфмана о томъ, какъ онъ, Кауфманъ, въ С.-Петербургѣ провалился на магистерскомъ экзаменѣ и пріѣхалъ въ Москву совѣтоваться, какъ быть, съ уже стоявшимъ въ то время на вершинѣ своей славы профессоромъ Чупровымъ. „И какъ онъ меня встрѣтилъ! пишетъ Кауфманъ, вѣчно занятый, дорожившій каждой минутой, онъ отдалъ мнѣ, въ то время незнакомому и неизвѣстному человѣку, почти цѣлый день времени, самъ возилъ меня къ И. И. Янжулу, чтобы снискать мнѣ вниманіе въ очахъ этого грознаго экзаменатора, утѣшалъ, огорчался, волновался"... И это одинъ изъ тысячи примѣровъ: А. И. былъ всеобщимъ заступникомъ, печальникомъ и ходатаемъ. Онъ не боялся зря растратить свою любовь и заботы. И пусть помощь его попадала иногда на людей недостойныхъ, злоупотреблявшихъ его временемъ, средствами, именемъ. Пусть иногда его эксплоатировали. Но за то какой широкой волной разливалась его любовь, сколькихъ она согрѣла, въ сколькихъ заронила лучъ свѣта, сохранила вѣру въ людей.

Оказать услугу для какого-нибудь протеже А. И., а ими были каждый нуждающійся въ помощи, было тоже, что оказать ему личную услугу. „Какъ онъ радовался, когда удавалось ему вытащить кого-нибудь со „дна", съ какой гордостью разсказывалъ онъ о томъ, что такой-то человѣкъ, считавшійся пропащимъ, вышелъ въ люди".

У А. И. была богатѣйшая библіотека, слушатели его постоянно ею пользовались и нерѣдко случалось, что, на ряду съ какими нибудь рѣдкими спеціальными книгами, какой-нибудь студентъ или курсистка приходятъ спрашивать у него Гоголя или Пушкина и А. И. роется въ библіотекѣ и съ добродушной улыбкой отыскиваетъ имъ беллетристику. Впрочемъ въ этой эксплоатаціи было и нѣчто извинительное для тѣхъ, кто эксплоатировалъ А. И. „Обаяніе личности его было такъ велико, что многимъ студентамъ и курсисткамъ такъ хотѣлось повидать его въ домашней обстановкѣ, что приходили къ нему съ самыми ненужными пустяками", но этимъ, конечно, отнимали у него понапрасну время. Если послѣ иногда А. И. и вспоминалъ съ улыбкой, съ какими удивительными подчасъ просьбами къ нему обращались, то въ тотъ моментъ, когда онѣ ему излагались, онъ былъ весь вниманіе и относился сочувственно ко всякой мелочи, разъ она казалась важной просителю.

Многіе осуждали и упрекали А. И. за то, что онъ помогаетъ всѣмъ, безъ разбору, принимали его мягкость за слабохарактер-

ность. Дѣйствительно, его доброта обращалась ко всѣмъ, какъ дождь падаетъ на добрыхъ и злыхъ, какъ всѣмъ свѣтитъ солнце. Однако источникомъ его мягкости и миролюбія были не безхарактерность или отсутствіе цѣльности убѣжденій, а широта взглядовъ, стремленіе къ положительной работѣ, любвеобильное сердце и исключительная отзывчивость. Для него дѣйствительно не было „ни эллина, ни іудея".

При этомъ важно не только то, что онъ дѣлалъ, но то, какъ онъ дѣлалъ. Онъ помогалъ всѣмъ съ такой доброжелательностью и охотой, у него была такая готовность помочь и словомъ и дѣломъ. Онъ умѣлъ подать во время совѣтъ, не оскорбляя, не задѣвая самолюбіе, умѣлъ направить колеблющуюся чужую волю. И все это съ безконечной простотой, деликатностью и мягкостью.

Его состраданіе къ обойденнымъ судьбою, его отзывчивость ко всякому горю и страданію были безграничны. На ряду съ этимъ, что кажется бываетъ еще рѣже—также безгранична была его способность радоваться чужому счастью, чужому успѣху. Казалось радость каждаго была его личной радостью. Завидовать кому-нибудь—онъ былъ органически неспособенъ. „Кому бы жизнь ни давала свой подарокъ, А. И. видѣлъ въ этомъ лишь праздникъ жизни".

Самъ онъ „страстно любилъ жизнь и неустанно интересовался ею во всѣхъ безчисленно разнообразныхъ ея формахъ. На всякое вѣяніе жизни душа его сейчасъ же отзывалась; всякое новое проявленіе жизни сейчасъ же вызывало работу его чуткаго свѣтлаго ума. Возможная полнота жизни всюду и во всемъ,—вотъ къ чему рвалось его сердце, не выносившее вида апатіи и застоя" *). Онъ былъ „живымъ человѣкомъ" по преимуществу.

Онъ былъ широко образованъ и кромѣ науки и общественныхъ вопросовъ интересовался изящной литературой, глубоко цѣнилъ классическую музыку, восторгался художественными произведеніями искусства.

„Съ жаромъ юноши выслушивалъ онъ отъ младшихъ сообщенія о томъ, съ чѣмъ самъ не успѣвалъ познакомиться. Какъ то помню, разсказываетъ Бужанскій, одна изъ дочерей А. И., занимавшаяся естественными науками, демонстрировала ему какой-то микроскопическій препаратъ. Какъ покойный самъ признавался, онъ всю ночь послѣ этого не спалъ, такъ его заинтересо-

*) Н. Сперанскій.

вала какая-то ткань. Таковъ же былъ его интересъ къ новымъ людямъ, среди которыхъ онъ всегда отыскивалъ таланты и на которыхъ всегда возлагалъ большія надежды. О каждомъ находилъ онъ сказать доброе слово, но за то, что бывало чрезвычайно рѣдко,—если А. И. не хвалилъ и не одобрялъ какого нибудь человѣка, а только кряхтѣлъ и молчалъ на вопросы о немъ, „то это было вѣрнымъ признакомъ того, что данный человѣкъ былъ отпѣтый субъектъ".

„Рѣдко въ комъ можно было найти такое счастливое сочетаніе умственныхъ и нравственныхъ силъ, большой природный разумъ, способность къ точному анализу, научному синтезу,—способность, пріобрѣтенную благодаря раннему знакомству съ логикой, философіей и методами точныхъ наукъ,—широту и опредѣленность личнаго сужденія, пишетъ объ А. И. М. М. Ковалевскій, связанную *съ терпимостью къ инымъ мнѣніямъ*, съ желаніемъ открыть въ нихъ зерно истины". Ему были одинаково чужды интеллигентская кружковщина, классовая ненависть, сектантская нетерпимость. Въ каждомъ человѣкѣ онъ прежде всего искалъ человѣка.

По своему міросозерцанію онъ былъ позитивистомъ. Его научныя воззрѣнія и его „общественные идеалы покоились на ясномъ базисѣ строгаго научнаго знанія. Заходила ли рѣчь объ общинѣ, вокругъ которой накопилось у нѣкоторыхъ такъ много мистико-народническаго чувства, заходила ли рѣчь о необходимости „вываривать нашу экономическую культуру на фабрикѣ", какъ думали марксисты,—все это встрѣчало съ его стороны спокойное, ясное, научно-объективное отношеніе" *). Оптимистъ до мозга костей, Чупровъ „чуждъ былъ вульгарной проповѣди—все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ". Толстовское непротивленіе злу Чупровъ принялъ съ негодованіемъ, а въ опрощеніи видѣлъ регрессивное юродство" **). А. И. былъ человѣкъ вполнѣ опредѣленнаго направленія, не будучи въ то же время человѣкомъ партіи. Вы помните, конечно, слова Милюкова, сказанныя надъ его могилой: „онъ не любилъ острыхъ угловъ, не мирился съ неразрѣшенными противорѣчіями и рѣзкими конфликтами.... Онъ всегда искалъ разрѣшенія противорѣчій и примиренія крайностей.. Когда онъ руководилъ спорами, въ которыхъ сталкивались, казалось, непримиримыя разногласія, онъ опытной рукой

---

*) Косинскій.

**) Амфитеатровъ.

выводилъ противниковъ изъ ихъ разногласій на почву того общаго, что ихъ объединяло, иногда безъ вѣдома ихъ самихъ".

На пріемы къ А. И. стекались люди самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, состояній, профессій, положеній. Съ каждымъ находилъ онъ тему для бесѣды, къ каждому умѣлъ подойти. Его бесѣды являлись неизсякаемымъ источникомъ знанія, бодрости, вѣры. Въ своемъ обращеніи онъ былъ обаятельно простъ, доступенъ и сердеченъ. Помню. до встрѣчи съ А. И., я много слыхала о немъ, особенно отъ моего мужа—ученика А. И. и человѣка, близкаго къ его семьѣ. Должна сознаться, что отзывы, сплошь восторженные, создали во мнѣ родъ предубѣжденія, точнѣе страха разочароваться, и когда мой мужъ, тогда еще мой женихъ, повезъ меня въ Москву знакомиться съ А. И., я боялась, что его святой не окажется и моимъ святымъ. Но стоило увидать А. И., его привѣтливую улыбку, свѣтящіеся глаза, чтобы разсѣялся этотъ страхъ и смѣнился полнымъ очарованіемъ. Въ это время семья его была на дачѣ и надо было видѣть, какимъ онъ былъ гостепріимнымъ хозяиномъ. Меня прямо поразилъ его тонъ. Онъ, всѣми чтимый профессоръ, общепризнанный, знаменитый ученый, говорилъ со мной, тогда почти дѣвочкой, какъ равный съ равнымъ, даже какъ будто онъ отъ меня могъ чему нибудь научиться! Такъ онъ умѣлъ выслушивать, дать высказаться своему собесѣднику, кѣмъ бы этотъ собесѣдникъ ни былъ; до такой степени онъ былъ простъ и скроменъ и какъ очаровательна была эта скромность при его громадномъ умѣ и обширныхъ знаніяхъ. Ничего наставительнаго, поучающаго не было въ его рѣчахъ и между тѣмъ сколькому научала бесѣда съ нимъ! Ни малѣйшаго желанія быть авторитетомъ и между тѣмъ для тѣхъ, кто съ нимъ соприкасался, онъ становился высочайшимъ авторитетомъ, больше того, становился *совѣстью* человѣка. Послѣ того, какъ я впервые увидала А. И., меня всегда влекло къ нему, и всякій разъ, что я бывала въ Москвѣ, до тѣхъ поръ, пока А. И. не покинулъ совсѣмъ Россію, я ѣздила, какъ мы это называли, „на поклоненіе въ Мекку" и могу сказать, что лучшаго человѣка я въ моей жизни не видала.

По внѣшности А. И. былъ высокій, свѣтлый, съ русыми волосами въ скобку, по мужицки падавшими на лобъ, всегда радостный и бодрый. Семинарія, за исключеніемъ „формулы недовѣрія", о которой разсказываетъ Амфитеатровъ, не оставила на А. И., всегда изящномъ, тактичномъ, предупредительно любезномъ и деликатномъ, никакихъ слѣдовъ свойственной ей угло-

ватости. Эта „формула недовѣрія“—было комическое восклицаніе „Да врешь? Да врете?“ „Странный человѣкъ А. И.,—сказалъ мнѣ однажды, сообщаетъ Амфитеатровъ, нѣкто Станишевъ, болгаринъ-филологъ.... Такой онъ деликатный, участливый, любезный, добросердечный.... И въ то же время ни одному слову собесѣдника своего не вѣритъ и даже скрывать того не церемонится.—Откуда вы взяли? удивился я. Дядя самый довѣрчивый человѣкъ на свѣтѣ! Ужъ скорѣе недостатокъ его—именно чрезмѣрная довѣрчивость.—„Помилуйте! Что вы! Намедни, я разсказывалъ ему о нашихъ болгарскихъ хлѣбныхъ культурахъ. Самъ же онъ меня просилъ. А, между тѣмъ, вдругъ какъ хлопнетъ онъ себя по ляжкамъ, согнулъ колѣнки и кричитъ:—Да врете, батенька?!..... Совсѣмъ сконфузилъ, я со стыда сгорѣлъ..... Положимъ, что я, дѣйствительно, нѣсколько преувеличилъ, но нельзя же такъ прямо въ глаза!“

При всей учености Чупрова, въ немъ не было ни малѣйшей чопорности, была бездна веселости, жизнерадостности, любовь къ шуточнымъ образнымъ великорусскимъ выраженіямъ или къ отдѣльнымъ выраженіямъ изъ Писанія.

„Экій ты, братъ. .. идолъ аккаронскій!“ восклицалъ А. И., въ знакъ своего совершеннаго неудовольствія, когда видѣлъ чью-нибудь ужъ очень большую нелѣпость, безтактность или некрасивую выходку“. „Сломаешь себѣ шею, какъ Илій первосвященникъ!...“ говорилъ онъ ребенку, качающемуся на стулѣ.

Удивительно, какъ сохранилась въ немъ эта жизнерадостность. „Правда, онъ зналъ въ жизни своей блестящія научныя и общественныя удачи, славу, любовь и уваженіе толпы. Но въ частномъ быту жизнь его не баловала... Передъ его глазами свершалось поголовное вымираніе (отъ туберкулеза) его братьевъ и сестеръ. Онъ рано потерялъ крѣпко любимую, хорошую жену свою Ольгу Егоровну (урожд. Богданову), у него превосходныя дѣти, и, между ними, блестящій преемникъ науки отца своего, также профессоръ политической экономіи, Ал. Ал. Чупровъ, но не всѣхъ ему удалось вырастить, и смерть не разъ стучалась въ двери его дѣтской. Онъ любилъ университетъ—вынужденъ былъ лишиться университета. Любилъ Россію и въ особенности Москву—обстоятельства приковали его къ Дрездену и Мюнхену. *) Всѣ послѣдніе годы онъ тяжело страдалъ физически.

---

*) Амфитеатровъ.

„Своимъ сравнительнымъ долголѣтіемъ А. И. обязанъ исключительно превосходному, терпѣливому своему характеру, со смиреніемъ принимавшему всякій врачебный, діэтный, и житейскій режимъ. Въ медицину онъ вѣрилъ свято и въ руки врача отдавалъ себя съ трогательною добросовѣстностью".

Дѣти инстинктивно чувствовали въ этомъ всеобщемъ другѣ безхитростную, чистую душу большого ребенка... И дѣти горячо привязывались къ нему. Ребенокъ увлекался А. И., А. И. увлекался ребенкомъ. И надо думать, „что играя съ какими-нибудь своими или чужими малышами въ лошадки или въ казаки и разбойники, нашъ знаменитый профессоръ, глубокомысленный политико-экономъ, совершенно искренно воображалъ себя, въ эти минуты, коренникомъ, кучеромъ, разбойникомъ—всѣмъ, чего хотѣли дѣти, веселился, какъ они, переживая всѣ ихъ эмоціи, радости и обиды".

Впрочемъ, чьихъ симпатій не привлекалъ А. И.? Ив. Ив. Янжулъ разсказываетъ, какъ разъ онъ гулялъ за границей съ Чупровымъ и „на какомъ-нибудь двухверстномъ разстояніи въ 1 часъ времени онъ успѣлъ завоевать, видимо, симпатіи и расположеніе: хозяина гостиницы, затѣмъ мелкаго виноградаря, съ которымъ Чупровъ завелъ интересную для него бесѣду о филоксерѣ и аграрныхъ отношеніяхъ, сторожа башни, показываемой публикѣ—по поводу его обязанностей, нѣсколькихъ цѣвцовъ-любителей и, наконецъ, желѣзнодорожнаго сторожа. Всѣ эти лица пріятно улыбались, прощаясь съ А. И., и провожали его всевозможными добрыми пожеланіями. Знать А. И. Чупрова—значило любить его. Тому, кто не зналъ его, почти невозможно вообразить себѣ всей его обаятельности.

Литре называли святымъ безъ религіи. Прозвище это вполнѣ приложимо и къ А. И. Чупрову. Да, онъ былъ святымъ, недаромъ это слово было у всѣхъ на устахъ, когда онъ скончался. Я говорю „святымъ" не только въ нашемъ житейскомъ употребленіи этого слова, когда хотятъ этимъ выразить незлобивый, кроткій. Это тоже, конечно, было, но я употребляю это слово въ полномъ значеніи слова, въ томъ смыслѣ, что самой своей жизнью онъ осуществлялъ заповѣдь Христа о любви. Не все ли равно, вѣрилъ или не вѣрилъ онъ въ Бога, разъ что онъ вѣрилъ въ Его ученіе, въ торжество свѣта, добра и любви, и вся жизнь его была полна дѣятельной любви къ ближнимъ. „Я вѣрую въ отдѣльныхъ людей—писалъ Чеховъ *)—я вижу спасеніе въ отдѣльныхъ

---

*) Письмо къ Орлову.

личностяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи тамъ и сямъ; интеллигентъ или мужикъ—въ нихъ сила, хотя ихъ и мало“. И вотъ одной изъ такихъ личностей былъ А. И. Чупровъ, этотъ человѣкъ съ „геніальнымъ сердцемъ“, какъ прекрасно и правдиво выразился о немъ Булгаковъ.

Ясно, что при такой плѣнительной красотѣ нравственнаго облика Ал. Ив. долженъ былъ пользоваться громаднымъ вліяніемъ на окружающихъ. Такъ оно дѣйствительно и было.

Одинъ черносотенецъ, ненавидящій весь кругъ лицъ, сгруппировавшійся вокругъ „Русскихъ Вѣдомостей“, описывалъ, какъ онъ однажды въ вагонѣ разговорился съ какимъ-то студентомъ и спросилъ, куда онъ ѣдетъ. Въ Н.—отвѣтилъ студентъ и прибавилъ,—на родину А. И.—Какого Александра Ивановича?—Да Александра Ивановича Чупрова.—Каково!—негодовалъ поклонникъ Каткова,—такъ-таки просто по имени, будто всякій обязанъ его знать! ѣдетъ точно на „родину“ Филарета или Минина и Пожарскаго!

Если мать, пріѣхавшая изъ провинціи, не могла добиться свиданія съ заключеннымъ сыномъ, если человѣкъ, послѣ мытарствъ по ссылкамъ и тюрьмамъ, очутился въ безвыходномъ положеніи на улицахъ Москвы, они могли услышать отъ коренного москвича вопросъ: „А вы были у Александра Ивановича?“—такъ какъ само собою подразумѣвалось, что Александръ Ивановичъ—прибѣжище, заступникъ, который сдѣлаетъ все возможное, чтобы помочь человѣку *). И надо прибавить, что часто А. И. удавалось невозможное, такъ какъ всѣ такъ любили А. И., что готовы были для него на что угодно.

Необыкновенная ясность мысли, искренность убѣжденій, нравственная высота и чистота Александра Ивановича были общепризнаны. Во время чествованій А. И. въ С.-Петербургѣ въ вольно-экономическомъ обществѣ по поводу изданной имъ вмѣстѣ съ Посниковымъ книги „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“ одинъ изъ ораторовъ, какъ передаетъ К. К. Арсеньевъ, напомнилъ объ Аристидѣ, за изгнаніе котораго нѣкоторые аѳиняне подали голоса только потому, что имъ наскучило слышать со всѣхъ сторонъ объ его безупречности. Нѣчто подобное чувствовалось въ иныхъ нападкахъ на „странную книгу“, какъ называли ее „Московскія Вѣдомости“.

*) Привожу эти факты изъ воспоминаній объ А. И-чѣ Ел. Ш-вой.

Для всѣхъ, кто имѣлъ счастье сталкиваться съ А. И., онъ являлся *учителемъ жизни*. Каждый чувствовалъ, что его образъ можетъ и долженъ руководить, такъ какъ слово, мысль и дѣло у А. И. никогда не расходились. Одно упоминаніе его имени способно всколыхнуть душу, знавшихъ его. Припомнимъ случай, разсказанный Болдыревой, о томъ, какъ, пріѣхавъ въ маленькій уѣздный городокъ, она отправилась къ инспектору народныхъ училищъ, человѣку уже не молодому, обрюзгшему. И стоило ему прочитать нѣсколько строчекъ, написанныхъ рукою А. И., какъ весь онъ встрепенулся, озарился, и ради своего прежняго профессора сдѣлалъ все, о чемъ его просили.

Я замѣчала много разъ и на себѣ, и на другихъ, что послѣ свиданія съ Александромъ Ивановичемъ люди становились бодрѣе, энергичнѣе, настойчивѣе въ работѣ, въ достиженіи цѣли; они становились чище и добрѣе; готовы были по одному слову А. И. хлопотать за совершенно посторонняго, готовы были раскрывать свои кошельки и свои сердца. И для этого А. И. иногда не нужно даже было воздѣйствовать словомъ, упрекать или совѣтовать. Его нравственный обликъ былъ такъ высокъ, такъ кристально-прозраченъ, что, казалось, свѣтъ его души дѣлалъ и другихъ людей прозрачными и каждому возлѣ А. И. становилось жгуче-стыдно за пятна, которыя онъ видѣлъ на своей совѣсти, и въ то же время въ любвеобильной натурѣ Александра Ивановича, въ его ясномъ умѣ и широкомъ взглядѣ на вещи, человѣкъ какъ бы чувствовалъ залогъ возможности работать и надъ собой и для другихъ.

Человѣкъ, утрачивающій вѣру въ смыслъ жизни, соприкасаясь съ нимъ, вновь находилъ ее, потому что, видя А. И., невозможно было не почувствовать, что такъ жить, какъ онъ—есть смыслъ, стоитъ жить. И умереть послѣ такой жизни не страшно.

Плѣняла меня въ немъ и поражала еще одна черта. Случилось мнѣ какъ то въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву застать у А. И. нѣсколькихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ я встрѣчала и въ другихъ мѣстахъ. Завязался общій разговоръ и я не узнала прежнихъ знакомыхъ. Всѣ въ присутствіи А. И. какъ будто стали умнѣе и лучше. Каждый спѣшилъ разсказать что-либо интересное, спѣшилъ подѣлиться оригинальной мыслью, высказывалъ наиболѣе альтруистическое чувство. И это не было притворствомъ, рисовкой, желаніемъ поддѣлаться подъ тонъ А. И. Нѣтъ, въ присутствіи его у людей пробуждались и раскрывались лучшія стороны души, люди искренно чувствовали такъ, какъ говорили, дѣйствительно

какъ будто выростали духовно. Такъ что правъ былъ А. И. въ томъ добромъ, что онъ находилъ сказать почти о каждомъ человѣкѣ; это доброе въ самомъ дѣлѣ лежало въ человѣкѣ, быть можетъ даже невѣдомо для него самого, и пробуждалось отъ соприкосновенія съ А. И. И это потому, конечно, что онъ былъ однимъ изъ немногихъ, кто по истинѣ является свѣтомъ міра, солью жизни...

Всю жизнь Александръ Ивановичъ трудился. Работалъ онъ даже, когда ему вредно это было, работалъ несмотря на тяжелыя физическія страданія, и такъ до своей послѣдней минуты.

Для характеристики того прямо юношескаго жара, съ какимъ онъ относился къ работѣ даже въ старости, позволю себѣ привести 2 отрывка изъ его писемъ, первое изъ нихъ адресовано Рубинчику, второе Бажаеву. „Я работаю много, работаю съ жадностью, пишетъ А. И. изъ заграницы, дрожа, какъ скупой, надъ каждымъ часомъ, отказывая себѣ въ осмотрахъ достопримѣчательностей, въ обществѣ людей и въ удовольствіяхъ, и однако я до сихъ поръ не въ силахъ былъ окончить той работы, надъ которой вожусь почти четыре года... Хотѣлось бы многое высказать въ печати, многое написать, но постоянно при этомъ возникаетъ борьба, потому что каждая статья отрываетъ время отъ главной работы, а главная та работа, пожалуй, и не будетъ доведена до конца“. А. И. лихорадочно собиралъ матеріалы о производившихся въ Россіи опытахъ съ минеральными удобреніями и старался уяснить себѣ, почему у насъ такъ мало обращалось вниманія на этотъ важный вопросъ. „Я не могу успокоиться, пока не получу разъясненія по этому вопросу, который имѣетъ первоклассное значеніе для моихъ работъ“, пишетъ А. И. и еще: „Вамъ можетъ показаться страннымъ, почему я съ такой горячностью и даже, можно сказать, страстью отношусь къ вопросу объ искусственныхъ тукахъ. Смѣю васъ увѣрить, что это не увлеченіе новичка, а результатъ многолѣтнихъ думъ надъ судьбами нашего хозяйства, особенно крестьянскаго, равно какъ наблюденій во время заграничной поѣздки“.

Помыслы А. И. сосредоточивались всегда на интересахъ трудящихся массъ и его работы послѣднихъ лѣтъ посвящены поднятію земледѣлія. Еще занимая каѳедру политической экономіи, онъ искалъ въ ея законахъ указаній на счетъ того направленія нашей хозяйственной дѣятельности, которое пошло бы на пользу русскому крестьянству. А. И. всесторонне понималъ матеріальную и духовную нужду народа, направлялъ всѣ свои мысли къ тому, чтобы

найти лучшіе выходы изъ нея. Онъ посвящалъ свои силы „изученію *тѣхъ именно вопросовъ*, съ рѣшеніемъ которыхъ связано усовершенствованіе быта народныхъ массъ, обогащеніе ихъ знаніемъ, практическимъ опытомъ и техникой въ неменьшей степени, чѣмъ земельнымъ довольствомъ". Такъ какъ забота о русскомъ „сѣятелѣ и хранителѣ" была его высшей заботой, то не мудрено, если во всѣхъ своихъ научныхъ трудахъ онъ постоянно имѣлъ ее передъ глазами. Отсюда—его внимательное отношеніе къ тѣмъ послѣдствіямъ, къ какимъ въ народномъ хозяйствѣ ведетъ возрастаніе хлѣбныхъ цѣнъ, сказывающееся прежде всего въ недоѣданіи русской крестьянской семьи. Отсюда—его заботливость о томъ, чтобы желѣзнодорожные тарифы не становились препятствіемъ къ правильному обслуживанію хлѣбныхъ рынковъ. Отсюда же,—сравнительное изученіе имъ способовъ поднятія сельско-хозяйственной техники и его интересъ къ земледѣльческимъ синдикатамъ, къ мелкому меліоративному кредиту, къ народнымъ банкамъ, къ сельскохозяйственнымъ школамъ (извѣстно какое активное участіе принималъ онъ въ сельскохозяйственномъ обществѣ), къ чтеніямъ странствующихъ профессоровъ агрономіи. Отсюда, наконецъ,—его опредѣленное, недопускающее никакихъ компромиссовъ отношеніе къ обязанности государства придти на помощь въ земельной нуждѣ крестьянству, между прочимъ въ формѣ обязательнаго выкупа частновладѣльческихъ имѣній.

Александръ Ивановичъ былъ убѣжденнымъ защитникомъ бытовыхъ формъ нашего землевладѣнія, высказывался противъ искусственнаго разложенія мірской общины и постоянно былъ озабоченъ мыслью о томъ, какъ приспособить къ ней требованія высшей сельскохозяйственной культуры. Онъ предостерегалъ правящія сферы отъ опасныхъ послѣдствій закона 9 ноября 1907 г., отъ ихъ разрушительной земельной политики. Статьи А. И. Чупрова „Соціальныя послѣдствія разрушенія общины", напечатанныя передъ самой его смертью въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", полны огня и энергіи и явились по истинѣ его лебединой пѣсней.

Александръ Ивановичъ работалъ много, но ни одна тема не была имъ избрана изъ тщеславія, изъ желанія блеснуть своимъ талантомъ, эрудиціей, блестящей діалектикой. Только польза народа, только любовь къ нему руководили имъ въ выборѣ своего труда. „Даже и научныя свои идеи, силу своего ума онъ ухитрялся разсѣивать среди окружающихъ, осуществляя себя болѣе въ работѣ другихъ, своихъ многочисленныхъ учениковъ, самоотвергаясь и идейно... Онъ прошелъ жизнь любящимъ служителемъ человѣ-

чества не въ тѣхъ формахъ, которыя были ему самому болѣе всего пріятны и лестны, но въ тѣхъ, какихъ требовала суровая, неприглядная жизнь, обращавшая нерѣдко и аристократовъ духа въ чернорабочихъ" *)

И въ смыслѣ научномъ А. И. много далъ. Но несомнѣнно, что А. И. Чупровъ не осуществилъ себя какъ ученый въ той мѣрѣ, въ какой онъ былъ къ тому способенъ, не использовалъ полностью своихъ блестящихъ умственныхъ дарованій. Будь онъ черствѣе, обладай онъ самодовольной уравновѣшенностью спеціалиста западно-европейскаго типа, не растрачивай онъ себя на свои „пріемы", разныя общественныя дѣла, хлопоты за другихъ, запрись онъ въ своей ученой библіотекѣ, отгороди онъ себя отъ внѣшняго міра со всѣми его горестями, и его слава, какъ ученаго, была бы еще болѣе громка, его имя въ наукѣ еще болѣе авторитетно, онъ написалъ бы еще нѣсколько книгъ, сдѣлалъ бы еще нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій... Но не было бы тогда въ Россіи того Чупрова, котораго мы любимъ, этого человѣка изъ человѣковъ, ставившаго себя, со всѣми своими мыслями и трудами, на 2 планѣ послѣ любого бѣдняка, пришедшаго за помощью, послѣ любого первокурсника, который вчера не понялъ чего нибудь на лекціи и пришелъ за объясненіемъ. Онъ всю свою жизнь изодралъ на клочки и отдалъ ихъ людямъ, и лучшимъ его произведеніемъ является его жизнь.

24 февраля 1908 г. А. И. Чупровъ былъ у своего близкаго знакомаго мюнхенскаго экономиста проф. Лотца. Во время его визита проф. Лотцъ былъ вызванъ изъ гостиной, и А. И. остался съ его супругой. Вдругъ среди бесѣды онъ откинулся на спинку кресла и замолчалъ. Призванные немедленно врачи констатировали мгновенную смерть отъ разрыва сердца. Проводившій съ А. И. эту зиму сынъ его, Ал. Ал., которому Лотцъ немедленно послалъ объ этомъ вѣсть, явившись черезъ полчаса, могъ только выслушать отъ докторовъ ихъ заключеніе.

Тѣло А. И. было перевезено на родину, въ столь любимую имъ Москву. Для встрѣчи тѣла покойнаго, на Смоленскій вокзалъ 3 марта собралась масса публики. Тутъ же на его гробъ было возложено множество вѣнковъ, изъ которыхъ отмѣчу три, характерныхъ для А. И. Чупрова. Отъ Московскаго отдѣленія партіи народной свободы былъ вѣнокъ, перевитый зелеными лентами, съ надписью: „Чѣмъ ночь темнѣе, тѣмъ звѣзды ярче", отъ „Бла-

---

*) Булгаковъ.

годарнаго московскаго общества сельскаго хозяйства“ чудный вѣнокъ изъ колосьевъ ржи и васильковъ; отъ студентовъ-петровцевъ съ надписью: „Два колоса тамъ, гдѣ сейчасъ растетъ одинъ“.

Тысячи народа провожали Александра Ивановича на кладбище. Тутъ были и ученые, и общественные дѣятели, и учащаяся молодежь и представители разнообразныхъ обществъ и печати. На могилѣ говорились прочувствованныя рѣчи. Со всѣхъ сторонъ стекались телеграммы, письма, воспоминанія, статьи объ А. И. Кто только не откликнулся на смерть его? И университеты, и земства, и газеты, и журналы, самыя разнообразныя благотворительныя, просвѣтительныя, ученыя общества, отдѣльныя лица и группы лицъ, столицы, провинція, крупные центры и захолустные уголки, вся Россія откликнулась на его смерть. Памяти А. И. Чупрова посвящались засѣданія обществъ, сыпались пожертвованія, съ цѣлью почтить его память, сдѣлать что нибудь доброе во имя его.

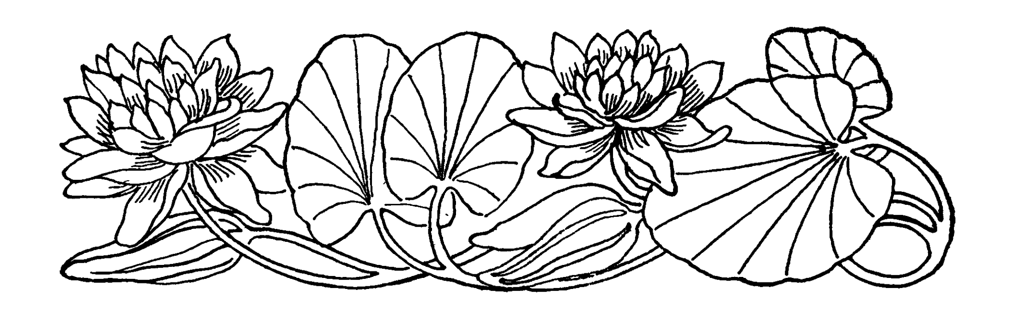
И при всей горечи утраты проносилось словно дуновеніе какого то торжества. Часто повторялись слова поэта:

„Не говори съ тоской—ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію—были“.

Я, помню, въ дѣтствѣ не могла понять, почему Успеніе Богоматери и Святыхъ признается праздникомъ. Теперь я понимаю это, я понимаю, что только смерть придаетъ полную законченность, цѣльность жизни и какъ хороша прекрасная смерть послѣ прекрасной жизни. Когда я узнала о смерти Александра Ивановича, въ первый моментъ мной овладѣло чувство торжества, что бываютъ такіе рѣдкіе люди, такъ свято, плодотворно и прекрасно прожившіе жизнь, и лишь затѣмъ уже, и чѣмъ дальше, тѣмъ острѣе, стала чувствоваться горечь утраты, то, что не къ кому больше обратиться за разрѣшеніемъ какого бы то ни было вопроса, хотя бы самаго труднаго, самаго сложнаго, нѣтъ больше человѣка, которому до всѣхъ было дѣло, человѣка, готоваго каждаго согрѣть привѣтомъ и лаской, умѣющаго любить „не словомъ или языкомъ, а дѣломъ и истиною“.

Булгаковъ вѣрно опредѣлилъ то смѣшанное чувство, которое всегда возбуждаетъ „*кончина праведниковъ*, свершившихъ до конца честно и доблестно свой жизненный подвигъ и незапятнанно отошедшихъ въ вѣчность...“ И, думая объ Александрѣ Ивановичѣ, невольно чувствуешь, какъ полонъ истинной жизни онъ—мертвый— и какъ, по сравненію съ нимъ, мертвы мы—живые.

В. М. Федяевская.



Хроника жизни.

Лѣто—болѣе или менѣе мертвый сезонъ, какъ для просвѣтительныхъ обществъ, такъ и для литературы.

Поэтому съ особенной радостью отмѣчаемъ образованіе въ Кіевѣ Общества Друзей мира, задающагося цѣлью объединить людей, желающихъ съ любовью и терпимостью бороться съ волнами вражды и ненависти, которыя сѣютъ такое разъединеніе и скорбь на нашей многострадальной родинѣ. Отъ всей души привѣтствуемъ начинанія молодого общества, столь близкія сердцу теософа, и желаемъ ему успѣха въ его несомнѣнно плодотворной дѣятельности.

Первое собраніе общества было довольно многочисленно и вызвало въ Кіевѣ большой интересъ. Среди ряда интересныхъ рѣчей мы отмѣчаемъ рѣчь проф. Афанасьева, которую приводимъ цѣликомъ:

М. г. и М. г.

„Во время войнъ внѣшнихъ, а также борьбы внутри государства неизмѣнно затемняются идеи права и справедливости. Только при готовности уступить, при готовности признать свое право не исключительно заслуживающимъ вниманія, дѣло завершится полюбовной сдѣлкой безъ чувства взаимнаго раздраженія и обиды. Такимъ образомъ, съ поднятіемъ идеи права и справедливости уменьшается роль столкновенія матеріальныхъ силъ. Въ сущности, рѣшеніе вопросовъ путемъ силы не приводитъ къ желанной цѣли. Вопросъ не рѣшается, а откладывается, особенно

если побѣжденная сторона чувствуетъ, что она побѣждена не во имя права, а во имя силы. При этомъ сознанiи никогда не исчезаетъ надежда на возстановленiе своихъ попранныхъ, загнанныхъ интересовъ и потому и новое столкновенiе рано или поздно, а неизбѣжно. Это по отношенiю государствъ между собою. Но и въ самихъ государствахъ всегда можно различить этнографическiя группы, интересы которыхъ, взаимно сталкиваясь, также требуютъ своего рѣшенiя на принципахъ права и справедливости. Въ этомъ отношенiи мы переживаетъ крайне тяжелую эпоху. Подобно тому, какъ въ концѣ XVI вѣка сказалась крайняя гипертрофiя религiознаго чувства, требовавшаго отъ всѣхъ одинаковаго исключительно католическаго мiросозерцанiя, такъ и теперь приходится наблюдать такую же гипертрофiю чувствъ нацiональности. Достаточно указать хотя бы на нѣмцевъ, которые въ упоенiи отъ сознанiя своего единства видятъ залогъ своихъ будущихъ успѣховъ лишь за счетъ другихъ нацiональностей и, проповѣдуя пангерманизмъ, крайне отрицательно смотрятъ на аналогичную идею панславизма.

„Я, закончилъ ораторъ, признаюсь, крайне скептически отнесся къ идеѣ общества друзей мира особенно въ настоящее время, особенно при современныхъ условiяхъ нашей политической и общественной идеи. Но меня основатели общества убѣдили въ томъ, что горячая искренняя вѣра въ идею можетъ творить чудеса, что при отсутствiи объединяющей идеи самыя надежныя, казалось бы, матерiальныя силы терпѣли пораженiе, въ то время какъ побѣда доставалась внѣшне слабымъ, зато сильнымъ духомъ. Съ этой вѣрой и я далъ свою подпись“.

Приводимъ основные §§ этого симпатичнаго общества.

1. Цѣль Общества *) распространенiе и поддержанiе, среди своихъ членовъ и жителей своего раiона, идеи разрѣшенiй международныхъ споровъ на основанiяхъ справедливости, взамѣнъ насилiя и вооруженной силы, распространенiе и поддержанiе, среди тѣхъ же лицъ, идеи общаго братства народовъ и союзовъ цивилизованныхъ народовъ, на основанiи равноправiя,—наконецъ, разсмотрѣнiе общественныхъ вопросовъ, связанныхъ съ идеею мира, на основанiяхъ положенiй справедливости и человѣчности.

---

*) Опредѣленiемъ кiевскаго губернскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствiя 1909 г. апрѣля 9-го дня поименованное Общество внесено, на основанiи сего устава, въ реестръ за № 35-мъ.

За губернатора, вице-губернаторъ *Чихачевъ*.

И. об. завѣдующаго дѣлопроизводствомъ губернскаго присутствiя *С. Шеголевъ*.

2. Для достиженія этой цѣли служатъ:

а) разсмотрѣніе вопросовъ, въ вышеприведенныхъ предѣлахъ, въ правленіи Общества и на собесѣдованіяхъ, устраиваемыхъ правленіемъ, а также опубликованіе докладовъ и постановленій правленія:

б) распространеніе соотвѣтственныхъ идей въ общей прессѣ, въ спеціальныхъ, *на мѣстныхъ славянскихъ языкахъ* изданіяхъ Общества, и путемъ собственнаго органа печати, поскольку это окажется возможнымъ;

в) устройство бесѣдъ и публичныхъ рефератовъ *на такихъ же мѣстныхъ языкахъ*;

г) устройство библіотеки и коллекціи въ предѣлахъ задачъ Общества;

д) устройство съѣздовъ и участіе въ сродныхъ съѣздахъ.

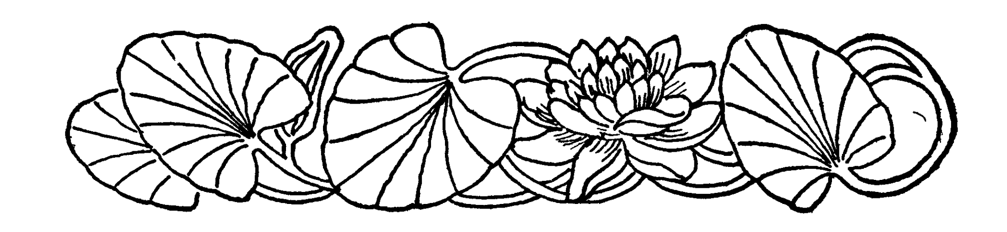
Примѣчаніе. На организацію всѣхъ учрежденій испрашивается въ каждомъ случаѣ надлежащее разрѣшеніе.

3. Дѣятельность Кіевскаго Общества Друзей Мира распространяется на *Юго-Западный край*, а мѣстопребываніе правленія Общества опредѣляется въ г. Кіевѣ.



ИЗРЕЧЕНІЯ РАМАКРИШНЫ.

Когда богъ Картикейя (Kartikeya) оцарапалъ ногтемъ кожу кошки и пришелъ къ своей небесной матери богинѣ Дурга (Durga), онъ увидалъ на ея щекѣ царапину. „Кто же тебя оцарапалъ?"—спросилъ онъ мать.— „Это дѣло твоихъ рукъ", отвѣчала Дурга сыну, „ты оцарапалъ меня своимъ ногтемъ". Когда же Картикейя спросилъ мать: „Какъ это возможно? Я и не зналъ, что оцарапалъ Тебя", мать сказала: „Ты развѣ позабылъ о кошкѣ, которую ты оцарапалъ? Въ мірѣ ничто не живетъ внѣ меня. Я — міровой духъ. И когда ты ранишь кого-нибудь, ты ранишь меня".



Научный отдѣлъ.

Четвертое измѣреніе.

(Опытъ изслѣдованія области неизмѣримаго).

> Наше знаніе можно сравнить съ шаромъ. И чѣмъ этотъ шаръ больше, тѣмъ больше у него точекъ соприкосновенія съ непознаваемымъ.
>
> *Гербертъ Спенсеръ.*
>
> Въ свое время отрицалось почти все, что входитъ теперь въ составъ положительныхъ наукъ.
>
> *Камилль Фламмаріонъ.*

ГЛАВА I.

Различныя значенія выраженія «четвертое измѣреніе». Четвертое измѣреніе въ оккультизмѣ и спиритизмѣ. Непостижимость и недоступность области четвертаго измѣренія. Откуда могла возникнуть идея четвертаго измѣренія. Четвертое измѣреніе въ математикѣ. Лобачевскій, Гауссъ и др. Четвертый перпендикуляръ. Линія, идущая въ неизвѣстномъ направленіи отъ любой точки нашего пространства. Непостижимая и недоступная намъ область четвертаго измѣренія, лежащая рядомъ съ нашимъ пространствомъ. Невозможность разрѣшить математическимъ путемъ проблему четвертаго измѣренія. Разсмотрѣніе ея со стороны психо-физики. Время, какъ четвертое измѣреніе пространства.

Выраженіе „четвертое измѣреніе“ довольно часто встрѣчается въ разговорномъ языкѣ и литературѣ, но очень рѣдко кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что оно значитъ. Обыкновенно четвертымъ измѣреніемъ пользуются, какъ синонимомъ таинственнаго, чудеснаго, „сверхъестественнаго“, непонятнаго и непостижимаго, какъ какимъ-то общимъ опредѣленіемъ явленій „сверхфизическаго міра“.

Спириты и оккультисты различныхъ направленій часто употребляютъ это выраженіе въ своей литературѣ, относя всѣ явленія изъ „потусторонняго міра“ или „астральной сферы“ къ области

четвертаго измѣренія. Но, что это значитъ, они не объясняютъ, и изъ того, что они говорятъ, можно понять только одно свойство четвертаго измѣренія, именно — его *непостижимость* для насъ.

Самая идея четвертаго измѣренія должна была возникнуть изъ предположенія, что кромѣ трехъ извѣстныхъ намъ измѣреній пространства: длины, ширины и высоты, можетъ существовать еще четвертое измѣреніе, недоступное для нашего воспріятія.

Въ оккультизмѣ идея четвертаго измѣренія должна была явиться изъ наблюденія явленій, происходящихъ какъ бы внѣ нашего трехмѣрнаго пространства.

Просто логически предположеніе о существованіи четвертаго измѣренія можетъ основываться на наблюденіи въ окружающемъ насъ мірѣ вещей и явленій, которыя не поддаются измѣренію въ длину, ширину и высоту, ускользаютъ отъ всякаго измѣренія, существуютъ, но не могутъ быть измѣрены. Таковы, напр., различные эффекты жизненныхъ и психическихъ процессовъ; таковы всѣ идеи, всѣ образы, представленія и воспоминанія, таковы сновидѣнія. Разсматривая ихъ, какъ реально, объективно существующіе, мы можемъ предполагать, что они имѣютъ какое-то другое измѣреніе, кромѣ тѣхъ, которыя намъ доступны, какое-то неизмѣримое для насъ протяженіе.

Затѣмъ, идея четвертаго измѣренія могла возникнуть изъ соображеній чисто математическаго характера. Говорятъ, напр., такъ: во многихъ вопросахъ математики чистой и прикладной встрѣчаются формулы и математическія выраженія, заключающія въ себѣ четыре и болѣе перемѣнныхъ величинъ, каждая изъ которыхъ, независимо отъ прочихъ, можетъ быть положительной, или отрицательной, и заключаться между $+\infty$ и $-\infty$. А такъ какъ каждая математическая формула, каждое уравненіе, можетъ имѣть пространственное выраженіе, то отсюда выводятъ идею о пространствѣ, имѣющемъ четыре и болѣе измѣреній.

Если бы четвертое измѣреніе существовало, то это значило бы, что вотъ здѣсь же, рядомъ съ нами, лежитъ какое-то другое пространство, котораго мы не знаемъ, не видимъ, и перейти въ которое не можемъ. Тогда въ эту „область четвертаго измѣренія“ отъ любой точки нашего пространства можно было бы провести линію по неизвѣстному для насъ направленію, котораго мы ни опредѣлить, ни постигнуть не можемъ. Если бы мы могли представить себѣ направленіе этой линіи, идущей вонъ изъ нашего пространства, то мы увидѣли бы область четвертаго измѣренія.

Математически это значитъ слѣдующее:

Мы можемъ представить себѣ одновременно три линіи, перпендикулярныя и не параллельныя одна другой. Этими тремя линіями мы измѣряемъ все наше пространство, которое поэтому называемъ трехмѣрнымъ. Если существуетъ „область четвертаго измѣренія", лежащая внѣ нашего пространства, то это значитъ, что кромѣ трехъ, извѣстныхъ намъ, перпендикуляровъ, опредѣляющихъ длину, ширину и высоту предметовъ, долженъ существовать еще четвертый перпендикуляръ, опредѣляющій какое-то новое, непостижимое для насъ, протяженіе. Тогда пространство, измѣряемое этими четырьмя перпендикулярами, можно назвать четырехмѣрнымъ.

Мы не можемъ ни опредѣлить математически, ни представить себѣ этотъ четвертый перпендикуляръ, и четвертое измѣреніе остается крайне загадочнымъ. Но среди „большой публики" существуетъ иногда убѣжденіе, что математики знаютъ о четвертомъ измѣреніи что-то недоступное простымъ смертнымъ. Иногда говорятъ, и это можно встрѣтить даже въ печати, что Лобачевскій „открылъ" четвертое измѣреніе, или что, на основаніи работъ Лобачевскаго, Гауссомъ построена теорія четвертаго измѣренія.

Въ дѣйствительности математика можетъ сказать о четвертомъ измѣреніи очень немного. Именно,—въ гипотезѣ четвертаго измѣренія нѣтъ ничего, что дѣлало бы ее недопустимой съ математической точки зрѣнія. Эта гипотеза не противорѣчитъ ни одной изъ принятыхъ въ геометріи аксіомъ и поэтому не встрѣчаетъ особенныхъ противорѣчій со стороны математики. Признается даже возможнымъ выяснить отношеніе, которое должно бы было существовать между четырехмѣрнымъ и трехмѣрнымъ пространствомъ, т. е. нѣкоторыя свойства четвертаго измѣренія. Но все это въ самыхъ общихъ и довольно неопредѣленныхъ чертахъ. Никакихъ точныхъ опредѣленій четвертаго измѣренія въ математикѣ не существуетъ.

Лобачевскій дѣйствительно разсматривалъ геометрію Эвклида, т. е. геометрію трехмѣрнаго пространства, какъ частный случай геометріи вообще, которая должна быть приложима къ пространству n-наго числа измѣреній. Но это не математика въ строгомъ смыслѣ слова, а только метафизика на математическія темы, и выводы изъ нея математически формулированы быть не могутъ.

Другіе математики находили, что принятые въ геометріи Эвклида аксіомы искусственны и не вѣрны,—и пытались опровергнуть ихъ, главнымъ образомъ, на основаніи нѣкоторыхъ выво-

довъ изъ сферической геометріи Лобачевскаго, и доказать, напр., что параллельныя линіи встрѣчаются и т. п. Они утверждали, что принятыя аксіомы вѣрны только для трехмѣрнаго пространства и, основываясь на своихъ разсужденіяхъ, опровергавшихъ эти аксіомы, строили новую геометрію многихъ измѣреній.

Но все это мало убѣдительно и слишкомъ туманно.

Четвертое измѣреніе можно бы было считать доказаннымъ математически только тогда, когда было бы опредѣлено направленіе неизвѣстной линіи, идущей отъ любой точки нашего пространства въ область четвертаго измѣренія, т. е. найденъ способъ построенія четвертаго перпендикуляра.

Трудно даже приблизительно обрисовать, какое значеніе для всего нашего знанія могло бы имѣть открытіе четвертаго измѣренія въ нашей вселенной. Завоеваніе воздуха, установленіе сношеній и сообщеній съ другими планетами, или другими солнечными системами,—все это было бы ничто въ сравненіи съ открытіемъ новаго измѣренія. Но пока этого нѣтъ. Мы должны признать, что наша математика безсильна передъ загадкой четвертаго измѣренія,—и попытаться разсмотрѣть вопросъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые намъ доступны.

При болѣе близкомъ и точномъ изслѣдованіи самой задачи, мы приходимъ къ заключенію, что такъ и должно быть. Чисто математическая проблема четвертаго измѣренія не можетъ быть разрѣшена *математическимъ* путемъ. Нашей геометріи трехъ измѣреній недостаточно для изслѣдованія вопроса о четвертомъ измѣреніи, такъ же какъ одной планиметріи недостаточно для изслѣдованія вопросовъ стереометріи. Мы должны найти четвертое измѣреніе, если оно существуетъ, чисто опытнымъ путемъ,—и найти способъ его перспективнаго изображенія въ трехмѣрномъ пространствѣ. Только тогда мы будемъ въ состояніи создать геометрію четырехъ измѣреній.

Уже самое поверхностное знакомство съ проблемой четвертаго измѣренія показываетъ, что ее необходимо изучать со стороны психологіи и физики.

Четвертое измѣреніе непостижимо. Если оно существуетъ, то очевидно въ нашей психикѣ; въ нашемъ воспринимательномъ аппаратѣ чего-то не хватаетъ; очевидно въ нашихъ органахъ чувствъ не отражаются явленія, происходящія въ области четвертаго измѣренія. Мы должны разобрать, почему это можетъ быть, отъ какихъ нашихъ психо-физическихъ дефектовъ зависитъ наша невоспріимчивость; и найти условія (хотя бы теоретическія), при

которыхъ четвертое измѣреніе можетъ стать понятнымъ и доступнымъ намъ. Все это вопросы, относящіеся къ психологіи, точнѣе къ психо-физіологіи.

Затѣмъ мы знаемъ, что область четвертаго измѣренія (разумѣется опять, если она существуетъ) не только непостижима для насъ психически, но и *недоступна* чисто физически. Это уже должно зависѣть не отъ нашихъ дефектовъ, а отъ особыхъ свойствъ и условій области четвертаго измѣренія. Нужно разобрать, что это за условія, дѣлающія область четвертаго измѣренія недоступной для насъ, найти отношенія физическихъ условій области четвертаго измѣренія къ физическимъ условіямъ нашего міра,—посмотрѣть, нѣтъ-ли въ окружающемъ насъ мірѣ чего-либо похожаго на эти условія, нѣтъ-ли отношеній, аналогичныхъ отношеніямъ между областями трехъ и четырехъ измѣреній.

Говоря вообще, прежде чѣмъ пытаться строить геометрію четырехъ измѣреній, нужно создать физику четырехмѣрнаго пространства, т. е. найти и опредѣлить физическіе законы и условія, могущіе существовать въ этой области.

Иногда для проблемы четвертаго измѣренія пытаются найти очень легкое разрѣшеніе, разсматривая *время* какъ четвертое измѣреніе пространства. Этотъ взглядъ основывается на томъ соображеніи, что въ кинематикѣ время считается такимъ же непремѣннымъ условіемъ движенія, какъ пространство. И эта связь между временемъ и пространствомъ позволяетъ, какъ будто, разсматривать время, какъ одно изъ измѣреній пространства. Такое умозаключеніе очень соблазнительно, но оно не разрѣшаетъ вопроса, и время, взятое въ качествѣ четвертаго измѣренія пространства, совершенно не удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ области высшаго измѣренія. Прежде всего оно не заключаетъ въ себѣ идеи *пространства, лежащаго рядомъ съ нашимъ пространствомъ.* Всѣ вопросы, поставленные въ связи съ четвертымъ измѣреніемъ, остаются открытыми.

Нѣтъ въ сущности ничего, что мѣшало бы разсматривать время какъ четвертое измѣреніе пространства. Но можно замѣтить, что тогда сейчасъ же возникаетъ вопросъ о *пятомъ измѣреніи*, такъ какъ все загадочное остается по прежнему загадочнымъ. Нужно еще помнить, что теорія времени, какъ четвертаго измѣренія пространства, стоитъ въ самой тѣсной связи съ *детерминизмомъ,* являясь его крайней формой, крайнимъ выраженіемъ.

Именно, эта теорія имѣетъ слѣдующее значеніе. Если время есть измѣреніе пространства, то значитъ мы двигаемся по неподвижному пространству времени, такъ же какъ можемъ двигаться по трехмѣрному пространству. Это значитъ, что событія не случаются, а существуютъ. Мы только проходимъ мимо нихъ и черезъ нихъ. И сзади насъ они остаются такими же, какими были при насъ, и какими были прежде, чѣмъ мы до нихъ дошли. По этой теоріи, прошедшаго и будущаго нѣтъ, есть только одно настоящее, по которому мы двигаемся. Или, выражаясь иначе и точнѣе, наши тѣла и все, что мы видимъ, *имѣетъ протяженіе во времени.* Измѣненія съ теченіемъ времени не существуетъ, есть только различный видъ, въ различныхъ пунктахъ этого протяженія.

Это опредѣленіе, при всей его философской заманчивости, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ поставленному нами вопросу. Вопросъ заключается въ томъ:—существуетъ или не существуетъ, гдѣ то рядомъ съ нами, недоступное намъ и непостижимое для насъ пространство?—*Время* на этотъ вопросъ не отвѣчаетъ. О немъ можно сказать только одно, что *время является непремѣннымъ условіемъ воспріятія всякаго пространства*, необходимымъ дополненіемъ ко всякому числу измѣреній. Т. е., число измѣреній въ трехмѣрномъ пространствѣ (если брать время какъ четвертое измѣреніе пространства) нужно считать 3 + 1; — въ четырехмѣрномъ пространствѣ 4 + 1; — вообще по этой теоріи постояннаго существованія и *протяженности во времени* число измѣреній всегда нужно считать n + 1, и 1 будетъ означать время.

Глава II.

Работы по четвертому измѣренію. Фехнеръ. Цолльнеръ. Хинтонъ. Система упражненія сознанія для постиженія четвертаго измѣренія. Кубы Хинтона. Его идея. Уничтоженіе личнаго элемента въ представленіяхъ. Вещи какъ онѣ есть и вещи какъ онѣ кажутся. Искаженіе видимаго міра нашимъ глазомъ. Можно-ли представить себѣ кубъ не въ перспективѣ? Зрѣніе не въ перспективѣ. Высшее сознаніе.

Надъ проблемой четвертаго измѣренія работали очень многіе.

Фехнеръ много писалъ о четвертомъ измѣреніи. Изъ его разсужденій о мірахъ одного, двухъ, трехъ и четырехъ измѣреній вытекаетъ очень интересный методъ изслѣдованія четвертаго измѣренія путемъ аналогій между мірами различныхъ измѣреній, т. е., между воображаемымъ міромъ на плоскости и нашимъ міромъ,

и между нашимъ міромъ и міромъ четырехъ измѣреній. Этимъ методомъ пользуются почти всѣ занимавшіеся вопросомъ о высшихъ измѣреніяхъ. И намъ придется съ нимъ дальше познакомиться.

Цолльнеръ выводилъ теорію четвертаго измѣренія изъ наблюденій надъ медіумическими явленіями, главнымъ образомъ надъ явленіями такъ называемой *матеріализаціи*, и былъ очень близокъ къ правильному опредѣленію четвертаго измѣренія со стороны физики.

Очень интересную сводку почти всего, что писалось раньше о четвертомъ измѣреніи, между прочимъ и попытки опредѣленія его математическимъ путемъ, мы находимъ въ книгахъ одного американскаго автора Хинтона (C. H. Hinton). Эти книги: „Новая эра мысли“ (The New Era of Thought) и „Четвертое измѣреніе“ (The Fourth Dimension) содержатъ, кромѣ описанія работъ предшественниковъ Хинтона въ этомъ вопросѣ, много собственныхъ идей Хинтона, много дѣйствительно цѣннаго и много чистой софистики, которой вообще набирается очень много кругомъ вопроса о четвертомъ измѣреніи.

Разобраться въ книгахъ Хинтона очень не легко, такъ какъ онъ часто увлекается самымъ ходомъ своихъ разсужденій и заходитъ въ стороны отъ главнаго вопроса.

У Хинтона есть попытки опредѣленія четвертаго измѣренія и со стороны физики, и со стороны психологіи. Большое мѣсто въ его книгахъ занимаетъ описаніе изобрѣтеннаго имъ метода пріученія сознанія къ постиженію четвертаго измѣренія. Это длинный рядъ упражненій воспринимающаго и представляющаго аппаратовъ сознанія съ серіями различно окрашенныхъ кубовъ, которые нужно запоминать въ одномъ положеніи, потомъ въ другомъ, въ третьемъ, и затѣмъ стараться представлять себѣ въ новыхъ комбинаціяхъ.

Лицамъ, интересующимся этимъ методомъ, придется обратиться къ книгамъ Хинтона, (т. е., главнымъ образомъ къ книгѣ (The Fourth Dimension), такъ какъ вкратцѣ изложить систему этихъ упражненій невозможно. *).

---

*) Основная идея Хинтона, руководившая имъ при созданіи этого метода упражненій, заключается въ томъ, что для пробужденія „высшаго сознанія“ необходимо „уничтожить себя“ въ представленіи и познаваніи міра, т. е., пріучиться познавать и представлять себѣ міръ *не съ личной точки зрѣнія* (какъ мы обыкновенно познаемъ и представляемъ), *а такъ, какъ онъ есть*. При этомъ прежде нужно выучиться *представлять* себѣ вещи не такими, какими онѣ кажутся,

Изслѣдовать здѣсь всѣ вопросы, возникающіе въ связи съ вопросомъ о четвертомъ измѣреніи, мы не имѣемъ возможности. Настоящая работа имѣетъ въ виду главнымъ образомъ изученіе физическихъ условій четырехмѣрнаго пространства;—движенія по четвертому измѣренію;—построенія тѣхъ четырехъ измѣреній и т. д. „Психологія второго сознанія“ должна составить тему другой работы, которая явится продолженіемъ „Четвертаго измѣренія“.— Въ дальнѣйшемъ изложеніи теоріи четвертаго измѣренія намъ еще

а такими, какія онѣ есть, а затѣмъ уже должна явиться способность и *познавать* ихъ такими, какія онѣ есть.

Первое упражненіе, приводимое Хинтономъ, состоитъ въ изученіи куба, составленнаго изъ 27 меньшихъ кубиковъ, окрашенныхъ въ различные цвѣта и имѣющихъ опредѣленныя названія. Изучивъ, твердо, кубъ, составленный извѣстнымъ образомъ изъ меньшихъ кубовъ, мы должны перевернуть его и изучить (т. е., стараться запоминать) въ обратномъ порядкѣ. Потомъ опять перевернуть кубики извѣстнымъ образомъ и запоминать въ такомъ порядкѣ и т. д. Въ результатѣ, какъ говоритъ Хинтонъ, можно въ изучаемомъ кубѣ совсѣмъ уничтожить понятія вверху и внизу, справа и слѣва и пр. и знать его независимо отъ взаимнаго положенія составляющихъ его кубиковъ, т. е., вѣроятно, представлять одновременно въ различныхъ комбинаціяхъ. Это будетъ первымъ шагомъ къ уничтоженію личнаго элемента въ представленіи о кубѣ. Дальше, описывается длинная система упражненій съ серіями различно окрашенныхъ и имѣющихъ различныя названія кубовъ, изъ которыхъ составляются разныя фигуры. Все съ той же цѣлью уничтожить личный элементъ въ представленіяхъ и такимъ образомъ развить высшее сознаніе.

У Хинтона не вполнѣ ясно:—что значитъ это уничтоженіе личнаго элемента и развитіе высшаго сознанія,—а также, какіе именно результаты дадутъ рекомендуемыя имъ упражненія съ кубами. Между тѣмъ, на эти вопросы можно отвѣтить вполнѣ опредѣленно, основываясь на его же разсужденіяхъ.

Если существуетъ способность зрѣнія въ четвертомъ измѣреніи, если мы можемъ видѣть предметы нашего міра изъ четвертаго измѣренія, то мы будемъ видѣть ихъ совсѣмъ иначе, не такъ, какъ видимъ обыкновенно.

Обыкновенно мы видимъ предметы вверху, или внизу отъ насъ, или на одномъ уровнѣ съ нами, справа, слѣва, сзади отъ насъ, или прямо передъ нами и всегда съ одной стороны, обращенной къ намъ, и въ перспективѣ. Нашъ глазъ крайне несовершенный аппаратъ, онъ даетъ намъ въ высшей степени неправильную картину міра. То, что мы называемъ перспективой, есть, въ сущности, искаженіе видимыхъ предметовъ, производимое плохо устроеннымъ оптическимъ аппаратомъ—глазомъ. Мы видимъ предметы искаженными. И точно также представляемъ себѣ ихъ. Представляемъ мы ихъ себѣ такъ исключительно въ силу привычки такъ ихъ видѣть, вслѣдствіе привычки созданной нашимъ дефективнымъ зрѣніемъ, ослабившимъ и способность представленія. Но у насъ нѣтъ никакой физической необходимости *представлять* себѣ предметы внѣшняго міра непремѣнно искаженными. Способность представленія совсѣмъ не ограничена способностью зрѣнія. Мы видимъ предметы искаженными. Но знаемъ такими, какіе они есть. И мы можемъ отдѣлаться отъ привычки представлять предметы такими, какими мы

нѣсколько разъ придется возвращаться къ работамъ Хинтона. Разсужденія эти страннымъ образомъ незакончены,—во многихъ случаяхъ не сдѣланы выводы, напрашивающіеся сами собою, въ другихъ случаяхъ выводы сдѣланы невѣрно. Но все это даже вмѣстѣ взятое не уменьшаетъ цѣнности работъ Хинтона, такъ какъ, при всей своей незаконченности, онѣ заставляютъ думать въ непривычныхъ направленіяхъ и вносятъ много новаго въ самыя разнообразныя области нашего знанія.

ихъ видимъ, и научиться представлять ихъ себѣ такими, какіе они, какъ мы знаемъ, есть. Идея Хинтона и заключается въ томъ, что прежде чѣмъ думать о развитіи способности *зрѣнія* въ четвертомъ измѣреніи, нужно выучиться *представлять* себѣ предметы такъ, *какъ они были бы видны изъ четвертаго измѣренія,* т. е., прежде всего не въ перспективѣ, а сразу со всѣхъ сторонъ, какъ знаетъ ихъ наше сознаніе. Эта способность и должна быть развита упражненіями Хинтона. Развитіе способности представлять себѣ предметы сразу со всѣхъ сторонъ будетъ уничтоженіемъ личнаго элемента (уничтоженіемъ себя) въ представленіяхъ. Уничтоженіе личнаго элемента въ представленіяхъ должно, по мнѣнію Хинтона, повести къ уничтоженію личнаго элемента въ воспріятіяхъ. Такимъ образомъ, развитіе способности представлять себѣ предметы сразу со всѣхъ сторонъ будетъ первымъ шагомъ къ развитію способности видѣть предметы такими, какіе они есть, т. е., къ развитію того, что Хинтонъ называетъ *высшимъ сознаніемъ.*

Упражненія Хинтона должны развить способность представлять себѣ кубъ и затѣмъ любую геометрическую фигуру сразу со всѣхъ сторонъ и изнутри. У него это выражено довольно темно, но онъ самъ говоритъ, что мышленіе въ пространствѣ высшаго измѣренія означаетъ способность охватывать одновременно большее число деталей. И развитіе такой способности будетъ процессомъ постепеннаго освобожденія мышленія отъ личныхъ элементовъ.

Такимъ образомъ изученіе системъ кубовъ, изобрѣтенное и предлагаемое Хинтономъ, должно дать возможность представлять себѣ мысленно любой предметъ не въ перспективѣ, а сразу со всѣхъ сторонъ. Со стороны психологіи въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Нѣкоторые люди обладаютъ такой способностью безъ всякихъ упражненій, другіе иногда *видятъ во снѣ* предметы со всѣхъ сторонъ одновременно. Искусственное развитіе такой способности должно сильно расширить сознаніе и вѣроятно должно приблизить къ пониманію четвертаго измѣренія, такъ какъ, если способность видѣть въ четвертомъ измѣреніи существуетъ, то предметы тамъ должны являться сознанію не въ перспективѣ, не искаженными, а сразу со всѣхъ сторонъ, такъ, какъ они есть.

Къ „высшему сознанію“ можетъ относиться способность „интуиціи“, интуитивнаго познаванія, являющагося функціей „подсознанія“, или второго сознанія. Очень можетъ быть, что Хинтонъ хочетъ сказать, что уничтоженіе себя въ представленіяхъ ведетъ къ развитію способности интуиціи, т. е., непосредственнаго познаванія.

Глава III.

Геометрія четырехъ измѣреній. Линія, какъ слѣдъ отъ движенія точки. Квадратъ, какъ слѣдъ отъ движенія линіи. Кубъ, какъ слѣдъ отъ движенія квадрата. Фигура четырехъ измѣреній «тессарактъ», какъ слѣдъ отъ движенія куба въ пространствѣ. Линія, какъ безконечное число точекъ. Квадратъ, какъ безконечное число линій. Кубъ, какъ безконечное число квадратовъ. «Тессарактъ», какъ безконечное число кубовъ. Можно ли вычислить, сколько точекъ, линій и поверхностей долженъ имѣть тессарактъ.

Со стороны математики вопросъ о четвертомъ измѣреніи можно разсматривать слѣдующимъ образомъ.

Намъ извѣстны геометрическія фигуры трехъ родовъ:

Одного измѣренія—линіи.

Двухъ измѣреній—плоскости.

Трехъ измѣреній—тѣла.

При этомъ, линію мы разсматриваемъ какъ слѣдъ отъ движенія точки въ пространствѣ. Плоскость—какъ слѣдъ отъ движенія линіи въ пространствѣ. Тѣло—какъ слѣдъ отъ движенія плоскости въ пространствѣ.

Представимъ себѣ прямую линію, ограниченную двумя точками; эту линію обозначимъ буквой a. Представимъ себѣ, что эта линія (т. е. всѣ точки, входящія въ нее) движется въ пространствѣ, въ направленіи перпендикулярномъ себѣ самой, и оставляетъ слѣдъ своего движенія. Когда она пройдетъ разстояніе, равное своей длинѣ, то ея слѣдъ будетъ имѣть видъ квадрата, стороны котораго равны линіи a, a^2.

Представимъ себѣ, что этотъ квадратъ (т. е. всѣ его точки) движется въ пространствѣ по направленію, перпендикулярному къ двумъ смежнымъ сторонамъ квадрата, и оставляетъ слѣдъ своего движенія. Когда онъ пройдетъ разстояніе, равное длинѣ сторонъ квадрата, то его слѣдъ будетъ имѣть видъ куба a^3.

Теперь, если мы предположимъ движеніе куба въ пространствѣ, то какой видъ будетъ имѣть слѣдъ отъ этого движенія т. е. фигура a^4?

Разсматривая отношенія фигуръ одного, двухъ и трехъ измѣреній, т. е. линій, плоскостей и тѣлъ,—мы можемъ вывести правило, что *фигуру высшаго измѣренія можно разсматривать какъ слѣдъ отъ движенія фигуры низшаго измѣренія.*

На основаніи этого правила мы можемъ разсматривать фигуру a^4 какъ слѣдъ отъ движенія куба въ пространствѣ.

Что же это за движеніе куба въ пространствѣ, слѣдъ отъ котораго является фигурой четырехъ измѣреній?

Если мы разсмотримъ, какимъ образомъ фигура высшаго измѣренія строится движеніемъ фигуры низшаго измѣренія,—то мы увидимъ нѣсколько общихъ свойствъ этихъ построеній, нѣсколько общихъ законовъ.

Именно, когда мы разсматриваемъ квадратъ, какъ слѣдъ отъ движенія линіи, то мы знаемъ, что въ пространствѣ двигались всѣ точки линіи; когда мы разсматриваемъ кубъ, какъ слѣдъ отъ движенія квадрата, то мы знаемъ, что двигались всѣ точки квадрата. И при этомъ:—линія двигается по направленію перпендикулярному къ себѣ самой; квадратъ по направленію перпендикулярному къ своимъ двумъ измѣреніямъ.

Слѣдовательно, если мы будемъ разсматривать фигуру a^4 какъ слѣдъ отъ движенія куба въ пространствѣ, то мы должны помнить, что въ пространствѣ двигались всѣ точки даннаго куба. При этомъ, по аналогіи съ предыдущимъ, мы можемъ заключить, что кубъ двигался въ пространствѣ по направленію, въ немъ самомъ не заключающемуся, т. е. по направленію, перпендикулярному къ его тремъ измѣреніямъ. Это направленіе и есть *четвертый перпендикуляръ*, котораго мы не знаемъ въ нашемъ пространствѣ и въ нашей геометріи трехъ измѣреній.

Затѣмъ:—линію мы можемъ разсматривать, какъ безконечное число точекъ, квадратъ какъ безконечное число линій;—кубъ, какъ безконечное число квадратовъ.

По аналогіи съ этимъ фигуру a^4 можно разсматривать какъ безконечное число кубовъ.

Дальше, смотря на квадратъ, мы видимъ однѣ линіи,—смотря на кубъ—видимъ его поверхности, или даже одну изъ этихъ поверхностей.

Весьма возможно, что фигура a^4 будетъ представляться намъ въ видѣ куба. *).

---

*) Въ одной изъ своихъ первыхъ работъ Хинтонъ вычисляетъ—сколько точекъ, линій и поверхностей можетъ быть въ тессарактѣ, т. е. въ фигурѣ a^4.

Линія a, разсуждаетъ онъ, имѣетъ въ концахъ двѣ точки, при движеніи линіи въ пространствѣ каждая изъ точекъ оставляетъ слѣдъ въ видѣ линіи. Сама же линія, оставивъ свой слѣдъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, проходитъ путь равный своей собственной длинѣ, и останавливается, образуя опять линію. Такимъ образомъ при построеніи высшей фигуры a^2 двѣ точки, имѣвшіяся въ линіи a, (т. е. въ низшей фигурѣ) чертятъ по одной линіи и сами удваиваются, линія также удваивается.

При построеніи куба движеніемъ квадрата происходитъ то же самое. Каждая изъ четырехъ точекъ квадрата чертитъ по одной линіи и сама удваивается. Каж-

Таковы нѣкоторыя свойства тѣлъ четырехъ измѣреній. Фигуру a^4 Хинтонъ называетъ „тессарактомъ". Разумѣется это только примѣръ фигуры четырехъ измѣреній. Математически мы вообще можемъ разсматривать фигуру четырехъ измѣреній какъ слѣдъ отъ движенія въ пространствѣ фигуры трехъ измѣреній. Нѣтъ никакой надобности брать непремѣнно движеніе куба въ пространствѣ: точно также можетъ двигаться по четвертому измѣренію шаръ, пирамида, всякая другая фигура, и слѣдъ отъ ея движенія будетъ фигурой четырехъ измѣреній. Дальше мы подробно разсмотримъ, чѣмъ можетъ отличаться тѣло четырехъ измѣреній отъ тѣла трехъ измѣреній.

дая изъ четырехъ линій чертитъ по одной плоскости и удваивается. Плоскость, ограниченная четырьмя линіями и составляющая квадратъ, удваивается.

Линія a имѣетъ двѣ точки и одну линію.

Квадратъ a^2 имѣетъ восемь точекъ, двѣнадцать линій и шесть сторонъ, т. е. поверхностей.

Изъ приведеннаго правила образованія высшей фигуры изъ низшей можно вывести правило.

При образованіи фигуры высшаго измѣренія движеніемъ въ пространствѣ фигуры низшаго измѣренія, число точекъ низшей фигуры удваивается, число линій такъ же удваивается, и при этомъ каждая имѣвшаяся точка чертитъ по одной линіи. Число плоскостей удваивается, и при этомъ каждая имѣвшаяся линія чертитъ по одной плоскости.

На основаніи этого правила является возможнымъ опредѣлить составныя части фигуры a^4.

Въ кубѣ 8 точекъ, 12 линій и 6 поверхностей, или сторонъ.

Число точекъ удваивается:

$$8 \cdot 2 = 16.$$

Число линій удваивается и къ нимъ прибавляется число линій, полученныхъ отъ движенія восьми точекъ:

$$12 \cdot 2 + 8 = 32.$$

Число поверхностей удваивается и къ нимъ прибавляется число поверхностей, полученное отъ движенія двѣнадцати линій:

$$6 \cdot 2 + 12 = 24.$$

Слѣдовательно на основаніи приведеннаго правила, въ фигурѣ a^4 получается:—16 точекъ, 32 линіи и 24 квадратныхъ поверхности.

Казалось бы, что тессарактъ опредѣленъ почти вполнѣ. Но на самомъ дѣлѣ, какъ ни заманчивы эти вычисленія числа точекъ, линій и поверхностей въ тессарактѣ, они не даютъ ничего реальнаго и только запутываютъ вопросъ, заводя насъ въ тупой уголъ. Можно на основаніи того же правила вычислять число геометрическихъ составныхъ частей въ фигурѣ пятаго, шестого, седьмого измѣреній и дальше хоть до безконечности, но всѣ эти вычисленія ни на одну іоту не подвинутъ насъ къ пониманію высшаго измѣренія.

Глава IV.

Письмо Н. А. Морозова о четвертомъ измѣреніи къ товарищамъ по заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости. Воображаемый міръ тѣней на поверхности Ладожскаго озера. Какими казались бы люди существамъ двухъ измѣреній? Таинственныя существа, появляющіяся неизвѣстно откуда и мѣняющія свой видъ. Люди и существа четырехъ измѣреній. «Духи». Спиритическія явленія по наблюденіямъ Н. А. Морозова.

На русскомъ языкѣ интересна небольшая статья о четвертомъ измѣреніи Н. А. Морозова, напечатанная года два тому назадъ въ журналѣ „Современный Міръ". Это было письмо, написанное въ 1891 г. къ товарищамъ по заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости. Оно интересно главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ изложены въ очень картинной формѣ основныя положенія того метода разсужденія о четвертомъ измѣреніи, который намъ дальше понадобится. Этотъ методъ (Фехнера) заключается въ аналогіяхъ между воображаемымъ „міромъ двухъ измѣреній", „вселенной на плоскости" и нашимъ міромъ, а затѣмъ между нашимъ міромъ и міромъ четырехъ измѣреній. Именно изъ отношеній плоскаго міра къ нашему выводятся отношенія, которыя должны бы были существовать между нашимъ міромъ и міромъ четырехъ измѣреній. Начало статьи Н. А. Морозова очень интересно, но въ своихъ конечныхъ заключеніяхъ о томъ, что могло бы находиться въ области четвертаго измѣренія, онъ вдругъ необыкновенно съуживаетъ свой взглядъ, закрываетъ глаза почти на половину того, что насъ окружаетъ, и относитъ къ четвертому измѣренію только „духовъ", *не появляющихся*, по его мнѣнію, на спиритическихъ сеансахъ. А затѣмъ, отрицая духовъ, отрицаетъ и четвертое измѣреніе. Время, какъ четвертое измѣреніе пространства, тоже занимаетъ Н. А. Морозова. Но о томъ, какое это можетъ имѣть значеніе, мы уже говорили.

Предполагается, что въ четвертомъ измѣреніи не можетъ существовать крѣпостныхъ стѣнъ, и, вѣроятно, поэтому четвертое измѣреніе являлось одной изъ любимыхъ темъ разговоровъ, которые велись въ Шлиссельбургѣ при помощи перестукиванія.

На одинъ изъ такихъ разговоровъ отвѣчаетъ Н. А. Морозовъ въ своемъ письмѣ.

— Дорогіе мои друзья, пишетъ онъ, вотъ и кончается наше короткое Шлиссельбургское лѣто и наступаютъ темныя осеннія таинственныя ночи. Въ эти ночи, спускающіяся чернымъ покровомъ надъ

кровлей нашей темницы и окутывающія непроглядной мглою нашъ маленькій островокъ съ его старинными башнями и бастіонами, невольно кажется, что тѣни погибшихъ здѣсь товарищей и нашихъ предшественниковъ невидимо летаютъ кругомъ этихъ камеръ, заглядываютъ въ наши окна и вступаютъ съ нами, еще живыми, въ таинственныя сношенія. Да и сами мы развѣ не тѣни того, чѣмъ когда то были? Развѣ мы не превратились уже въ какихъ то стучащихъ духовъ, фигурирующихъ на спиритическихъ сеансахъ и невидимо переговаривающихся между собой черезъ раздѣляющія насъ каменныя стѣны?

— Весь этотъ день я думалъ о вашемъ сегодняшнемъ спорѣ по поводу четвертаго, пятаго и другихъ, недоступныхъ намъ, измѣреній пространства вселенной. Я изо всѣхъ силъ старался представить въ своемъ воображеніи, по крайней мѣрѣ, хоть четвертое измѣреніе міра, то самое, по которому, какъ утверждаютъ метафизики, всѣ наши замкнутые предметы могутъ неожиданно оказаться открытыми и по которому въ нихъ могутъ проникать существа, способныя двигаться не только по нашимъ тремъ, но и по этому четвертому, непривычному для насъ, измѣренію.

— Вы требуете отъ меня научной обработки вопроса. Будемъ говорить пока о мірѣ только двухъ измѣреній, и потомъ увидимъ, не дастъ ли онъ намъ возможности сдѣлать какія-либо умозаключенія и объ остальныхъ мірахъ.

Предположимъ, что какая-нибудь плоскость, ну хоть та, что отдѣляетъ поверхность окружающаго насъ Ладожскаго озера, въ этотъ тихій осенній вечеръ, отъ находящейся надъ нимъ атмосферы—есть особый міръ двухъ измѣреній, населенный своими существами, которыя могутъ двигаться только по этой плоскости, подобно тѣмъ тѣнямъ ласточекъ и чаекъ, которыя пробѣгаютъ по всѣмъ направленіямъ, по гладкой поверхности, окружающей насъ, но никогда невидимой нами, за этими бастіонами, воды.

Предположимъ, что, убѣжавъ за наши шлиссельбургскіе бастіоны, вы пошли купаться въ озеро.

Какъ существа трехъ измѣреній, вы имѣете и тѣ два, которыя лежатъ на поверхности воды. Вы займете опредѣленное мѣсто въ этомъ мірѣ тѣнеобразныхъ существъ. Всѣ части вашего тѣла выше и ниже уровня воды будутъ для нихъ неощутимы и только тотъ вашъ контуръ, который опоясывается поверхностью озера, будетъ для нихъ вполнѣ доступенъ. Вашъ контуръ долженъ показаться имъ предметомъ ихъ собственнаго міра, но только чрезвычайно удивительнымъ и чудеснымъ. Первое чудо, съ ихъ точки зрѣнія,

будетъ ваше неожиданное появленіе среди нихъ. Можно сказать съ полной увѣренностью, что эффектъ, который вы этимъ произвели, ничѣмъ не уступитъ неожиданному появленію между нами самими какого-либо духа изъ невѣдомаго міра. Второе чудо—это необыкновенная измѣнчивость вашего вида. Когда вы погружаетесь до пояса, ваша форма будетъ для нихъ почти элиптическая, такъ какъ для нихъ будетъ замѣтенъ только тотъ кружокъ на поверхности воды, который охватываетъ вашу талію и непроницаемъ для нихъ. Когда вы начнете плавать, вы примете въ ихъ глазахъ форму человѣческаго абриса. Когда выйдете на неглубокое мѣсто, такъ чтобы обитаемая ими поверхность окаймляла только ваши ноги, вы покажетесь имъ обратившимися въ два круговидныя существа. Если, желая удержать васъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, они окружили бы васъ со всѣхъ сторонъ, вы могли бы перешагнуть черезъ нихъ и очутиться на свободѣ, непостижимымъ для нихъ способомъ. Вы были бы для нихъ всесильными существами,—жителями высшаго міра, подобными тѣмъ сверхъестественнымъ существамъ, о которыхъ повѣствуютъ теологи и метафизики.

Теперь, если мы предположимъ, что кромѣ этихъ двухъ міровъ, плоскаго и нашего, есть еще міръ четырехъ измѣреній, высшій чѣмъ нашъ, то ясно, что жители его по отношенію къ намъ будутъ такими же, какими были мы сейчасъ для жителей плоскости. Они должны такъ же неожиданно появляться передъ нами и по произволу исчезать изъ нашего міра, уходя по четвертому, или какимъ-либо инымъ высшимъ измѣреніямъ.

Однимъ словомъ полная аналогія до сихъ поръ, но только до сихъ поръ. Дальше въ этой же аналогіи мы найдемъ полное опроверженіе всѣхъ своихъ предположеній.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы существа четырехъ измѣреній не были бы нашимъ вымысломъ, ихъ появленія среди насъ были бы обычными, ежедневными явленіями.

Дальше въ своемъ письмѣ Н. А. Морозовъ разбираетъ, имѣемъ ли мы какія-нибудь основанія думать, что такія „сверхъестественныя“ существа есть на самомъ дѣлѣ, и приходитъ къ заключенію, что никакихъ основаній мы для этого не имѣемъ, если не хотимъ вѣрить сказкамъ.

Единственныя, заслуживающія вниманія, указанія на такихъ существъ Н. А. Морозовъ находитъ въ ученіи спиритовъ. Но его опыты со „спиритизмомъ“ убѣдили его, что спиритическіе сеансы,

при всей наличности странныхъ явленій, происходятъ безъ всякаго участія „духовъ“.

Такъ называемое „автоматическое письмо“, приводимое какъ доказательство участія въ сеансѣ разумныхъ силъ изъ нездѣшняго міра, по его наблюденіямъ является результатомъ *чтенія мыслей.* „Медіумъ“ сознательно или безсознательно „читаетъ“ мысли присутствующихъ и получаетъ изъ ихъ мыслей отвѣты на ихъ вопросы. Н. А. Морозовъ присутствовалъ на многихъ сеансахъ и не встрѣтилъ случая, когда въ получаемыхъ отвѣтахъ говорилось что-либо неизвѣстное никому изъ присутствующихъ, или когда отвѣты получались бы на неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ языкѣ.

Не сомнѣваясь въ искренности большинства спиритовъ, Н. А. Морозовъ заключаетъ, что духи здѣсь не при чемъ.

По его словамъ его практика со спиритизмомъ окончательно убѣдила его, много лѣтъ тому назадъ, въ отсутствіи явленій, которыя онъ относилъ къ четвертому измѣренію.—Онъ говоритъ, что отвѣты на спиритическихъ сеансахъ даются безсознательно самими присутствующими, и что *поэтому* всѣ предположенія о существованіи „четвертаго измѣренія“—чистая фантазія.

Глава V.

Логическая необходимость гипотезы четвертаго измѣренія и возможность ея безъ какого-либо отношенія къ «спиритизму». Замѣчанія о спиритизмѣ. Медіумизмъ не есть непремѣнно спиритизмъ. Мнѣніе А. Н. Аксакова. Явленія помимо «духовъ», которыя могутъ быть отнесены къ четвертому измѣренію. Міръ вѣчнаго чуда, въ которомъ мы живемъ. Необъяснимое или неизмѣримое? Неизмѣримое въ живой клѣткѣ. Неизмѣримое въ человѣкѣ. Чего больше въ человѣкѣ -измѣримаго или неизмѣримаго? Знаемъ ли мы, что такое человѣкъ?

Заключеніе Н. А. Морозова совершенно неожиданно, и непонятно, откуда оно взялось. Мы не будемъ разбирать здѣсь его мнѣнія о „спиритизмѣ“. То же самое, что и онъ, говорятъ многіе другіе. Только нельзя это мнѣніе признать рѣшающимъ, такъ какъ наблюденія Н. А. Морозова и другихъ изслѣдователей обыкновенно далеко не охватываютъ всего круга медіумическихъ явленій *); но

*) Одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ изслѣдователей медіумизма А. Н. Аксаковъ раздѣлялъ явленія, происходящія на сеансахъ, на три группы. Явленія первой группы, (наиболѣе часто встрѣчающіяся) онъ находилъ возможнымъ объяснить безъ всякаго участія духовъ, *дѣйствіемъ скрытыхъ силъ человѣка.* Эти скрытыя силы Аксаковъ опредѣлялъ общимъ именемъ „анимизма“. Явленія второй группы, по мнѣнію Аксакова, можно объяснить и участіемъ духовъ и однимъ „ани-

даже не касаясь этого,—непонятно и неизвѣстно—почему Н. А. Морозовъ отождествляетъ четвертое измѣреніе со „спиритическими" явленіями и почему, отрицая „духовъ", отрицаетъ четвертое измѣреніе. Его предыдушія разсужденія совсѣмъ не приводили къ этому. Кромѣ „духовъ" существуетъ множество явленій, вполнѣ реальныхъ для насъ, т. е. привычныхъ и ежедневныхъ, но совершенно необъяснимыхъ безъ помощи гипотезъ, приближающихъ эти явленія къ міру четырехъ измѣреній. Мы только слишкомъ привыкли къ этимъ явленіямъ и не замѣчаемъ ихъ „чудесности", не замѣчаемъ того, что живемъ въ мірѣ вѣчнаго чуда, въ мірѣ таинственнаго, необъяснимаго, и—главное -неизмѣримаго.

Н. А. Морозовъ описываетъ, какими чудесными явятся наши трехмѣрныя тѣла для плоскихъ существъ, какъ они будутъ неизвѣстно откуда появляться и неизвѣстно куда исчезать, подобно духамъ, появляющимся изъ невѣдомаго міра.

Но развѣ мы сами не являемся въ дѣйствительности такими же фантастическими, мѣняющими свой видъ существами, для любого неподвижнаго предмета, для камня, для дерева? Наконецъ, развѣ мы не обладаемъ свойствами „высшихъ существъ" для животныхъ? И развѣ для насъ самихъ не существуютъ явленія, напримѣръ, всѣ явленія жизни, неизвѣстно откуда появляющіяся и неизвѣстно куда уходящія?

Продолжая разсужденія Н. А. Морозова объ отношеніяхъ міра трехъ измѣреній къ міру четырехъ измѣреній, мы не имѣемъ никакихъ основаній искать этотъ послѣдній только въ области „спиритизма".

Возьмемъ живую клѣтку. Она можетъ быть совершенно равна —и въ длину, и въ ширину, и въ высоту—другой мертвой клѣткѣ. И всетаки въ *живой* клѣткѣ есть что-то, чего нѣтъ въ *мертвой*, и что-то, чего мы не можемъ измѣрить.

мизмомъ". И только явленія третьей группы, случающіяся въ высшей степени рѣдко, Аксаковъ не находилъ возможнымъ объяснить, не предполагая участія разумныхъ силъ изъ нездѣшняго міра. Въ настоящее время, не признавать совершенно важности и интереса явленій, происходящихъ на сеансахъ, можетъ только человѣкъ, совершенно незнакомый съ вопросомъ и съ практикой медіумизма. Но позитивисты склонны объяснять всѣ явленія анимизмомъ (хотя они и не употребляютъ этого термина), т. е. скрытыми, еще не изслѣдованными, или мало изслѣдованными силами человѣка:—безсознательной дѣятельностью мозга, чтеніемъ мыслей, внушеніемъ, гипнотизмомъ и т. п. „Спиритуалисты" съ другой стороны склонны всѣ явленія, происходящія на сеансахъ, считать спиритическими, т. е. приписывать ихъ участію духовъ.

Мы говоримъ, что это „жизненная сила“, пытаемся объяснить жизненную силу какъ родъ движенія. Но въ сущности мы ничего не объясняемъ, а только *даемъ названіе* явленію, остающемуся необъяснимымъ.

Наша наука говоритъ, что жизненная сила должна разлагаться на физико-химическіе элементы, на простѣйшія силы. Но наука не можетъ объяснить, какимъ образомъ одно переходитъ въ другое, въ какомъ отношеніи одно стоитъ къ другому. Мы не можемъ выразить въ физико-химической формулѣ простѣйшаго проявленія живой энергіи. И пока мы этого не въ состояніи сдѣлать, мы, строго логически, не имѣемъ права считать жизненные процессы тождественными съ физико-химическими.

Мы можемъ признавать философскій *монизмъ*, но мы не имѣемъ никакихъ основаній принимать, навязываемый намъ послѣднее время, *физико-химическій* монизмъ, т. е., отождествленіе жизненныхъ и психическихъ процессовъ съ физико-химическими. Наша мысль *метафизически* можетъ приходить къ заключенію о единствѣ физико-химическихъ, жизненныхъ и психическихъ процессовъ, но для науки, для точнаго знанія, эти три рода явленій стоятъ совершенно отдѣльно.

Три рода явленій:—*механическая сила,* т. е., теплота, движеніе, давленіе, затѣмъ *жизненная сила* и *психическая сила*—только отчасти переходятъ одно въ другое и повидимому безъ всякой пропорціональности. Представители оффиціальной науки только тогда будутъ имѣть право объяснять жизнь и химическіе процессы, *какъ родъ движенія,* когда они найдутъ способъ переводить движеніе въ жизненную и психическую энергію, и обратно, когда будетъ извѣстно, *какое количество угля нужно для возникновенія жизни,* и сколько атмосферъ давленія нужно для образованія простѣйшей мысли. *Пока* это неизвѣстно, физическія, біологическія и психическія явленія происходятъ для насъ на разныхъ плоскостяхъ. Мы можемъ догадываться объ ихъ единствѣ, но утверждать ничего не можемъ.

Если въ физико-химическихъ, жизненныхъ и психическихъ процессахъ дѣйствуетъ одна сила, то мы можемъ предположить, что она дѣйствуетъ въ различныхъ сферахъ, только отчасти соприкасающихся другъ съ другомъ.

Если бы наука дѣйствительно обладала знаніемъ единства хотя бы только жизненныхъ и физико-химическихъ явленій, она могла бы создавать живые организмы.

Въ этомъ требованіи нѣтъ ничего чрезмѣрнаго. Мы строимъ машины и аппараты гораздо болѣе сложные, чѣмъ простой одноклѣточный организмъ. И однако, такой организмъ мы построить не можемъ. Это значитъ, что въ живомъ организмѣ есть что-то, чего нѣтъ въ мертвой машинѣ.

Въ *живой* клѣткѣ есть что-то, чего нѣтъ въ *мертвой*. И мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать это что-то, одинаково, какъ необъяснимымъ, такъ и неизмѣримымъ.

Разсматривая человѣка, мы съ большимъ основаніемъ можемъ задать себѣ вопросъ: чего больше въ человѣкѣ, измѣримаго или неизмѣримаго?

— „Какъ могу я отвѣтить на вашъ вопросъ, говоритъ въ своемъ письмѣ Н. А. Морозовъ, когда самъ не имѣю измѣренія по указываемому вами направленію?"

Но какое, въ дѣйствительности, есть у него основаніе говорить такъ опредѣленно, что онъ не имѣетъ этого измѣренія?

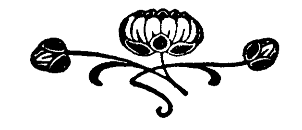
Развѣ онъ *все* въ себѣ можетъ измѣрить?—Двѣ главныя функціи человѣка *жизнь и мысль* лежатъ въ области неизмѣримаго.

И мы съ большимъ основаніемъ можемъ представить себѣ человѣка въ видѣ конуса, основаніе котораго намъ извѣстно, а остальная часть уходитъ въ область четвертаго измѣренія по неизвѣстному направленію.

Вообще мы такъ мало и такъ плохо знаемъ, что такое человѣкъ, такъ много въ насъ самихъ загадочнаго и непонятнаго съ точки зрѣнія геометріи трехъ измѣреній, что мы не имѣемъ никакого основанія отрицать четвертое измѣреніе, отрицая духовъ, а наоборотъ, имѣемъ большое основаніе искать четвертое измѣреніе именно въ себѣ.

П. Успенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Письма къ читателямъ.

> «Всесторонне развить человѣческую личность и заложить въ человѣкѣ глубокое, тщательно обоснованное идеалистическое міросозерцаніе — значитъ гарантировать для него устойчивость въ самыя трудныя минуты жизни и въ смыслѣ физическаго здоровья».
>
> Проф. **Яроцкій**.

Приведенныя слова получаютъ совершенно особое значеніе, когда читатель узнаетъ, что ихъ написалъ ученый врачъ, профессоръ патологіи и терапіи. Книга профессора Яроцкаго „Идеализмъ какъ физіологическій факторъ“ (Юрьевъ, 1908 г.), изъ которой взяты приведенныя строки, разсматриваетъ болѣзни и ихъ леченіе съ точки зрѣнія единственно правильной и пріемлемой для теософа, но совершенно необычной для европейской науки. Профессоръ ставитъ физическое здоровье человѣка въ тѣсную связь *съ его стремленіемъ къ идеалу, съ поднятіемъ его нравственнаго уровня, съ развитіемъ высшихъ сторонъ его душевной жизни.*

Было бы великимъ благомъ для современнаго человѣчества, если бы подобныя идеи широко проникли въ сознаніе людей и легли въ основаніе всѣхъ новыхъ системъ общественнаго строя.

И это будетъ, потому что „не течетъ рѣка обратно“, а матеріалистическое воззрѣніе на человѣка и его природу сыграло свою роль и не можетъ уже удовлетворять растущее сознаніе. Скажемъ мимоходомъ, что это нисколько не умаляетъ значенія великихъ пріобрѣтеній матеріалистической науки, которая въ свое время была необходима для развитія точныхъ пріемовъ анализа. Никто не знаетъ яснѣе теософа, что нѣтъ *ничего лишняго и ненужнаго* въ мірѣ явленій, что все истекаетъ изъ важныхъ причинъ, недоступныхъ намъ только потому, что зрѣніе наше далеко еще не „орлиное“; поэтому онъ стремится вникать съ одинаковой

вдумчивостью и въ то, что ему нравится, и въ то, что *не* нравится. Истекшее столѣтіе съ его расцвѣтомъ матеріалистической науки сдѣлало важную работу для будущаго, и ошибка матеріалистовъ не въ оцѣнкѣ значенія этой работы, а въ односторонности, въ томъ, что они не видятъ духовной стороны живыхъ явленій. Не видятъ потому, что хотятъ понять жизнь, глядя на нее съ одной физической плоскости. — Попробуйте узнать направленіе бѣгущихъ кораблей, оставаясь на берегу; не пройдетъ нѣсколькихъ минутъ, какъ они исчезнутъ изъ вашихъ глазъ. Но стоитъ подняться на значительную высоту *надъ* ихъ движеніемъ, наблюдая за ними съ иной плоскости, и намъ станетъ ясно и ихъ направленіе, и гавани, куда они ведутъ свой рейсъ. Матеріалистъ —если ему попадется мое письмо — можетъ возразить: мнѣ и не нужно самому видѣть корабли; у меня есть наука, безпроволочный телеграфъ, точныя географическія свѣдѣнія, я — оставаясь и на берегу—буду знать, что *этотъ* корабль идетъ въ Смирну, а *тотъ* въ Японію. Да, это было бы вѣрно, если бы всѣ грани сложной жизни умѣщались въ одной физической плоскости и движеніе жизни происходило по точнымъ вычисленіямъ механики. Но этого нѣтъ: налетитъ неожиданно буря, потопитъ корабль со всѣми телеграфными аппаратами, или жестокость капитана вызоветъ взрывъ злобы среди матросовъ, они раздѣлаются съ нимъ и повернутъ курсъ корабля въ совершенно другомъ направленіи...

Преимущество идеалистическаго пониманія жизни въ томъ и состоитъ, что оно стремится подняться *надъ* міромъ проявленныхъ явленій, чтобы схватить ихъ общій смыслъ. Но, не имѣя истиннаго ключа къ тайнѣ жизни и смерти, идеализмъ строитъ гипотезы за гипотезами, а коренной вопросъ: *въ какомъ же истинномъ соотношеніи стоитъ духъ къ тѣлу и тѣло къ духу?* остается и по сіе время нерѣшеннымъ. Ключомъ этимъ не могла обладать ни спекулятивная философія, имѣвшая дѣло съ однѣми идеями, ни матеріалистическая наука, изслѣдовавшая однѣ только формы; имъ можетъ овладѣть только та система знанія, которая совмѣститъ оба полюса жизни въ одномъ объединяющемъ синтезѣ. Такая система существовала уже въ глубокой древности; въ наше время она же дается намъ подъ именемъ Теософіи, и уже потому должна бы заслуживать вниманія ученыхъ и мыслителей, что, не смотря на глубокую древность своего происхожденія, въ состояніи удовлетворить самымъ идеалистическимъ требованіямъ нашего времени, нисколько не противорѣча и самымъ послѣднимъ выводамъ науки.

По ученіямъ Теософіи человѣческая жизнь протекаетъ одновременно въ трехъ мірахъ (физическомъ, астральномъ и духовномъ), и изъ взаимодѣйствія этихъ міровъ создаются тѣ сложныя явленія земной жизни, которыя мы называемъ благополучіемъ и бѣдствіемъ, процвѣтаніемъ и упадкомъ, здоровьемъ и вырожденіемъ народовъ.

Въ Германіи Теософія получила названіе *Науки Духа;* и она имѣетъ право на это, ибо *изслѣдуетъ законы жизни души въ физическомъ тѣлѣ и внѣ тѣла, и всѣхъ ея переживаній какъ на землѣ, такъ и въ потустороннемъ мірѣ.* Земная жизнь, по Наукѣ Духа, дается человѣку, какъ поле разнообразныхъ опытовъ, благодаря которымъ развиваются всѣ стороны его сложнаго сознанія: и умъ, и сердце, и совѣсть. На землѣ зарождаются причины всего совершающагося, въ астральномъ мірѣ созрѣваютъ послѣдствія этихъ причинъ; въ духовномъ мірѣ — всѣ активныя усилія человѣка претворяются въ непреходящія качества, а когда человѣкъ снова возвращается на землю, чтобы на высшей ступени физики развивать новыя стороны своего сложнаго сознанія,—эти же усилія проявляются въ видѣ прирожденныхъ способностей и талантовъ. Этотъ круговоротъ жизни и смерти продолжится до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не научится всему, чему можно научиться въ земныхъ условіяхъ существованія.

Въ тяжелыя эпохи, подобныя переживаемой нами, когда эгоизмъ и несправедливость однихъ классовъ общества вызываютъ взрывы озлобленія и ненависти у другихъ, — послѣдствія такого настроенія не исчерпываются тѣми явленіями, которыя мы можемъ наблюдать повсемѣстно вокругъ себя; кромѣ этихъ видимыхъ послѣдствій, созрѣваютъ и другія послѣдствія, невидимыя для насъ, но тѣмъ не менѣе реальныя и полныя огромнаго значенія для ближайшаго будущаго народовъ. Они создаются тѣми безчисленными вибраціями ненависти, зависти, страха и отчаянья, которыя несутся отъ смятеннаго человѣчества въ астральный міръ и порождаютъ тамъ условія, при которыхъ возникаютъ прототипы всевозможныхъ заразныхъ бациллъ. Возникая отъ столкновенія потрясающихъ вибрацій человѣческихъ злыхъ страстей, этотъ невидимый посѣвъ ожидаетъ только *благопріятныхъ условій,* чтобы наброситься на землю и воплотиться на ней въ видѣ чумныхъ, тифозныхъ, холерныхъ и другихъ бациллъ.

Таковъ истинный круговоротъ жизни: мирная культурная работа вызываетъ гармоническія условія въ астральномъ мірѣ, которыя съ своей стороны отзываются благими послѣдствіями на

земномъ существованіи человѣка, и наоборотъ насиліе и злоба производятъ страшныя пертурбаціи въ астральномъ мірѣ, а эти послѣднія—въ свою очередь—вызываютъ всевозможныя бѣдствія на землѣ.

Принявъ только *одно это* положеніе Теософіи, мы уже получимъ незыблемую, можно сказать, научную основу для *первенствующаго значенія нравственности* въ жизни народовъ. Этотъ законъ взаимодѣйствія, вызывая въ сознаніи неизбѣжный кругъ видимыхъ причинъ и невидимыхъ послѣдствій, устанавливаетъ какъ *безусловную необходимость* — безъ которой невозможенъ истинный прогрессъ и неизбѣжны народныя бѣдствія—культуру всѣхъ благородныхъ свойствъ человѣческой души, всѣхъ ея добрыхъ качествъ, безъ которыхъ никогда не водворится „миръ и благоволеніе“ на землѣ.

Ступень духовной эволюціи, до которой достигъ народъ, его физическая наслѣдственность и его Карма — вотъ три основы, на которыхъ строятся судьбы народовъ и которыя диктуютъ то мрачныя, то свѣтлыя страницы историческихъ лѣтописей. Всѣ онѣ создаются самими людьми и не могутъ быть ничѣмъ измѣнены, кромѣ самихъ людей, кромѣ *индивидуальныхъ и коллективныхъ усилій свободной человѣческой воли.*

Когда мы видимъ духовно и физически бѣдствующій народъ, первоначальный источникъ этихъ бѣдствій кроется въ его собственныхъ отрицательныхъ свойствахъ и въ погрѣшностяхъ его историческаго творчества. Если эти свойства таковы, что тормозятъ поступательное движеніе жизни, они создаютъ Карму отсталаго народа, бѣднаго среди природныхъ богатствъ, слабаго несмотря на свою численность, нуждающагося въ сильныхъ толчкахъ извнѣ, которые бы будили и подгоняли его впередъ. Съ другой стороны, если проанализировать тѣ положительныя качества народной души, которыя ведутъ народы къ истинному прогрессу,—всѣ онѣ сводятся къ соблюденію тѣхъ основныхъ этическихъ законовъ, которые давались людямъ во всѣ времена великими міровыми религіями. Живя сообразно съ этими законами, народъ творитъ добрую Карму, готовитъ себѣ свѣтлое будущее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываетъ оздоровленіе своей физической наслѣдственности.

Изъ этого видно, что „Карма“ не есть нѣчто фатальное, не поддающееся измѣненію. Это—живой процессъ человѣческаго творчества, всегда готовый видоизмѣниться подъ вліяніемъ добрыхъ усилій человѣка. Возьмемъ примѣръ изъ жизни современной Англіи. Чудовищное накопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ лордовъ

въ ущербъ обезземеленному сельскому населенію породило тѣ страшныя картины преступности, болѣзней и смертности дѣтей въ трущобахъ большихъ городовъ Англіи, описанію которыхъ посвящены такія потрясающія страницы въ старинныхъ англійскихъ романахъ. Но за послѣднія десятилѣтія парламентскіе дѣятели Англіи создали законодательнымъ путемъ цѣлый рядъ широкихъ общественныхъ мѣропріятій, и трущобы—со всѣми своими ужасами—начали исчезать съ лица земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я былъ въ Лондонѣ, послѣдніе остатки узкой трущобной улицы временъ Диккенса срывались при мнѣ до основанія, чтобы дать мѣсто широкому проспекту; кромѣ этихъ разрушаемыхъ домовъ, я такъ и не нашелъ тѣхъ мрачныхъ трущобъ, о которыхъ читалъ, но за то собственными глазами видѣлъ чудную общественную купальню для жителей бѣднѣйшаго изъ всѣхъ кварталовъ Лондона съ проведенной за десятки верстъ изъ Темзы водой, *проточной и нагрѣтой*, и рядомъ съ этимъ—множество лавочекъ съ казенной продажей по дешевой цѣнѣ молока для дѣтей бѣдняковъ съ муниципальныхъ фермъ. Такая дѣятельность уничтожаетъ *благопріятныя условія* для проявленія ранѣе созданной дурной Кармы и сильно смягчаетъ ея послѣдствія. Такимъ образомъ, *разумная и добрая дѣятельность руководящихъ классовъ гаситъ злую Карму народа и создаетъ благопріятныя условія для его здороваго и успѣшнаго развитія.*

Если перейти къ вліянію душевныхъ процессовъ отдѣльнаго человѣка на его здоровье, мы увидимъ, что выводы профессора Яроцкаго во многомъ совпадаютъ съ ученіями Теософіи. Въ сознаніи большинства современнаго образованнаго общества и по сіе время преобладаетъ матеріалистическое воззрѣніе на гигіену души и тѣла. Большинство современныхъ врачей и даже родителей отождествляютъ *самого* человѣка съ его тѣломъ, и отсюда—односторонняя культура тѣла, чрезмѣрная его холя, неправильное воспитаніе ребенка, „упитыванье“ его, фиксированье его вниманія на физическое самочувствіе въ ущербъ душевнымъ качествамъ, которыя благодаря этому отодвигаются на задній планъ. Результатъ—пониженіе всего уровня человѣческой жизни и развитіе самаго низменнаго эгоизма, готоваго жертвовать всѣмъ, ради личнаго удовлетворенія. Можно считать аксіомой, что *культура тѣла безъ культуры души ведетъ къ эгоизму, эгоизмъ—къ ограниченію сознанія, а узкій кругозоръ—самый сильный тормазъ для развитія человѣка.*

Идеалистически настроенные люди проявляютъ другую крайность: не считаясь съ требованіями физическаго здоровья, они

изнуряютъ себя чрезмѣрнымъ напряженіемъ и часто надрываютъ свои силы. Обѣ крайности одинаково далеки отъ правильной культуры *всего* человѣка. По ученію Теософіи тѣло есть *проводникъ духа* и его слѣдуетъ развивать, никогда не дѣлая изъ его самочувствія цѣли жизни, но и не забывая, что чѣмъ здоровѣе и совершеннѣе проводникъ, тѣмъ легче и полнѣе могутъ проявляться черезъ него всѣ стороны человѣческаго духа. Здоровье и прочность физическаго организма достигаются не мяснымъ режимомъ и не врачебной гимнастикой, а правильной культурой духа, естественнымъ послѣдствіемъ которой является хорошо направленная воля, физическое воздержаніе и гармонія душевной жизни.

Подъ вліяніемъ такой культуры строится гибкій и устойчивый организмъ съ большой работоспособностью и тонкой воспріимчивостью. Восточные Іоги, обладающіе совершенно невѣроятной для европейца властью надъ своимъ организмомъ, достигаютъ этого соблюденіемъ строгой дисциплины души и тѣла, которую можно свести къ тремъ главнымъ задачамъ: *расширеніе сознанія, культура эмоцій* и *очищеніе тѣла*. Европейцу трудно себѣ даже представить ту могучую силу, съ которой Іогъ владѣетъ всей своей природой, своимъ тѣломъ, эмоціями и страстями. Напомню моимъ читателямъ примѣръ—приведенный мной въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ—самообладанія—даже не Іога, а образованнаго Индуса изъ касты брамановъ, который не захотѣлъ принять хлороформъ во время мучительной операціи, утверждая, что онъ въ немъ совсѣмъ не нуждается, и онъ *дѣйствительно* не чувствовалъ боли благодаря тому, что устремилъ свое внутреннее вниманіе на опредѣленный объектъ. Рядомъ съ такой властью надъ своимъ тѣломъ, Іогъ добивается для него такой устойчивости и такой силы сопротивленія, что можно не преувеличивая утверждать, что Іогъ никогда не хвораетъ и самая жизнь его удлиняется до размѣровъ, которые вызвали даже легенды о безсмертіи Іоговъ.

Чѣмъ же достигаются такіе результаты? Психологическіе методы Теософіи—потому что всѣ пріемы воспитанія и развитія души, примѣнявшіеся древними посвященными на Востокѣ, вошли въ ученія Теософіи—не пригодны для людей слабыхъ и легкомысленныхъ, но они совершенно доступны для того, кто твердо рѣшитъ стать хозяиномъ своего тѣла и своей судьбы. Здѣсь все сводится къ выдержкѣ, самообладанію, терпѣнію и мужеству. Душевная культура Іога достигается: устремленіемъ вниманія на вѣчное; равнодушіемъ къ преходящему; строгимъ контролемъ надъ

мыслями, эмоціями и поступками; широкой терпимостью; вѣрностью идеалу и вѣрой въ свое божественное происхожденіе; развитіемъ всѣхъ видовъ терпѣнія; достиженіемъ внутренняго равновѣсія до степени глубокаго душевнаго мира;—душа, по любимому выраженію индусовъ, должна стать подобной тихому горному озеру, безъ малѣйшаго дуновеніи страстей, которыя мѣшаютъ отражать истину. Физическая гигіена Іога состоитъ въ растительной пищѣ, для питья—чистая вода и молоко, въ пищѣ и питьѣ—ничего раздражающаго и способнаго возбуждать; строгое воздержаніе во всемъ; неизмѣнный ритмъ ежедневной жизни, правильное чередованіе труда и отдыха, бодрствованія и сна. Можно согласиться съ тѣмъ, что такая дисциплина трудно выполнима въ нашихъ шумныхъ городахъ съ ихъ искусственной, устремленной на пустяки жизнью и лихорадочной дѣятельностью. Всѣ современныя условія ведутъ къ тому, чтобы развивать неуравновѣшенныхъ, болѣзненныхъ и эгоистическихъ людей, съ вѣчно мѣняющимися настроеніями. Но это—явленіе переходное. *Будущность за сильными, уравновѣшенными, побѣдившими свою низшую природу и стремящимися къ единству.* И человѣкъ, желающій участвовать въ творчествѣ грядущаго, долженъ стремиться къ такой силѣ и къ такой побѣдѣ и оставаться при этомъ чуткимъ ко всѣмъ многообразнымъ интересамъ усложнившейся общечеловѣческой жизни. Потому что будущая человѣческая раса совмѣститъ въ себѣ всѣ лучшія качества Востока и Запада: многосторонность духовнаго творчества, острый анализъ европейца и его яркая индивидуальность сольются съ самообладаньемъ, уравновѣшенностью, широкимъ синтезомъ и стремленьемъ къ единству восточнаго мудреца.

Если читатель спроситъ меня: знаю ли я людей, приближающихся къ такому совершенству? я могу отвѣтить твердо: да, знаю, и прибавить, что красота человѣка будущей расы такъ велика по сравненію съ несовершенствами современнаго человѣка, что нѣтъ такихъ усилій и нѣтъ такихъ жертвъ, которыя не стоило бы принести для достиженія такой красоты.

Профессоръ Яроцкій повидимому знаетъ это и знаетъ, что нѣтъ болѣе могучаго средства для борьбы съ болѣзнями какъ сильный духъ, вполнѣ овладѣвшій своей низшей природой, и что единственный архитекторъ, способный построить дѣйствительно здоровое, выносливое, не поддающееся болѣзнямъ тѣло, это—поднявшаяся надъ эгоизмомъ, благородная и сильная въ активномъ добрѣ душа человѣка.

Если книга профессора Яроцкаго—знаменье времени—и его идеи перейдутъ въ сознаніе большинства образованныхъ людей, это будетъ зарей обновленной жизни на землѣ, фундаментомъ для новой общественной этики, безконечно болѣе совершенной и гуманной, чѣмъ этика отживающаго строя современной жизни.

Другъ читателя.



ЗОЛОТЫЯ СЛОВА.

(Мудреца Шри Шанкарачарія).

Кто сентиментально мечтаетъ о свободѣ и только мнимо свободный отъ страстей старается плыть по океану условнаго бытія, тотъ будетъ пойманъ акулой желанія, крѣпко схваченъ и, увлеченный въ глубину, захлебнется.

Знай, что Атма есть тотъ познающій, черезъ котораго все познается.

Атма есть вѣчное блаженство, которое всегда остается одинаковымъ и есть само познаніе. Это непроявленное духовное сознаніе начинаетъ проявляться на подобіе утренней зари въ чистомъ сердцѣ и свѣтитъ какъ полуденное солнце въ „пещерѣ мудрости" *), откуда оно освѣщаетъ весь міръ.

*) „Пещера мудрости", которую такъ тщетно искали анатомы и физіологи, находится между „бровями". Для „отшельника", который является обитателемъ этой пещеры, это выраженіе не требуетъ поясненій.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Ceugant.

Voici: les choses anciennes sont passées
et toutes choses sont devenues nouvelles.

Высоко надъ міромъ, надъ мірами, все болѣе тяготѣющими въ нематеріальность чистаго бытія, по ученію Кельтовъ стоитъ неприступный Кругъ высшаго существованія Единаго Создателя міра, Ceugant: когда то нѣкоторыя совершеннѣйшія души, съ вершинъ рая, ринулись еще выше — къ глухимъ, недостигнутымъ вратамъ Ceugant... Врата остались закрытыми. Но сила соприкосновенія съ неразгаданной тайной ихъ отбросила отважныхъ искателей къ противоположному полюсу Жизни, въ самый темный низъ, Anneuwn... И снова, сквозь милліоны эръ началось восхожденіе съ печальнымъ міромъ смертныхъ — до дня, гдѣ блаженный свѣтъ Рая принялъ ихъ, побѣдителей смерти... снова... Но врата горѣ оставались закрыты... Ceugant остался тайной міра и была ли надежда? Это—если когда было сказано человѣческой мысли, не дошло до человѣчества, было унесено

На сумрачныхъ крыльяхъ вѣковъ
Широко *) простертыхъ во тьму міровую,..

Прошли снова вѣка — погасъ надзвѣздный огонь Кельтовъ, какъ поблекли лотосы Изиды у завѣсы, скрывавшей ея тайну... И вотъ, прозвучала человѣчеству Благая Вѣсть

Я пришелъ сдѣлать васъ свободными.

Въ безконечныхъ равнинахъ, вокругъ великой рѣки подобной Нилу, качающей въ устьѣ своемъ миріады лотосовъ цвѣта зари **), зародилась подъ знакомъ Солнца новая Раса, всѣмъ существомъ тянущаяся въ нагорные міры. Грозно возносятъ надъ ней преграду за преградой могучія расы—пережитки прошлаго... Но тамъ, гдѣ гордость знанія сорвалась въ бездну, тамъ въ выси засвѣтились снова врата Ceugant'а и зазвучалъ призывъ: „Толцыте и отверзется вамъ".

Н. Гернетъ.

---

*) Rosso di Viola.

**) Волга при впаденіи въ Каспійское море.

ЗОЛОТЫЯ СЛОВА.

(Мудреца Шри Шанкарачарія).

О ученикъ! плыви по безбрежному морю измѣнчиваго бытія, волны котораго рожденіе и смерть, и исполняй цѣль твоего существованія.

Вѣчный не рождается, не умираетъ, онъ не увеличивается и не уменьшается, не измѣняется и не разрушается при распаденіи тѣла, какъ не исчезаетъ пространство, когда разбивается горшокъ.

Окутывающая сила Tamos'a *) совершенно закрываетъ Атма, силы котораго безконечны и проявляются черезъ недѣлимую, вѣчную, единую силу познанія; она скрываетъ его такъ, какъ тѣнь луны закрываетъ отъ насъ солнце.

Какъ облака, происшедшія отъ вліянія лучей солнца, становятся замѣтными отъ того, что закрываютъ солнце, такъ эгоизмъ, происшедшій отъ связи съ Атма, становится замѣтнымъ потому, что скрываетъ настоящую сущность этого Атма (истиннаго я).

Какъ въ пасмурный день, когда густыя облака закрываютъ солнце, холодныя бури гонятъ тучи изъ стороны въ сторону, такъ терзается человѣкъ съ обманчивымъ разумомъ, который безпрестанно помрачается Tamos'омъ и многими сопряженными съ нимъ мученіями.

Эта связь можетъ быть разрублена мечемъ дѣлающаго различіе познанія. Въ очищенномъ Буддхи находится познаніе высшаго я, изъ котораго исходитъ уничтоженіе условнаго существованія.

Глиняный горшокъ не отличается отъ глины; его природа по существу всегда остается глиной. Форма горшка сама по себѣ не существуетъ; это только названіе, созданное представленіемъ. Никто не можетъ видѣть горшокъ отдѣльно отъ глины. Поэтому самъ по себѣ горшокъ лишь представленіе, исходящее отъ воображенія; единственно же существенное—глина.

Если исчезнутъ всѣ, созданныя Майей, различія, то останется То, что вѣчно, постоянно, не змѣримо, непроявлено, не имѣетъ формы и неразрушимо.

Мудрецы считаютъ это высшей истиной, абсолютнымъ сознаніемъ, въ которомъ сливаются познающій, познаваемое и познаніе.

Какъ глиняный горшокъ разсматривается какъ глина, такъ и все есть Атма, что отошло изъ Атмы, и нѣтъ ничего, что отличалось бы въ дѣйствительности отъ него.

*) Tamos—связующій принципъ, причина матеріальности, инертность, лѣнь.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**